

САМАНТА БЕЙЛИ

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

ТЫ НЕ ЗАСЛУЖИЛА ДОЧЬ. С ТОБОЙ ОНА НЕ БУДЕТ В БЕЗОПАСНОСТИ

Морган Кинкейд — не самый счастливый человек. Бывшая жена богатого дельца, она в одночасье лишилась всего: красавец-муж оказался мошенником крупного полета и под страхом разоблачения покончил с собой. А ничего не подозревавшей о его махинациях Морган пришлось пройти семь кругов ада полицейского расследования. Теперь она с трудом сводит концы с концами, мечтая когда-нибудь стать матерью и восстановить свое честное имя. Но Морган предостоят новые потрясения: однажды вечером на платформе метро незнакомая женщина сует ей в руки свою новорожденную дочь, а затем прыгает под колеса поезда. Перед смертью она просит уберечь девочку... Но от чего?

Так начинается дебютный роман Саманты Бейли — превосходно закрученный психологический триллер, от которого захватывает дух.

16+

Знак информационной
продукции

Все книги издательства «Аркадия»
на www.labyrinth.ru

ISBN 978-5-907338-33-3

9 785907 338333 >

ВЕРТИГО

САМАНТА БЕЙАН

ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург
2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б41

Samantha M. Bailey
WOMAN ON THE EDGE

Перевела с английского
Анна Ремез

Дизайнер обложки
Юлия Прописнова

Издательство выражает благодарность
литературному агентству *Andrew Nurnberg Literary Agency*
за содействие в приобретении прав

Бейли С.

Б41 Обратный отсчет : [роман] / Саманта Бейли; [пер. с англ.
А. Ремез]. — СПб. : Аркадия, 2022. — 320 с. — (Серия
«Вертиго»).

ISBN 978-5-907338-33-3

Мгновение на платформе метро навсегда меняет жизнь Морган Кинкейд. Незнакомая молодая мать называет ее по имени и кладет ей на руки младенца: «Возьми моего ребенка». А потом прыгает под поезд.

Потрясенная Морган никогда раньше не видела эту женщину и не в силах понять, откуда та узнала ее имя и что заставило ее покончить с собой. Крутоворот пугающих событий стремительно затягивает Морган в глубину, и, чтобы выжить, она должна отыскать ответы на свои вопросы...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-907338-33-3

© Samantha M. Bailey, 2019
© Издание на русском языке, перевод
на русский язык, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2022

*Моим родителям, Селии и Майклу,
благодаря которым мое детство было
полно книг, любви и веры в то, что
я могу добиться всего, чего захочу, если
буду трудиться.*

*Мама, папа, эта книга написана для
вас и благодаря вам*

Ни в одном языке не найдется достаточно слов, чтобы выразить красоту, героизм и величие материнской любви. Мы мельчаем, но она не становится меньше, мы слабеем, а она растет, и средь мирской суеты она словно звезда, посылающая нам свое сияние неугасимой преданности.

Эдвин Хаббелл Чапин

Глава первая

Морган

Понедельник, 7 августа

— Возьми моего ребенка!

Я вздрагиваю от этого голоса, тонкого и нервного. Стоя на краю платформы, я, как обычно, жду поезд после работы.

Раньше я улыбалась окружающим, но теперь куда более осторожна. С тех пор как умер Райан, никто не понимает, как со мной общаться, как вести себя в моем присутствии, да я и сама разучилась взаимодействовать с людьми. Как правило, я стою, опустив голову, и ни на кого не смотрю, поэтому голос и застал меня врасплох.

Поднимаю взгляд и вижу женщину. Я подумала, что она обращается к кому-то другому. Но это не так. Растрепанная незнакомка в линялых черных штанах для йоги и заляпанной белой футболке говорит именно со мной.

Одной рукой она прижимает к груди спящего младенца. Видя, что привлекла мое внимание, подходит, напирая на меня, вцепляется ногтями в мое запястье и повторяет:

— Возьми моего ребенка!

Несмотря на удушающую жару на станции «Гранд-Стейт», по спине пробегает дрожь. Эта женщина явно на пределе, она на краю, как и я, — по крайней мере здесь, на платформе метро. Я всегда стою тут, поджидая поезд, чтобы первой попасть в вагон. Если она сейчас толкнет меня, я упаду прямо на рельсы. Какими бы безрадостными ни были восемнадцать месяцев, прошедшие с того дня, как Райан покончил с собой, мне удалось начать новую жизнь. И я не хочу, чтобы она кончилась вот так.

Я очень осторожно высвобождаю руку.

— Извините, вы не могли бы...

Она подходит еще ближе, так близко, что мне приходится отступить на голубую линию у края. Глаза у нее совершенно безумные, губы сухие и окровавленные... Ей явно требуется помощь. Отбросив назад длинные черные волосы и пристально взглянув на нее через очки, я говорю:

— Нам надо отойти. Вот так.

Я пытаюсь увести ее от края платформы, но она не двигается с места.

Мне становится не по себе. Я социальный работник и хорошо распознаю признаки нервного срыва. И у Райана я должна была их заметить. Не окажись я такой тупой и слепой верной женошкой, мой муж обратился бы за помощью и получил бы ее до того, как стало слишком поздно. Он бы понял, что в жизни есть вещи похуже хищения чужих

денег. Будь я прозорливее, мне бы не пришлось сейчас расплачиваться за его преступления, о которых я даже не подозревала.

И может быть, к этому времени я тоже была бы матерью, как эта женщина напротив меня.

Выглядит она ужасно. Пучки спутанных черных кудрей торчат на голове, как будто их срезали бензопилой. Я поспешно отвожу глаза.

— Я за тобой наблюдала, — говорит она сдавленным голосом.

Ребенка она прижимает к себе так сильно, что я начинаю за него беспокоиться. Глаза у женщины запавшие, под ними темнеют круги, словно ее били, и глаза эти бегают.

— Вы ищете кого-то? Кто-то должен вас здесь встретить?

Мысленно я уже проклиная себя за то, что просто не дала ей телефон Кейт, моей начальницы в приюте для женщин «Гавань». Я больше не ведущий консультант, меня понизили до менеджера. Лучше бы мне никогда не встречать Райана! Не таять от его ухмылочек и самоиронии. Бежать мне некуда. У меня все еще есть работа. Не сделав ничего предосудительного, я потеряла все, включая веру людей в мое доброе имя. Да что говорить, веру в себя я тоже утратила.

Эту женщину я не должна консультировать. Кто я такая, чтобы давать советы?

Она снова смотрит на меня, на ее худом лице отражается ужас.

— Береги ее, — просит она.

Малышка крепко спит, прижавшись крошечным личиком к материнской груди. Она не подозревает о страданиях своей мамы. Я чувствую, что начинаю впитывать боль этой женщины. Это неправильно. Мне вполне хватает собственной. Когда она снова заговорит, я дам ей номер приютского телефона.

— Я давно наблюдала за тобой. Кажется, ты добрая. Умная. Пожалуйста, Морган.

Она только что назвала меня по имени? Но это невозможно! Я никогда в жизни ее не видела!

Женщина целует волосы малышки и снова смотрит на меня пронзительными голубыми глазами:

— Я знаю, что тебе нужно. Не дай никому причинить ей вред! Люби ее за меня, Морган.

«Я знаю, что тебе нужно?»

— Откуда вы меня знаете? — спрашиваю я, но мой голос заглушает объявление о прибытии поезда:

— Отойдите от края платформы.

Женщина что-то снова говорит, но из-за шума ветра, вырвавшегося из туннеля, я не слышу ни слова.

Мне страшно. Все это слишком странно, я должна поскорее уйти от этой женщины. Вокруг нас люди, но никто не замечает, что здесь что-то не так. Все сосредоточены на себе, как и я всего пару минут назад.

Она снова оглядывает платформу, потом протягивает мне ребенка, и я беру его, просто потому,

что срабатывает инстинкт. Я смотрю на эту малышку. Мягкое одеяльце, в которое она завернута, прикасается к моей коже, и это прикосновение приятно. Лицо девочки безмятежно.

Когда секунду спустя я снова смотрю на ее мать, поезд со скрежетом подъезжает к платформе.

И тогда она прыгает.

Глава вторая

Николь

Восемь недель назад

Золотой ручкой «Монблан», которую ей подарил Грег, ее муж, Николь сделала пометку на последней странице глянцевого зимнего каталога компании «Дыхание». Она кое-что заметила. На фотографии модель замерла в асане воина, демонстрируя новые брюки для йоги. Николь бросилось в глаза, что у нее на коленке складка. Так не годится. Эта рекламная кампания — ее последний проект перед уходом в декретный отпуск. Все, что произведено в «Дыхании», непременно должно быть одобрено Николь, основательницей и генеральным директором одной из крупнейших в Северной Америке компаний по производству товаров для фитнеса и здорового образа жизни. И она просто не может покинуть офис, пока этот каталог не доведен до совершенства.

Николь вздохнула. Она не представляла, как жить без работы. Она никогда не уходила в отпуск без постоянной связи с коллегами, а если уж честно, вообще никогда не была в настоящем отпуске. Она

утешалась тем, что отлучится всего на шесть недель, на каких-то полтора месяца. Так Николь договорилась с Люсиндой Нестлс, своей вечной соперницей, исполнительным директором «Дыхания», и с другими членами совета компании. Ей очень хотелось стать правильной матерью, но она просто не могла себе представить, как это — не работать. Ведь «Дыхание» — ее детище, ее первый ребенок. А теперь она носит второго. Нет-нет, все будет в порядке. В отсутствие Николь компания останется в надежных руках Тессы, директора по производству и ее лучшей подруги.

Она нажала на кнопку беспроводной связи и попросила свою секретаршу Холли позвать к ней Тессу, как только та появится в офисе.

— Конечно, — ответила Холли.

Николь отбросила с лица густые темные кудри и положила ладонь на живот. Она почувствовала легкий толчок — это ножка или локоток. Грядущее материнство волновало и пугало ее, она ведь его не планировала. Отправившись к врачу, чтобы справиться с тем, что ей казалось приступом кишечного гриппа, Николь узнала, что она на тринадцатой неделе беременности. Она так закрутилась на работе, что забывала отслеживать свой цикл, который из-за постоянного стресса стал нерегулярным. Новость повергла Николь в ужас, ее бросило в жар. Но в тот момент, когда к ее животу прикоснулся сенсор для УЗИ и послышался звук, похожий на топот копыт, она вдруг ощутила надежду и радостное предвкушение. Она подумала, что это ее шанс освободиться наконец

от груза прошлого, шанс сотворить новую жизнь и для ребенка, и для себя.

Николь улыбнулась, вспомнив тот вечер, когда она показала снимок Грегу. Они вернулись с вечеринки по поводу запуска нового приложения «Дыхания» — «Фитнес за десять минут». Как всегда после мероприятий, они присели на диван, чтобы обсудить, как все прошло, и она вложила черно-белую фотографию в его ладонь.

— Что это? — спросил он, нахмурившись.

Николь не бралась предугадать его реакцию, однако верила, что все будет в порядке.

— Это наш ребенок, — ответила она.

— Что? — спросил Грег шепотом, как будто страшился произнести это вслух и таким образом признать реальность происходящего.

Глаза его широко раскрылись, он сильно побледнел, Николь испугалась, что он может потерять сознание.

— Знаю, мы этого не планировали, но так уж случилось, — она взяла мужа за руку и переплела его пальцы со своими.

Грегу очень нравились прикосновения Николь. Он обожал жену и всегда ставил ее желания выше собственных.

Она увидела, что его взгляд потеплел, хотя муж все еще выглядел потрясенным.

— Я спрошу тебя только сейчас, только один раз, и буду на твоей стороне, что бы ты ни ответила. Ты хочешь этого ребенка?

Николь посмотрела ему прямо в глаза:

— Да, хочу. Мы сможем дать своему ребенку все, Грег. Мы будем прекрасными родителями, я в этом уверена. Мы все устроим, как нужно.

Он улыбнулся и снова посмотрел на снимок:

— Что-то я ничего не вижу.

Она рассмеялась и указала ему на крошечную фасолинку.

— А ты ведь всегда говорила, что не хочешь детей, — сказал Грег, наклонившись к ней.

Да, Николь была твердо убеждена, что материнство не для нее, однако причины этого ее муж не знал.

— Я не понимала, что хочу, пока это не случилось.

— Полагаю, мы наймем няню. Ведь ты явно не собираешься сидеть дома.

Николь вздрогнула. Нет, няню она никогда не наймет. И никогда не скажет Грегу почему.

— Поживем — увидим. На территории «Дыхания» есть ясли.

Он кивнул. Его явно потрясли перемены, к которым они оба не подготовились.

На УЗИ в семнадцать недель он пошел с ней и держал в своей вспотевшей ладони ее руку, когда им объявили, что у них будет девочка.

— Никогда не отпущу ее на свидание, — шепнул Грег, целуя Николь в шею.

Николь прикрыла глаза, давая новости захлестнуть ее. Ее жизнь сделала круг. Одна девочка утрачена, но другая дарована.

Теперь, в тридцать девять недель, фасолинка выросла в настоящего ребенка, чьи острые коленки

и локти каждый день пихали Николь. Ребенок жил и заявлял о себе.

Николь была благодарна Грегу, своему нежному и заботливому мужу. Она снова посмотрела на фото в телефоне, сделанное этим утром. Шикарная кремово-белая детская кроватка, та самая, страничку с которой Николь загнула, разглядывая каталог французской фирмы «Маленькое сокровище». Грег собрал и поставил кроватку в детской, пока жена спала. Должно быть, это заняло несколько часов.

Он валился с ног от усталости, когда утром привел ее в комнату и сказал: «Сюрприз!»

— О, Грег! Я люблю тебя! Спасибо! — она обняла его крепко-крепко, думая о том, как же он выдержит рабочий день. Они разбогатели благодаря «Дыханию», но Грег работал на фондовой бирже, а не жил за ее счет.

Ее мысли прервала Холли, вошедшая в кабинет. Она положила аккуратную стопку писем рядом с фиолетовым ноутбуком Николь.

— Тесса сейчас придет, — сказала она.

Николь отбросила мысли о будущем и тут же переключилась на рабочие вопросы:

— Отлично. Я просмотрела обновленный сайт, надо кое-что подкорректировать. Программа «От хаоса к покою» выглядит перегруженной, — она задумалась на мгновение, — может быть, поручить составителям подобрать пять упражнений вместо семи? И проверь, пожалуйста, отчет по последним продажам осенней коллекции спортивных курток. Если все

хорошо, то Тесса сможет внедрять приложение одновременно с выпуском каталога.

Холли кивнула и протянула ей белый конверт:

— Остальные я открыла, но этот не тронула, подумала, что в нем личное письмо. Может быть, какой-то поклонник написал после публикации в «Трибуне»?

У Николь ускорился пульс. Сердце вдруг заколотилось, она слышала его громкий стук. На конверте, который протягивала секретарша, знакомыми небрежными каракулями было выведено «Николь Лейтон». Лейтон — ее девичья фамилия. На штампе было написано: «Кеноша, Висконсин». То место, где девятнадцать лет назад рухнула ее жизнь. Какой уж там поклонник...

Именно поэтому Николь и не хотела, чтобы в статье упоминалось о ее беременности. Она не хотела, чтобы кто-нибудь из ее прошлой жизни узнал, что у нее будет дочь. Люсинда уверяла, что статья необходима для пиара: прекрасная Николь, будущая мать и генеральный директор компании, пропагандирующей равновесие в жизни, станет отличным примером для других женщин. В материале рассказывалось о видимых достижениях «Дыхания» — воркшопах по целительной осознанности, придающей энергию, линейке продуктов для ухода за телом, разработанных «женщинами для женщин», о духе компании, помогающей женщинам достичь равновесия во всех сферах жизни. Часть доходов от продаж отчислялась Фонду помощи осиротевшим подросткам. Такой когда-то была Николь. Ее родители погибли в автомобильной аварии, когда она оканчивала среднюю

школу, и она знала, каково это — остаться на свете совсем одной, лишиться всего. Николь никак не предполагала, что редакция не обратит внимания на ее требование и оповестит читателей и о том, что она ждет ребенка, и о том, что это именно девочка.

Номер вышел неделю назад. С тех пор она каждый день ожидала письма, и вот оно пришло.

Она протянула руку за конвертом, схватила его и как можно более спокойно сказала:

— Спасибо, Холли.

Она надеялась, что со стороны не заметно, как она вспотела.

— Пожалуйста, подбери данные последних продаж коллекции «Поток» по Сан-Франциско. Танкини продаются не так хорошо, как должны. Информация мне нужна до совещания. Последнего перед моим уходом.

— Не могу представить себе совещания без вас. Как же мы справимся?

— Все будет в порядке. Есть Тесса, есть Люсинда и целая команда профи. Вы по мне не заскучаете.

— Обещайте, пожалуйста, что не будете выходить в Скайп в бюстгальтере для кормления от «Дыхания».

Николь засмеялась:

— Не дождетесь!

Холли вышла из кабинета и закрыла за собой дверь.

Деланая улыбка тут же сползла с лица Николь. Она боролась с желанием порвать конверт на мелкие кусочки. Не знать, что содержится внутри, — не

знать, что ей угрожает. Но разум подсказывал ей, что знать следует. У нее перехватило дыхание.

Первое письмо Николь получила, когда училась на первом курсе Колумбийского колледжа. Всего две строчки:

Я знаю, что ты сделала. Ты должна была ее беречь. Однажды ты заплатишь за это.

Страх полоснул по ней, словно лезвие ножа, пальцы заledenели.

Письма в белых конвертах продолжали приходить каждый год, но пять лет назад это вдруг прекратилось. Она надеялась, что Донна наконец оправилась после того ужасного лета. Сама Николь постоянно пыталась это сделать. Но, кажется, ее надежды не оправдались. Рука с конвертом задрожала. Донна превратилась в защитный кокон вокруг своей малышки, беспокоилась из-за каждого чиха, не уходила из детской, пока Аманда спала, снова и снова заводя мобиль в виде бабочки, который играл колыбельную над кроваткой. Донна любила дочку так же, как Николь уже любила свою, еще не родившуюся, и потеряла ее навсегда. Ни одна мать не может до конца излечиться от такой ужасной травмы.

И вот новое письмо. Зажав его в кулаке, Николь встала из-за рабочего стола. Ей было уже трудновато двигаться, хотя она находилась в прекрасной форме благодаря йоге, которой каждый день занималась в кабинете. Она поощряла заботу о себе и у своих сотрудников.

Николь положила конверт на пол и опустилась на коврик для йоги возле панорамного окна, сначала сев в позу лотоса, потом приняв позу кошки. Сфокусировавшись на дыхании, она прошептала: «Мое сердце открыто. Я люблю себя и позволяю моей душе соединяться с душами других людей. Я прощаю себя и хочу жить в благодати и радости». Ребенок потянулся внутри, и Николь почувствовала связь со своей дочкой.

Кажется, теперь она готова. Николь села, взяла конверт и вскрыла его. На листе, который она достала, было написано:

Ты не заслужила дочь. Ты убийца. С тобой она не будет в безопасности.

От нахлынувших слез строчки поплыли перед глазами. Итак, Донна прочитала тот выпуск «Чикаго Триббюн» и знает, что у Николь будет девочка.

Она положила письмо в конверт и, держась за подоконник, поднялась на ноги. Лицо горело, и Николь прижалась к холодному оконному стеклу. Окно выходило на Вест-Армитидж-авеню, и было видно, как женщины заходят во флагманский магазин «Дыхания» и выходят из него. Магазин прилегал к серому четырехэтажному офисному зданию на улице Норд-Холстед в Линкольн-парке.

Ребенок заворочался.

Вдруг грудь сдавило, и Николь стало не хватать воздуха, перед глазами запрыгали черные мушки. Она уперлась ладонью в стекло, чтобы не упасть, но от вида уличного движения у нее закружилась

голова. Нет, ей просто нельзя рухнуть в обморок на работе!

— Ник?

Она скомкала письмо и, оглянувшись через плечо, увидела в дверях миниатюрный силуэт Тессы. Через секунду та была уже рядом, и Николь ощутила ее ласковое прикосновение к спине.

— Все в порядке. Сделай глубокий вдох. Теперь выдох. Вдох. Выдох, — Тесса дышала вместе с ней. — И еще раз. Вот так, хорошо.

Подруга знала, как успокоить Николь. Ей можно было доверить и рабочие вопросы, и секреты и проблемы со здоровьем.

— Спасибо, Тесса.

— Просто надо дышать. Ведь ты сама меня этому научила.

— Вот зачем нужны друзья. Чтобы напомнить о том, что надо дышать.

— Так и есть., — лицо Тессы озарилось широкой улыбкой. — Не помню, когда у тебя последний раз была паническая атака.

А Николь очень хорошо помнила. Это случилось четыре года назад, когда они с Тессой просматривали каталог средств по уходу за детской кожей. При виде фотографии счастливой матери, сидевшей с младенцем на руках в кресле-качалке, Николь вдруг стало трудно дышать. Грудь сдавила мучительная боль. Конечно, картинка напомнила ей о Донне, и воспоминания о том ужасном лете нахлынули с новой силой, она не смогла противостоять им. Николь было очень стыдно, ведь рядом находилась подчиненная,

Тесса, тогда работавшая дизайнером продукции, и размывать границы субординации Николь совсем не хотелось.

Но Тесса оказалась такой чуткой. Она была инструктором по йоге, изучала холистический подход к здоровью и научила свою начальницу преодолевать панические атаки и справляться с приступами тревоги. Ее спокойный голос и легкие прикосновения очень помогали. Постепенно они сблизились. Николь удалось рассказать Тессе, теперь — своей правой руке и директору по производству, почти все, что произошло тем роковым летом в Кеноше. Тяжкий груз вины, убивавший Николь, наконец стал легче. Так что в каком-то смысле Тесса, из подчиненной превратившись в подругу, спасла ей жизнь.

Кроме Бена, старшего брата Николь, с которым они очень редко виделись, Тесса была единственным человеком, который знал о случившемся. Николь не хотела, чтобы Грег узнал об этом, так же как и о ее панических расстройствах. Для него она была сильной, она была лидером. Такой он ее полюбил, и она отказывалась показывать ему свою другую сторону.

Ее дыхание замедлилось, стало полегче, уже не так сильно сдавливало грудь.

— Поделиться не хочешь? — спросила Тесса.

Николь повернулась спиной к окну и окинула взглядом фигурку Тессы, ее молодое красивое лицо, светлые волосы, привычно убранные в косу. Ей было всего двадцать девять лет, а Николь уже исполнилось тридцать шесть, но временами Тесса действовала и говорила не по годам мудро. У нее не было ни детей,

ни еще кого-либо, кто играл бы в ее жизни важную роль, и она сама распоряжалась своим временем. Николь часто завидовала подруге: казалось, что та, в отличие от нее, не нуждается в других людях. Определенно, Тессе никогда не было одиноко.

Николь отстранилась от окна. Ведь сейчас должен наступить самый счастливый период ее жизни! И она не позволит Донне все снова разрушить.

Поэтому она ответила:

— Думаю, дело в страхе перед родами. Да и оставлять «Дыхание» в руках Люсинды тревожно. Моя компания значит для меня все. Просто не понимаю, как это меня не будет здесь целых шесть недель!

— Но здесь буду я. К тому же Люсинда предана «Дыханию» и не посмеет в твое отсутствие корчить из себя генерального директора.

Николь усмехнулась. Выведа «Дыхание» на рынок, она договорилась с партнерами, что останется главой компании, невзирая ни на какие обстоятельства. Люсинда возражала, но оказалась в меньшинстве. И вот теперь хотя бы на эти несколько недель наконец получит то, чего так хотела.

После декретного отпуска нужно повесить Тессу и, возможно, назначить ее вице-президентом.

— Видела бы ты Люсинду на совещаниях, — сказала Николь. — Впрочем, ничего страшного, ты права. Все будет в порядке.

Тесса засмеялась.

— Сумеешь провести встречу?

— Конечно.

В конце концов, она же генеральный директор. Она вывела компанию на рынок, когда ей было всего двадцать восемь. Неужели ее так просто можно лишить силы? Прошлое в прошлом. Это всего лишь письмо. Теперь слова не способны причинить ей боль.

— Тесса, со мной все в порядке. Я проведу встречу, точно.

— Хорошо. Заскочи за мной, когда закончишь, и мы где-нибудь поужинаем, чтобы отметить твой последний рабочий день.

— Я бы с радостью, но у нас с Грегом сегодня свидание. Скоро роды, так что мы хотим насладиться оставшимся временем наедине.

Тесса улыбнулась и вышла. Николь затолкала письмо в ящик стола. Когда она собралась, чтобы идти на свое последнее совещание, в голове все еще крутилась зловещая фраза.

С тобой она не будет в безопасности.

А что, если Донна права?

Глава третья

Морган

Понедельник, 7 августа

Я слышу оглушительный скрежет тормозов и свой крик. Когда я открываю глаза, поезд останавливается у платформы. Слишком поздно.

— Помогите! Женщина прыгнула на рельсы! У меня ее ребенок! Господи! — кричу я, рыдая.

Мои ноги и руки трясутся так сильно, что я боюсь выронить девочку. Взглянув на рельсы, вижу тело. Суставы неестественно вывернуты, и я сразу понимаю, что женщина мертва. Я быстро отворачиваюсь, мне страшно увидеть больше. Меня слепят красные огни поезда, их отражение в стенах. Я слышу сигнал тревоги, но все звуки приглушены, как будто я нахожусь под водой.

Собирается толпа. Люди кричат и толкают меня. Двери открылись, поток пассажиров хлынул на платформу, и вот уже некуда ступить. Люди кричат от ужаса и показывают друг другу женщину на рельсах. Но где же полиция? Где скорая? Хотя

я понимаю, что надежды нет, они должны хотя бы попытаться спасти ее.

Борясь с тошнотой, я крепко прижимаю к себе девочку и поворачиваюсь спиной к рельсам, чтобы нам было не видно ее мать. Люди окружают меня плотным кольцом, мешая дышать. Они что-то говорят, их губы двигаются, но я ничего не могу понять. Слишком быстро, слишком много...

— Кто она?

— Почему она прыгнула?

— Вы ее подруга?

— Как ребенок?

Они обстреливают меня вопросами, ответов на которые нет. Пот катится градом, мне нужен свежий воздух, но я не могу сдвинуться с места, потому что вокруг люди. Вдруг кто-то толкает меня в спину, и, падая вперед, я кричу:

— Позвоните в «911»! Помогите!

Но меня хватают за руку и оттаскивают от края платформы.

— Пожалуйста, пожалуйста, помогите! — рыдаю я.

Рядом мужчина в форме сотрудника транспортного управления, это я говорю ему. Мне кажется, что я сейчас упаду в обморок и уроню свою драгоценную ношу. Одной рукой он держит меня за плечо, другая лежит на спинке ребенка.

Я задыхаюсь и прямо падаю на него.

— Я... Она...

Вдруг меня пронзает ужас. Вдруг малышка пострадала?! Я сдергиваю с нее желтое одеяльце, боясь увидеть кровь и синяки, но все в порядке. Я вижу

пухленькие ножки и ручки, нежное личико, боди цвета слоновой кости. Крошечный ротик, похожий на бутон розы, прижимается к моему плечу.

Мои колени подгибаются. В этот момент ребенка забирают из моих рук, и меня неожиданно обдает холодом.

— Офицер, вот эта женщина!

— Мэм, вы в порядке? Вы видели, как это случилось? — говорит полицейский, набрасывая мне на плечи одеяло.

В этот момент на меня обрушиваются голоса:

— Она говорила с этой дамой, перед тем как прыгнула!

— Она забрала у нее ребенка!

Я вижу, как полицейский передает малышку своей коллеге-женщине. Потом они исчезают в толпе вместе с девочкой, которая только что спокойно спала у меня на руках.

Другой полицейский осторожно уводит меня от путей. Когда мы отходим к стене, он дает мне возможность прислониться. Зубы стучат. Не представляю, что делать, не понимаю, что произошло. Куда же унесли бедняжку? И зачем ее мать это сделала?

Возьми моего ребенка, Морган.

Эта женщина действительно произнесла мое имя? Или это игра воображения? Сжав ладонями мокрую от пота голову, я вижу, как переговариваются свидетели, а бригада скорой помощи спускается на рельсы. Почему так случилось? Я не знаю, кто эта женщина. И не в силах перестать плакать.

Полицейский стоит рядом и смотрит на меня:

— Почему бы нам не проехать в участок? Там спокойнее, чем здесь, и вы мне все расскажете.

— В участок?

Нет уж. Я не хочу больше оказаться в этом ужасном месте. Меня привезли туда после того, как я нашла Райана. Он лежал на полу своего кабинета с кровавой дырой в животе и пистолетом, покрытым его отпечатками. Мой муж покончил с собой.

А я ничего не знала. Не знаю и сейчас.

Почему, почему это происходит со мной?

Но у меня нет выбора, и я иду за полицейским через толпу. У меня нет выбора, и я смотрю вниз на то место, откуда поднимают изувеченное тело, чтобы положить на носилки. Ее руки вывернуты, ноги сломаны, а лицо в крови. Крови так много, что черты лица уже неразличимы. Я зажимаю рот, чтобы меня не стошнило. Ноги еле идут, я просто не могу...

Люби ее за меня, Морган.

— Это невозможно! — возражаю я.

Полицейский не слышит, потому что вокруг слишком шумно — люди разговаривают, кричат, из раций звучат команды... Во рту появляется металлический привкус. Это страх. Я едва переставляю ноги, голова опущена, но мне кажется, что все смотрят на меня. Правда, к этому я уже успела привыкнуть с тех пор, как Райан... Я вдова Райана Гэллоуэя, вора и слабака. А теперь еще и последний человек, с которым разговаривала эта женщина перед тем, как броситься под поезд. Человек, которого она умоляла помочь ей.

Я прижимаю к груди свою черную сумочку и вдруг вижу на ней сбоку что-то фиолетовое.

Это клейкий листочек для заметок. Я его не приклеивала. Я снимаю его и зажимаю в кулаке. Полицейский просит толпу на ступеньках разойтись, чтобы я смогла пройти. Пока он не видит, я разворачиваю записку, на которой незнакомым петляющим почерком написано всего одно слово. Вернее, имя.

«Аманда».

Глава четвертая

Николь

Семь недель назад

Боль в спине от новой схватки скрутила Николь. Стоя на четвереньках на плюшевой больничной кушетке, она снова отказалась от эпидуральной анестезии, которую ей настойчиво предлагали Грег и медсестра. Ведь она целых четыре года боролась с паническими атаками без лекарств! Все благодаря Тессе. Нет, она точно родит ребенка сама, не прибегая ни к какой химии.

— Нет, она не хочет лекарства. Мы поможем ей справиться, я вам обещаю. Положи руку ей на спину, вот сюда, — сказала Тесса, опускаясь на колени слева от Николь.

Грег встал справа.

Николь почувствовала ладонь Грега в том месте, где боль была самой мучительной, и застонала.

— Вот так, — Тесса вытерла пот с ее лба.

От прикосновения Грега ей стало спокойнее.

— Такая боль, Ник. Ты уверена, что выдержишь? Ты можешь в любой момент передумать и попросить лекарство.

Николь, поморщившись, повернулась к мужу:

— Боль — это нормально.

Она желала ощущать эту боль, чтобы прочувствовать каждый момент своих родов.

С ней ее семья — Грег и Тесса, они поддерживают ее, и она справится.

В следующую схватку Николь сделала пять вдохов и выдохов, как научила ее Тесса, фокусируясь на волне боли, пока та не ослабла.

— Спасибо. Не знаю, что бы делала без тебя, — сказала она Тессе, когда ее чуть отпустило. Подруга в ответ взяла ее руку в свою, которую Николь благодарно сжала.

— Только не сломай мне кости, — пошутила Тесса.

— Вот, жми сколько угодно, — Грег взял ее за другую руку.

Момент спокойствия был нарушен громкими бешеными гудками аппарата. В палату вбежали медсестры и оттеснили Грега и Тессу от кровати.

— Что такое? Что с ребенком? — вскрикнула Николь, хватая ртом воздух.

— Сердечный ритм сбивается. Все будет в порядке, но вам требуется срочное кесарево.

Николь не могла понять, что происходит.

— Что происходит? С моей женой все будет хорошо? — изменившийся голос Грега, обычно такой любезного и уравновешенного, напугал ее еще больше.

Обычно паниковала она, он же всегда оставался спокойным и твердым, как скала.

— С ней все будет хорошо, но сейчас нам нужно срочно везти ее в операционную.

Тесса снова подошла к Николь.

— Она не хочет рожать через кесарево, это не планировалось!

— Тесса, послушай их, пожалуйста. Так надо, — сказал Грег.

Николь взглянула на лицо своего мужа и перестала дышать... Она увидела на его лице надежду. Как будто ничего страшного не случится, если он сейчас не станет отцом или вообще никогда им не станет. Нет, это немыслимо, это просто смешно. Ей больно, и он не может сохранить самообладание, а ей чудится то, чего на самом деле нет.

Ну конечно, это просто расстроенные нервы. Ведь секундой позже он опустился на колени рядом с ней и нежно поцеловал ее в лоб:

— Я люблю тебя, Ник. Все будет хорошо. Я буду с тобой.

Она не смогла ничего ответить, потому что на лицо ей надели маску и, прежде чем Николь спросила, выживет ли ее дочь, сознание покинуло ее.

Николь почувствовала резкий запах анестетика и попыталась сесть, но не могла пошевелиться, не чувствовала своего тела. Все ниже груди как будто исчезло. Она шарила по кровати в поисках опоры.

Под ее подбородком оказалось что-то твердое, металлическое. Николь вырвало.

— Тошнота из-за анестезии. Пройдет. Я добавлю в капельницу лекарство от тошноты, и приступ не повторится, — сказал нежный голос.

Она повернулась и увидела улыбающуюся женщину в розовой форме медсестры. Только тогда Николь вдруг вспомнила, что случилось и где она находится.

— Мой ребенок? Что с ребенком? Она...

Медсестра снова улыбнулась:

— С ней все хорошо. Все прекрасно.

И она подкатила прозрачную кроватку поближе к кровати. Николь увидела крошечного младенца с клочками черных волос на маленькой голове. Девочка спала, лежа на спине. Ее тонкие, как бумага, веки подрагивали. Николь не могла поверить, что это нежное совершенное существо — ее ребенок.

— Поздравляю вас, мамочка! Ну что, хотите познакомиться с дочкой?

Медсестра подняла девочку и положила ее Николь на грудь, придерживая уверенным движением.

Николь вдруг зарыдала, к удивлению медсестры.

— О, это ошеломляет, я знаю. Она совершенно здорова. Три килограмма сто граммов, пятьдесят шесть сантиметров. И красавица от макушки до пяток. Некоторое время вы будете чувствовать онемение и нечто, похожее на похмелье. Я сейчас возьму ее, но скоро принесу на кормление, чтобы она получила молозиво.

Медсестра забрала ребенка так неожиданно... Николь была заторможена, все вокруг казалось слишком быстрым. А она не успевала, она отставала.

— А где мой муж и лучшая подруга? — спросила Николь, глядя на малышку, лежавшую на руках у медсестры.

Какой маленький носик, какой чудесный ротик. Она попыталась перестать плакать, но это было выше ее сил. Она стала матерью! Любовь и нежность к ребенку захлестнули ее с почти болезненной силой, а следом нахлынуло горе — вместе с воспоминанием о том, как она так же бережно держала Аманду много лет назад.

— Они ждут за дверью. Но вам нужно еще немного времени, чтобы прийти в себя, и тогда вы сможете их увидеть.

Николь обратила внимание, что ее дочка не двигается. Ужас сжал ей горло.

— Она же дышит? Она дышит? — вскрикнула она.

— Она прекрасно дышит, — сказала медсестра успокаивающим тоном.

Николь не хотела расставаться с малышкой, но начала проваливаться в сон, хотя и пыталась с ним бороться. Когда она очнулась в следующий раз, на краю ее постели сидел Грег. Ребенка у него на руках не было.

Николь подскочила, и живот тут же обожгла сильная боль.

— Где ребенок? — закричала она.

— Осторожно, Ник. Тебе нельзя так резко садиться... — он указал на кроватку возле окна. — Вот она, и она просто потрясающая.

Бешеное сердцебиение замедлилось, когда Николь увидела маленькую фигурку, завернутую в розовую ткань. Да, она родила здоровую дочь и, несмотря на опасные роды, стала матерью. Она взяла мужа за руку:

— У нас правда теперь есть ребенок?

Его глаза сияли, и ее сердце тут же оттаяло. Она знала, что, едва увидев дочь, он тут же полюбит ее.

Он отпустил руку жены, подошел к окну, поднял дочку и перенес на кровать. У него на руках она выглядела крошечной. Николь засмеялась, увидев, как Грег держит ее — так, словно боится сломать.

— Не помню, когда я в последний раз держал на руках младенца. Она такая маленькая.

— Младенцы очень крепкие, — сказала Николь и тут же пожалела о своих словах. Она, как никто другой, знала, как они хрупки на самом деле.

Грег поцеловал малышку в лоб, и Николь снова почувствовала любовь к нему. Потом он очень осторожно передал дочку ей.

Николь покачала малышку на руках, поцеловала смешные темные пряди волос на маленькой голове.

— Она наша, Грег, — и прошептала дочке: — Мы о тебе будем очень хорошо заботиться.

Потом Николь подняла глаза и спросила, где Тесса. Ей очень хотелось, чтобы лучшая подруга увидела девочку и подержала на руках. Она ни разу не видела

Тессу с ребенком. Тетя Тесс обязательно будет баловать ее дочурку!

— Она пошла в твое любимое веганское кафе купить тебе что-нибудь. Сказала, что не позволит тебе питаться больничной едой.

— Она права! — рассмеялась Николь.

Грег не отрывал от девочки взгляда.

— Тебе не кажется, что она похожа на Куинн?

Они договорились назвать так дочку в честь матери Николь.

От радости и боли слезы снова навернулись на глаза: как бы Николь хотелось, чтобы мама сейчас сидела рядом, чтобы сказала, что гордится ею!

— Но почему тогда здесь написано «Аманда»? — удивился Грег, посмотрев на карточку, прикрепленную к детской кроватке.

— Что?.. — Николь не верила своим ушам.

— Вот здесь, на этой карточке. Но имя Аманда мне тоже нравится. Любое, какое ты выберешь, меня вполне устроит.

Она посмотрела на кроватку и, прищурившись, прочитала имя на карточке: «Аманда Мэркем».

Нет, нет, как это имя оказалось на кроватке ее дочери?!

Николь почувствовала приближение панической атаки. Нужно было остановить ее, иначе Грег увидит. Сейчас совсем не время для этого, совсем неподходящий момент. Ведь они переживают вместе самые радостные минуты своего брака. «Благодарность, вера, доверие», — повторила она про себя тихо, делая глубокие вдохи и медленно выдыхая.

— Милая, ты в порядке? — спросил Грег.

Она сделала над собой усилие, чтобы не рухнуть на подушки.

— Возьми ее, пожалуйста. Наверное, у меня немного упало давление... Легкая слабость...

Грег взял девочку, положил в кроватку, а потом поспешил к ее кровати:

— Ник, что с тобой? Ты почему так разволновалась?

Это всего лишь чья-то глупая ошибка, просто ужасное совпадение. После пяти вдохов и выдохов она снова смогла сфокусироваться на лице мужа.

Нужно срочно взять малышку, прижать к себе, почувствовать ее дыхание. Николь откинула одеяло, почувствовав расходящуюся кругами боль, она хотела встать, но что-то ее остановило. Капельница.

— Ребенка, пожалуйста, дай мне ребенка.

— Конечно, сейчас, милая. Роды были сложными, и ты до сих пор не пришла в себя.

Он принес Николь девочку, а потом подошел к кроватке и взял карточку с именем:

— Звучит мило, тебе не кажется?

«Аманда Мэркем».

Чувствуя невыносимую тяжесть в груди, Николь откинулась на подушки и отвернулась. Затем положила пальцы на шейку девочки там, где бился пульс. Девочка дышит, она жива. Дыхание Николь тоже успокоилось, она поцеловала бархатистую щечку ребенка. От близости новорожденной ей стало легче.

— Я уберегу тебя от всего. Я всегда буду тебя любить. С тобой никогда не случится ничего плохого, — прошептала она.

Потом она обернулась к Грегу:

— Извини, после операции мне не очень хорошо. Ее будут звать Куинн. Это мое решение. Моя мама была бы для нее лучшей бабушкой в мире, и для меня важно, чтобы моя дочка носила ее имя.

Муж подошел и сел рядом.

— Хорошо, пусть будет Куинн. У тебя есть право дать ей имя.

В коридоре послышался стук каблучков, и это прервало мысли Николь о карточке с роковым именем. Ожидая увидеть Тессу, она посмотрела на дверь.

Но там стояла другая женщина. С рыжими волосами — как у Донны почти двадцать лет назад.

Грег нежно провел пальцем по виску Николь:

— Ты что? Словно увидела привидение.

— Кто это был? — прошептала она.

— Где?

— Там у двери, женщина.

Муж заметил, что она снова разнервничалась.

— Ну это точно не Тесса, она не так быстро вернется. Теперь там никого нет. Ты просто тяжелоходишь после операции, вот и все. Лекарства на тебя так действуют. Может быть, тебе что-нибудь принести?

— Со мной все хорошо. Просто не терпится, чтобы Куинн познакомилась со своей тетей.

Какая ложь! В голове у Николь запылали слова:

Ты не заслужила дочь. Ты убийца. С тобой она не будет в безопасности.

Она посмотрела на дверь снова, но рыжеволосой женщины возле нее не было.

Глава пятая

Морган

Понедельник, 7 августа

Я прячу фиолетовый листочек с именем в сумочку и поднимаюсь за полицейским по бетонным ступенькам станции «Гранд-Стейт», держась за липкие черные перила. Аманда. Так зовут ребенка или мать? Прохладный ветер хлопает меня по щекам, когда мы выходим на авеню Вест-Гранд. Начинается закат, и солнце висит оранжевым шаром за зданием станции. Дюжина фургонов СМИ и полицейских машин беспорядочно припаркована на месте для мотоциклов.

Офицер останавливается, и я наконец получаю возможность хорошенько его рассмотреть. Низенький — одного роста со мной, жилистый. Почему-то он выглядит пугающе.

— Меня зовут офицер Кэмпбелл. Представьтесь, пожалуйста, мэм.

— Морган Кинкейд, — шепчу я, потому что горло саднит, будто я глотаю наждачную бумагу.

Он помогает мне сесть на заднее сиденье полицейской машины и кладет руку на мою голову, когда я забираюсь внутрь. Хочется сказать, чтобы он не прикасался ко мне, но я молчу. И почему-то чувствую себя преступницей.

Поглощенная горем, я просто смотрю в окно, пока мы едем, но когда офицер Кэмпбелл сворачивает на Норд-Ларраби, горе уступает страху. Позади остаются пышные изумрудные кроны, они сменяются редкими скрученными деревьями. Их вид нагоняет уныние, но они как будто сочувствуют мне, потому и склонились. По обеим сторонам улиц тянутся кирпичные промышленные здания, парковки и захудалые магазины, словно указывающие путь к серому бетонному проезду — Восемнадцатой улице.

Платье прилипает к растрескавшемуся черному сиденью из кожзаменителя, и я ерзаю, чтобы отклеиться от него, перед тем как достать из сумочки телефон. Я быстро отправляю сообщение Джессике Кларк, моему адвокату. Она защищала меня, когда мир рухнул, Райана не стало, а друзья и члены семьи вымещали на мне гнев. Возможно, на этот раз ее помощь и не понадобится, но, хотя я и не сделала ничего плохого, полиции я не доверяю.

Она отвечает сразу, через несколько секунд: «Я еду».

На меня накатывает слабость, я боюсь потерять сознание. Мне надо было растолкать людей и убежать от этой женщины! Но что же тогда случилось бы с ребенком? Я все наматываю и наматываю на палец прядь волос, и они начинают резать кожу.

Люби ее за меня, Морган.

Нет, я не могла уйти.

Мы наконец въезжаем в гараж, потом я отстегиваю ремень, выхожу из машины и с трудом иду за офицером Кэмпбеллом по зарешеченному проходу, где он произносит мое имя в спикерфон на бетонной стене. Мы поднимаемся на лифте в комнату для допросов, и я стараюсь не смотреть на железную решетку, за которой обычно едут преступники, представляющие опасность для полицейских. Не хочу находиться здесь.

— Мисс Кинкейд, идите за мной, пожалуйста.

Кэмпбелл наклоняется, чтобы взять бумагу со стойки дежурного офицера, и я вижу, как напрягаются под формой его мускулы.

Мои кожу и платье покрывает тонкий слой грязи, это неприятно. Однако, поднеся руку к лицу, я чувствую младенческий запах — пахнет тальком и свежестью — и надеюсь, что с малышкой все хорошо.

Я иду по участку, монотонный треск флуоресцентных ламп отдается стуком в голове. Последний раз я была здесь восемнадцать месяцев назад — в глубоком шоке, руки и одежда в крови Райана.

Не дай никому причинить ей вред.

Я все расскажу офицеру Кэмпбеллу, просто процитирую все, что говорила мне эта женщина. Про записку с именем тоже расскажу, когда он приведет меня туда, куда ему нужно. Не понимаю, как ей это удалось, но перед тем, как прыгнуть, несчастная приклеила листок липкой бумаги к моей сумке.

Мы проходим мимо нескольких кабинетов. В одном из них офицер берет трубку и тут же поспешно закрывает дверь, увидев нас. Может быть, он звонит кому-то из близких погибшей? Я знаю, каково быть человеком на другом конце провода. Мое тело помнит это — как я падаю на пол, съеживаюсь, дрожу в отчаянье. Мне знакомы всепожирающее чувство вины, пустота сожалений. Момент удара, который рушит твою жизнь, не забывается. Во мне поднимается сочувствие к семье этой женщины, особенно к ее маленькой дочке. Но если у нее есть семья, зачем же было отдавать девочку мне?

Если что-нибудь случится со мной, полиции и звонить-то будет некому. Моя мать живет во Флориде, и мы почти не общаемся. Вообще-то я даже не могу вспомнить, когда мы с ней разговаривали в последний раз. Виделись полгода назад, на похоронах отца. Мы сидели в гостиной дома, где я выросла, держали в руках чашки с остывшим чаем, и обе чувствовали себя неловко.

— Я собираюсь переезжать в Майами к тете Айрин. Теперь, когда отца нет, мне нужно продать дом.

Я понимаю, что стоит за этими словами. Заложить дом она не может, потому что мой муж украл все деньги моих родителей, вложив в ненадежный фонд без их ведома. И обширный инфаркт отца, по ее словам, полностью на моей совести.

Я сто раз повторяла, что ничего не знала о том, что происходит, о том, чем занимался мой муж. Я говорила это каждый раз, как только видела, что друзья и коллеги смотрят на меня с подозрением. Всем, кто

доверился Райану и вложил деньги в фонд по его совету. Поверил мне только отец. Но теперь его нет, я никогда больше его не увижу.

Наконец офицер Кэмпбелл приводит меня в неказистый кабинет. К счастью, не в тот, где я была в прошлый раз. Перед тем как уйти, офицер говорит:

— К вам скоро придет детектив и запишет ваши показания. Хотите кофе или воды?

Я опускаюсь в крутящееся кресло и отрицательно качаю головой. Он уходит, через несколько минут я слышу шаги и поднимаю голову. Я узнаю женщину, которая стоит в дверях. Она тоже меня узнала. Это детектив Карина Мартинес. Тогда она приехала ко мне и увидела, как я дрожу на полу возле тела Райана. Она увезла меня и спрашивала, почему он покончил с собой и о том, как он украл миллионы долларов.

Мартинес кладет газету «Чикаго Трибьюн» и ставит бутылку с водой на поцарапанный стол рядом с коробкой салфеток. Потом садится напротив, откидывает челку с высокого лба. У нее гладкая кожа, ни одной морщинки. Интересно, она по-прежнему самый молодой детектив округа? Я замечаю, что в углу под потолком мигает красный огонек камеры, фиксирующей каждое мое движение. Я кладу одну ногу на другую, потом снова ставлю ноги ровно. Я не знаю, как мне себя вести. Почему-то я чувствую себя виновной, хотя ничего плохого не сделала.

Я стискиваю губы.

Детектив подталкивает ко мне бутылку воды, а потом наклоняется вперед:

— Вот мы и встретились снова.

Она ловит мой взгляд. Кажется, что я уже успела утомить ее своим присутствием.

— Морган, как вы поживаете?

Я не знаю, что отвечать. Джессика велела ничего не говорить до ее прихода, но ответить все-таки надо.

— Нормально. Держусь.

Мартинес кивает.

— Назовите, пожалуйста, имя и адрес, это для записи.

Мои руки трясутся.

— Думаю, я подожду своего адвоката, — отвечаю я.

— Вы вызвали адвоката? Интересно. Вы понимаете, что вас всего лишь допросят как свидетельницу?

Конечно, именно это я и подумала. Но почему, почему же я чувствую себя виноватой? Я сдаюсь, называю имя и адрес.

— Опишите, что именно сегодня произошло на платформе «Гранд-Стейт», — продолжает она.

Я сглатываю, надеясь выиграть время: вдруг Джессика как раз сейчас придет и поможет мне. Мартинес смотрит мне прямо в глаза, подтягивает хвостик на голове.

Я напоминаю себе, что правда на моей стороне. О чем мне беспокоиться? Детектив просто хочет узнать, что случилось, свидетелей было много. Наверняка куча народу видела, что женщина отдала мне ребенка и прыгнула.

Сделав глубокий вдох, я открываю рот, и слова начинают выплескиваться из меня:

— Я ждала поезд, как обычно, чтобы ехать домой после работы. Я не обращала внимания на

окружающих, поэтому очень удивилась, когда женщина схватила меня за руку и попросила взять ее ребенка.

Идеально выщипанные брови Мартинес поднимаются:

— Вы были с ней знакомы?

Я помотала головой:

— Нет. Никогда в жизни ее не видела. Выглядела она... не очень хорошо. Я отдернула руку, потому что испугалась. Мы стояли очень близко к краю, и я беспокоилась за нее и ребенка, но не знала, что делать.

— Вы ушли? Или попросили кого-то помочь?

Как жаль, что я не сделала ни того ни другого. Меня бьет дрожь.

— Все произошло так быстро. Она стояла прямо передо мной, ее глаза блуждали, как будто она кого-то высматривала на платформе. Она была очень напугана. Потом она сказала мне, чтобы я никому не дала причинить вред ее ребенку.

Я придвигаю к себе сумочку. Вот про записку я не собираюсь ей рассказывать, как и про то, что женщина знала мое имя.

— Как получилось, что ребенок оказался у вас, перед тем как женщина спрыгнула на рельсы?

Сердце колотится как сумасшедшее.

— Она просто сунула ее мне в руки. И я ее взяла, потому что была в шоке. Я испугалась, что уроню ее, поэтому прижала к себе. И вот когда я смотрела на эту чудесную малышку, ее мать спрыгнула.

Голос срывается, из глаз льются слезы.

— Я не смогла ничего сделать, все произошло так быстро!

Мартинес протягивает мне салфетку, но ее жест отнюдь не заботлив.

— Мне кажется, вы что-то недоговариваете.

Вздвогнув, я отвечаю:

— Все, что я сказала, — правда.

— Я не говорю, что вы сказали неправду. Я говорю, что вы что-то недоговариваете, Морган. На платформе полицейские опросили нескольких свидетелей. Люди видели, как она прыгнула, и слышали, что она говорила. Морган, они слышали, что она назвала вас по имени.

Ужас сдавливает мне грудь, нервно почесывая ключицу, я думаю, отчего же утаила от нее эту подробность.

— Да, но я не уверена... Все было так страшно и неожиданно. Я говорю вам правду, говорю, что знаю. Я никогда в жизни ее не видела, не слышала о ней и не общалась с ней. Я не знаю, кто она была, откуда знала меня и почему вообще заговорила со мной.

Ну вот, теперь я рассказала ей обо всем. Кроме записки. А что, если и об этом ей известно? Ждать ли мне Джессику или достать листок из сумочки и признаться?

Мартинес делает глубокий вдох и скрещивает руки на груди:

— Не было ли на вас бейджика? Может быть, вы шли с ним с работы? Или какого-нибудь украшения с именем? Чего-то, где имя было указано?

Я подумала, но ничего такого на мне не было, и я ответила: «Нет».

Детектив смотрит на меня в упор, потом берет газету с края стола. Она открывает ее и показывает какую-то статью:

— Вы знаете жертву, Морган. Это Николь Мэркем, генеральный директор компании «Дыхание». Так что, вы с ней как-то связаны?

Я вскрикиваю. С фотографии на меня глядит красавица с каштановыми кудрями, длинными ногами в серебряных туфлях на каблуках, в обтягивающей юбке кораллового оттенка и белой футболке с V-образным вырезом. Успешная и очаровательная бизнес-леди. Неужели это та же самая потрепанная, до смерти напуганная женщина, которая умоляла меня позаботиться о ее ребенке, а потом прыгнула под поезд? Да, так и есть. Это превращение, как бы просмотренное в обратной перемотке, ужасает меня...

Конечно, я знаю компанию «Дыхание», кто же не знает. У меня даже есть несколько пар их леггинсов для йоги. Но с Николь Мэркем я не знакома, то есть лично я ее не знаю. Почему же она попросила меня, незнакомку, защитить ее ребенка? Откуда же она знала меня? И от кого же ей надо было спасти малышку?

— Мое имя мелькало в новостях после смерти Райана. Может быть, поэтому она меня знала? — предположила я.

Я не сказала: «Мое имя несправедливо запятнали», но не сомневалась, что детективу понятно, что я имею в виду.

— А может, «Дыхание» как-то связано с приютом «Гавань», где я работаю?

Мало кому известно о существовании приюта, он находится в неприметном коричневом здании на улице Вест-Иллинойс, и найти его трудно, поэтому женщины и дети, которые там скрываются, находятся в безопасности.

— Должно быть, вам тяжело одной, без мужа, — говорит Мартинес.

Да, это так. Ни друзей, ни семьи в Чикаго у меня больше нет. После смерти Райана я вдруг осознала, что все люди, с которыми я дружила после нашей свадьбы, были его друзьями. И он всех обманул, а меня невольно выставил сообщницей. Но даже мои друзья по колледжу и работе отсеялись после его самоубийства. Я осталась одна, со мной лишь моя боль. Но об этом я не скажу Мартинес ни слова, потому что она явно провоцирует меня на откровенность, хотя я и не знаю, на какую именно.

Я ничего не отвечаю, и она с неприязнью поджимает губы:

— Морган, мне всегда с трудом верилось, что вы были не в курсе афер вашего мужа с фондом «Освети путь», который сами и основали. Вы были вместе с ним днем и ночью. Вы женщина сообразительная. Мы, конечно, не смогли доказать вашу причастность, но что-то есть в вас такое... вы скрытная. И вот теперь это.

Она откидывается на спинку стула и снова смотрит на фото Николь Мэркем:

— Глава «Дыхания» мертва, а вы держите ее ребенка на краю платформы. Она назвала вас по имени. Ясно, почему я думаю, что вы друг друга знали?

То, что Мартинес давит на самое ужасное и болезненное, что произошло со мной, вдруг наполняет меня яростью. Я вскакиваю со стула, опрокидываю бутылку с водой...

— Каждый думает, что знает обо мне все, но вы ничего не знаете! — кричу я, указывая на нее пальцем.

Меня душат слезы, но я больше не хочу, чтобы их видели.

Мартинес устала на мой палец.

Я отвлекаюсь на стук каблуков за дверью, дрожа, падаю на стул и с облегчением обмякаю, когда входит Джессика.

Она такая высокая, что даже я, хотя мой рост выше среднего, чувствую себя рядом с ней коротышкой. Ее темная кожа гладка и чиста, голубовато-зеленое платье с ремнем очень ей идет. Когда мы познакомились, я спросила, не работала ли она раньше моделью.

Они с Мартинес вежливо здороваются, потом Джессика выдвигает стул, садится рядом со мной и кладет мне руку на плечо.

Мартинес вводит ее в курс дела, говорит о женщине, которая прыгнула на рельсы, и о том, что я главный свидетель. Джессика легонько гладит меня по спине:

— Ты в порядке, Морган?

И это нежное прикосновение вдруг словно прорывает плотину, за которой так долго бурлили

эмоции. Передо мной снова возникает несчастное лицо женщины, ее потрескавшиеся губы, безумные глаза, ее отчаяние. Я начинаю плакать, я плачу о ее ребенке, и о ней, женщине, которую я не знала, и о себе.

Джессика мягко похлопывает меня по плечу, пока я не перестаю всхлипывать.

— Спасибо, — говорю я.

— Мне нужно побыть наедине с моей клиенткой, — говорит мой адвокат и, взглянув на потолок, добавляет: — С выключенной камерой.

— Ладно. — Мартинес встает, выходит и закрывает за собой дверь.

Мне вдруг кажется, что комната стала меньше, голова начинает кружиться, и я, согнувшись, зарываюсь лицом в колени.

Джессика молча ждет, пока я выпрямлюсь.

— Так, я обобщу все, что мне известно, — говорит она, глядя на газету. — Я слышала, что глава «Дыхания» покончила с собой на станции «Гранд-Стейт», отдав незнакомке ребенка. Незнакомка — это ты?

— И да, и нет.

Джессика смотрит на меня удивленно:

— Расскажи мне все.

— Я ждала поезда, эта женщина схватила меня за руку, попросила забрать девочку и позаботиться о ней. Она была просто вне себя от страха, словно пыталась спастись от кого-то. А потом она назвала мое имя. «Люби ее за меня, Морган». Я рассказала Мартинес обо всем, кроме этой части разговора. А Мартинес уже это было известно, свидетели это

слышали. Как будто та женщина специально пришла туда за мной, а я просто стояла там и ждала поезда, — я закрываю лицо руками. — Не знаю, почему я ей не сказала. Прости.

— Ох, ну ничего. Ты пережила сильный стресс и до сих пор в шоке. Уверена, что все это вызвало у тебя ужасные воспоминания.

Райан, истекающий кровью, оружие в моей руке... «Нет, нет, этого не может быть, такого просто не может случиться!»

— Да, это так, — ответила я. — Но она выбрала меня защитницей своего ребенка. И я...

— Тс-с. Я поняла. Все нормально. Ты была в шоке. Ты не сделала ничего плохого. И ты знаешь, что моя работа — тебя защищать. Мы ведь уже проходили через это, Морган. А теперь достаточно разговоров. Тебе сейчас надо прийти в себя. Ты не в себе и без меня не можешь говорить ни с Мартинес, ни с журналистами, ни с кем-либо еще, — она быстро пододвигается ко мне. — Так, времени у нас сейчас немного. Если тебе еще есть что мне рассказать, вдруг что-то мне надо знать, а ты это упустила, — скажи сейчас.

Я откидываю с лица волосы, и меня прошибает пот. Потом я шарю в сумочке, достаю листочек и отдаю Джессике:

— Это было приклеено к моей сумочке, я потом увидела. Может быть, это имя девочки?

Джессика с любопытством разглядывает записку, вертя ее в руках.

— Нет, в новостях сказали, что ее зовут Куинн.

Не Аманда. Куинн. Чудесное имя для крошечной девочки, которую я держала на руках.

— Кто же тогда Аманда? — спрашиваю я. — Что, если Куинн в опасности? Ее мать считала, что так и есть. Она умоляла меня защитить ребенка. Она вела себя так, будто за ней кто-то гонится. Думаю, надо показать это Мартинес.

Она резко качает головой и отдает мне листочек:

— Нет, точно не надо. Убери это. Пусть Барри, мой следователь, займется этим. Мы не выяснили, почему Николь знала твое имя и почему она заговорила именно с тобой, а если мы скажем сейчас Мартинес, она подумает, что ты с этим как-то связана. Судя по твоим словам, Николь Мэркем не выглядела нормальной, — Джессика придвигается слишком быстро, будто припирает меня к стенке. — Есть ли вероятность, что Николь знала Райана? Возможно, она была связана с его аферой?

Внутри у меня все переворачивается. Хотя я постоянно думаю о Райане, говорить о нем выше моих сил.

— Я до сих пор не знаю всех, кого он обокрал. Вероятно, среди них была Николь или ее знакомые. Она могла взять в долг у нечестных людей, чтобы покрыть потерю денег. Она могла быть замешана, и ее просто не вычислили. Я ничего не знаю, — мой голос срывается, — он ничего мне не оставил, кроме вопросов, боли и гнева. Я никогда не знала его, совсем не знала, — внезапно меня накрывает новая тревога: — Джессика, а вдруг я в опасности?

— Расслабься, на это ничто не указывает. Даже записка не подтверждает, что кто-то хочет

причинить вред тебе, ребенку или Николь. Может, это с ней ребенок не был в безопасности, — Джессика встает, начинает мерить шагами комнату. — Я понимаю, что тебе очень тяжело. Но надо оставаться спокойной.

— И как мне быть спокойной, когда Николь назвала меня по имени, вручила мне ребенка, а потом умерла у меня на глазах?

Она постукивает пальцем по губам:

— Мы выясним, как она узнала о тебе и нет ли какой-либо угрозы для тебя, хорошо? Думаю, что ребенка забрали в надежное место.

Я не говорила об этом, но она понимает, что я беспокоюсь за малышку. Я чувствую себя так, будто Джессика проникла в мои самые сокровенные мысли. Она очень хорошо меня знает.

— Я сделаю все, чтобы выяснить побольше о Куинн. Но сейчас моя главная цель — вытащить тебя отсюда, — говорит она. — Ладно?

— Хорошо. Как скажешь.

Она подходит к двери, открывает ее и машет Мартинес. Та тихо проскальзывает в маленькую комнату. Джессика смотрит на меня, я кладу руку на колено. Внутри я вся дрожу.

— Могу я теперь пойти домой? — спрашиваю я.

— Нет пока. Есть еще вопросы, на которые вам нужно ответить.

Джессика явно встревожена.

— Давайте выйдем и поговорим за дверь, — говорит она Мартинес.

Они выходят, и я на некоторое время остаюсь одна, но привыкнуть к этому не успеваю: детектив и адвокат быстро возвращаются.

Мартинес снова садится по ту сторону стола, Джессика прислоняется к стене. Она бросает на меня взгляд, который означает: «Говори как можно меньше».

Карина не торопится, она тянет время.

— Мы не можем здесь сидеть весь день, Мартинес, — говорит Джессика.

Детектив буравит меня взглядом своих глаз цвета кофе.

— Жертва лежала на спине. Обычно люди не кончают с собой, прыгая таким образом.

Я не понимаю. Я сжимаю губы и вцепляюсь в сиденье стула, чтобы никто не заметил, что мои руки трясутся. Я же видела, как она прыгнула? Или нет? В голове пусто.

Внезапно я мысленно переносюсь в совершенно другой момент времени — в тот момент, когда я вошла в кабинет Райана и обнаружила его на полу. Мое сердце, моя жизнь разбились на тысячи осколков. Я вспоминаю, как его липкая кровь пропитала мои шерстяные штаны, а ладони стали алыми, после того как я вынула пистолет из его руки. Я будто оцепенела от страха, боялась, что пистолет снова выстрелит. Я попыталась остановить кровь, хлеставшую из его живота, надеясь, что муж снова начнет дышать... Но было слишком поздно. Да, мой брак нельзя назвать идеальным. У нас были разногласия: Райан хотел

детей, а я нет. Между нами вспыхивали ссоры, но я никогда, никогда не желала ему смерти.

И вот теперь умерла эта несчастная женщина. Почему я не поняла, что она собирается сделать? Почему я не вижу того, что происходит у меня перед носом? Почему все так сложно?

— Морган, вы схватили ребенка перед тем, как столкнуть мать на платформу?

Это обвинение — как пощечина. Я смотрю на Мартинес. Тело цепенеет, меня вот-вот стошнит. Она только что спросила меня, не я ли убила Николь Мэркем!

— Что? — я перевожу взгляд на Джессику, недоумевая, какого черта мне задают такие вопросы, и она вмешивается:

— Это Николь отдала ребенка моей клиентке. И если бы Морган не взяла ее, малышка упала бы на платформу или хуже того — на рельсы. Ее тоже мог сбить поезд. Что это вообще за вопросы вы такие задаете? Морган спасла ребенка. Множество свидетелей видели это. Она — героиня, — Джессика смотрит на Мартинес, подняв бровь.

Та улыбается, у нее на щеке появляется ямочка. У других людей это выглядит мило, у Мартинес — угрожающе.

— Не думаю, что «героиня» — подходящее слово для Морган, — отвечает она.

Тут она абсолютно права. Если бы я действительно была «героиней», я бы распознала глубину отчаянья и боли Николь, сразу бы поняла, что надо делать, и не

дала бы бедной женщине покончить с собой. А я стояла там, совершенно бесполезная, хватая ртом воздух, как рыба без воды, и она просто перекинула мне ребенка. «Героиня» уж точно знала бы, что муж использует ее и других людей ради финансовой выгоды, и помешала бы этому.

Единственное, в чем я согласна с Мартинес: никакая я не героиня.

Она встает, отталкивает стул и обрушивает на меня новую порцию ужасных слов:

— Итак, вы настаиваете, что не знаете Николь Мэркем, между тем она назвала вас по имени. У меня остался всего один вопрос. Вы же очень хотите ребенка, так?

— Не отвечай, Морган! — говорит Джессика. — Достаточно. Если вы не выдвигаете обвинения, то мы уходим.

Мартинес указывает на дверь:

— Идите, вы свободны. Мы снова скоро поболтаем, я уверена. Знаете, удивительно, что делают люди, когда думают, что их никто не видит.

Джессика наклоном головы приглашает меня следовать за ней. Ее губы сжаты в тонкую линию.

Береги ее. Люби ее за меня, Морган.

Эта женщина, Николь, каким-то образом узнала, что я буду на станции «Гранд-Стейт». Она выбрала меня. Не знаю почему, но собираюсь это выяснить. Я не ошибусь снова, не буду сидеть сложа руки, пока весь мир утверждает, что я — ужасный человек.

— Пойдем, — берет меня за руку Джессика.

Я переступаю порог и выхожу. Не хочу больше никогда возвращаться в эту комнату. Я сыта по горло детективами, полицейскими и теми историями, которые они выдумывают, ничего обо мне не зная. На этот раз я буду бороться и очищу свое имя раз и навсегда.

Глава шестая

Николь

Пять недель назад

Ручейки пота стекали по груди и шее Николь. Утреннее солнце сияло сквозь шелк занавесок сливочного цвета, яркие лучи жалили тяжелые веки. До рождения ребенка она не знала, что такое бессонные ночи. Куинн хотела есть каждый час, но даже когда она была сыта, Николь не могла не смотреть на нее, одержимая беспокойством, и постоянно проверяла, дышит ли ребенок. Всякий раз, когда ее дочь закрывала свои голубые, как океан в глубине, глаза, Николь бодрствовала. Иногда она даже специально будила Николь, нежно трясла ее, чтобы убедиться, что девочка жива.

Самое ужасное происходит, когда никто не видит.

Давным-давно та, прежняя Николь не могла понять, отчего Донна все время такая беспокойная и тревожная. На полках в гостиной громоздились книги про родительство, где было слишком много загнутых страничек. Она вела графики сна и смены подгузников. Николь думала, что это чересчур. Аманда

была прелестным и очень спокойным ребенком. Но теперь, когда появилась Куинн, Николь вдруг поняла все заботы Донны. В ее голове постоянно разыгрывались ужасные несчастья. Что, если Куинн подавится смесью? Что, если Николь уронит ее или слишком крепко прижмет к себе?

Это превращение уверенной в себе главы компании в тревожную мать просто потрясло ее, она перестала понимать, кто она на самом деле.

Николь изо всех сил боролась со сном, хотя глаза слипались. Она прислонилась к светло-зеленой спинке кровати. Куинн плакала в своей кроватке, хотела на руки. Николь открыла глаза, посмотрела на нее, но увидела Аманду.

Она как будто снова превратилась в семнадцатилетнюю няню, идущую по узкому коридору в детскую Аманды.

Николь не собиралась смыкать глаз ни на секунду, но все же уснула. Аманде уже пора было проснуться. Она так долго никогда не спала — целых три часа. Николь распахнула дверь и увидела, что мобиль в виде бабочки, который всегда убаюкивал Аманду, все еще крутится над люлькой. Колыбельная «Баю-бай, малыш» звучала на повторе.

Николь подошла к люльке. Аманда выглядела такой спокойной. Донна повторяла: «Никогда не буди младенца». Неопытная Николь делала, что ей было сказано. В этом и состояла ее работа.

Но что-то было не в порядке. Когда Николь наклонилась и ее длинные темные локоны коснулись детской щечки, девочка не открыла глаза и не

засмеялась, как обычно, ручки не потянулись к лицу няни. Аманда не двигалась.

Николь взяла Аманду на руки и потрогала ее лоб губами. Он был холодный, как лед. Сердце Николь заколотилось, она упала на колени. Она очень осторожно уложила крохотное тельце на пол и стала нажимать на грудную клетку ребенка. «Пожалуйста, пожалуйста!» — кричала она.

Очень сильно заболело сердце, Николь подумала, что у нее приступ. Она поползла на коленях к телефону, набрала 911. Следующее, что она помнила, — это кислородная маска, опускающаяся на лицо.

— Что ты наделала?! — выла Донна. Ее рыжие кудри нависли над Николь, которая пыталась понять, почему она лежит на каталке. — Ты убийца!

Тогда она узнала, что Аманда мертва. И что она в этом виновата.

Она никогда не рассказывала об этом Грегу, просто не могла. Конечно, беспокойство и даже паника после рождения ребенка в порядке вещей, но силу ее страха он не понимал, потому что не знал его источника. Ни на секунду Николь не могла забыть, что с Куинн может случиться что-то ужасное.

Поэтому она никогда не допустит несчастья, всегда будет рядом, не сомкнет глаз. Она будет идеальной матерью — такую цель она себе поставила.

Когда она не понимала, что ей делать, Грег говорил: «Слушай свои материнские инстинкты». Но как их слушать, если даже кормить ребенка грудью она оказалась не способна? Как Николь ни старалась, молока не хватало. Она испытала ужасное разочарование

в себе. Грег был расстроен, отстранен и общался с ней мало. Когда жена пыталась поделиться своими переживаниями, он не понял ее.

— Грег, в грудном молоке, — со слезами говорила она, — содержатся антитела к инфекциям. Оно снижает риск астмы. Кормить грудью нужно, чтобы уберечь ребенка, а я не могу!

— Меня тоже не кормили грудью, но со мной все нормально, — сказал он и обнял Николь, но та не переставала плакать. — Ник, тебе надо успокоиться. Ты прекрасная мать, а Куинн здорова. Ну схватит она немного больше простуд. Ничего страшного.

Нет, нет. Аманда тоже была здоровой.

Сегодня утром, слыша, как внизу муж собирается на работу, Николь хотела попросить его прийти и побыть с Куинн, пока она примет душ и оденется, но решила, что должна справиться сама.

Она положила руку на свой все еще мягкий живот, попыталась сделать глубокий вдох и выдох, но место разреза тут же заболело. Кроме того, глубокое дыхание больше не спасало от учатившихся панических атак. Дело было не в дочке, ее плач не тревожил молодую мать. Куинн вела себя, как всякий здоровый младенец. Нет, Николь до сих пор пугало то имя на карточке в больнице. Она никак не могла избавиться от ощущения, что за ней следят. Возможно, все ей просто мерещилось. Была ли тогда Донна возле двери ее палаты? В Чикаго ли она сейчас? И если да, то чего же ей нужно? Она явилась за расплатой? Отомстить? И если да, как далеко она может зайти?

Тесса около двух недель подряд являлась к ним почти ежедневно, приносила разные ароматические масла из «Дыхания», применяла все известные ей медитации и техники достижения осознанности, но ничего не помогало.

Пришла она и сегодня.

Грег уже ушел на работу, Тесса сидела на диване с Куинн на руках, а Николь опять задышалась. Пот катился градом по ее лицу, она сжала рукой грудь, которую раздирала нестерпимая боль.

— Ник, я думаю, что тебе надо к врачу. Знаю, что ты не хочешь снова сидеть на таблетках, но тебе правда трудно.

— Я ненавижу химию, Тесс. Мне надо быть бодрой.

— Однако ты не бодра. Да и лекарства за последние несколько лет изменились. Пожалуйста. Ради Куинн. Поговори со своим врачом.

В отчаянии Николь последовала ее совету, и доктор немедленно назначил ей «Ксанакс»¹, убедив, что это самое безопасное средство. Она принимала таблетки уже четыре дня и теперь была уверена, что не может обходиться без лекарств. Николь дернула к себе прикроватный столик, роскошный, из красного дерева, ручной работы, выбранный дизайнером специально для них в магазине на Норд-Клайборн-авеню. Но на нем не было оранжевой баночки с таблетками, которая хранилась рядом с кроватью.

¹ Лекарство от тревожных расстройств.

Она встала, покачнулась и вцепилась в край столика, чтобы не упасть. Наверное, баночка скатилась на пол. Но, осмотревшись, Николь ее не увидела. От усталости мысли путались. Может быть, она переставила лекарство и забыла об этом?

Николь выдвинула ящик столика, поискала там, но тщетно. Рядом с книгой лежал скомканный листок бумаги. Она взяла его. Последнее письмо Донны, которое, по мнению Николь, лежало в ее рабочем столе.

Ты не заслужила дочь. Ты убийца. С тобой она не будет в безопасности.

Как же оно сюда попало? Неужели Николь принесла письмо домой и забыла об этом? Или кто-то подбросил его?

Куинн заплакала. Николь сунула бумажку обратно в ящик и задвинула его со всей силы.

— Мамочка здесь. Я здесь.

Прерывисто дыша, она подошла к кровати, чтобы взять дочь на руки. Резкая боль в животе пронзила ее. Николь и не подозревала, как долго будет восстанавливаться после кесарева. Она не представляла себе, что любовь к Куинн наполнит ею всю, без остатка.

Прижав к себе малышку, Николь пошла в ванную и открыла стеклянный шкафчик. К своему большому облегчению, она увидела там баночку с лекарством. Неужели все новоиспеченные матери пребывают в постоянном страхе и тревоге? Неужели каждая за одну ночь превращается из уверенного в себе,

организованного взрослого человека в вечно испуганную, задержанную, забывчивую размазню? Ее друзья не имели детей, а работников компании она бы спрашивать не стала, не в тех они были отношениях. И с мамой посоветоваться она, увы, не могла. При этой мысли ее сердце болезненно сжалось от тоски.

Куинн все еще всхлипывала. Николь положила ее в кровать и проглотила горсть таблеток, зная, что через несколько минут они подействуют и в голове прояснится. Внизу заиграла мелодия из фильма «Миссия невыполнима» — сигнал телефона Грега. Раньше, услышав ее, она закатывала глаза и хихикала. Но в последнее время ничто не могло разве-селить ее.

Она услышала, как Грег отвечает на звонок. Он смеялся. Николь решила, что он говорит с женщиной. С ней он так теперь не смеялся, с тех пор как она стала матерью, с ней уже было не весело.

Николь взяла Куинн на руки и, осторожно придерживая ее головку, села на верхнюю ступеньку и принялась сползать вниз. Это было стыдно и неудобно, и каждая ступенька отдавалась болью в животе, но она боялась спускаться как обычно. Лучше ползти, чем рухнуть на твердое дерево и разбить девочке голову...

— Спокойно, — сказала она себе, чтобы прогнать непрошенные мысли.

Она думала о том, почему ее лекарство оказалось в шкафчике.

После того как она положила баночку из аптеки на кухонный стол, Грег сказал:

— Ты отказывалась от анестезии, а теперь будешь принимать «Ксанакс»?

— У меня всегда были некоторые проблемы с тревожностью, просто я с ними долгое время могла справляться, — с трудом ответила Николь. Вот и все, в чем она была способна признаться. — Это началось после гибели родителей. В колледже я принимала «Золофт», но потом перестала. Из-за него я становилась сонной и не могла ни на чем сосредоточиться. Мой врач сказал, что «Ксанакс» лучше, он полностью безопасен. Я смогу принимать его, пока буду заботиться о Куинн.

— Ты никогда не говорила мне, что принимала лекарства от тревожности, — удивился Грег.

Он потер лоб, потом нежно погладил ее по спине.

— Послушай, я ведь знаю тебя, я знаю, что ты трудоголик, но я ни разу не видел тебя такой. Ты на грани! Я очень беспокоюсь за тебя.

— Не волнуйся, со мной все в порядке, — сказала Николь, открыв крышку баночки и положив в рот две таблетки...

Теперь ей надо было подняться обратно, и она снова села на ступеньку, прижав к себе Куинн одной рукой, чтобы второй подтягиваться наверх. Это было нелегко, но зато она двигалась! Она так любила их серый трехэтажный дом в Ист-Белвью-плейс — роскошное место, элитная недвижимость. Он совсем не напоминал тот кирпичный двухэтажный домик в Уиннетке, который они с братом пытались привести в порядок после смерти родителей. Там то текла крыша, то взрывался бойлер, то затопляло подвал. Когда

Николь вернулась из Кеноши, они продали дом. Николь поселилась в общежитии колледжа, а Бен купил квартиру возле медицинского училища.

Николь прошла через сияющую белизной гостиную, декорированную металлом и стеклом — всюду четкие линии, ничего лишнего, — и увидела, что тюльпаны в хрустальной вазе от «Лалик»², за свежестью которых она всегда следила, завяли и обреченно уронили лепестки. Она отменила приход уборщиков, которые обычно следили за чистотой: сейчас любые чужие люди в доме ее пугали.

Грег был на кухне, пил кофе, прижав к уху телефон. Заметив, что Николь смотрит на него, он покраснел и быстро оборвал разговор. В последнее время он всегда так делал, когда она заходила в комнату. Почему?

— С кем ты говорил? — спросила она.

— С ассистенткой, обсуждали портфолио клиента, — ответил муж.

Он рассеянно водил руками по бедрам, обтянутым брюками. Эта привычка нравилась Николь, потому что она делала его чуть менее уверенным в себе и ей было легче от мысли, что она не единственная, у кого есть изъяны.

— Ей надо помогать, она пока только учится.

Но ведь и ей, молодой матери, нужна была мощь. Об этом Николь подумала, но вслух ничего не сказала. Грег оглядел ее, и она тоже вдруг словно увидела себя со стороны: фиолетовые мешки под

² Хрустальные вазы знаменитой фабрики «Лалик», основанной Рене Лаликом, французским ювелиром и стекольщиком.

глазами, невымытые волосы, черные штаны для йоги и белая футболка — такой она была уже много дней подряд. Удивительно, как же она создала империю, приносящую миллионы? Сейчас ей не хватало энергии даже на то, чтобы помыться и переодеться.

— Тесса придет сегодня? — спросил Грег.

Николь пожала плечами:

— Не знаю. А что?

— Тебе полезна женская компания. Вообще-то я думаю, что надо нанять тебе помощницу, чтобы у тебя появилось время для себя. Мы могли бы вдвоем пойти в спа-салон, как раньше.

Ей сдавило грудь. Он не понимал, что она просто не может покинуть Куинн ни на секунду. В его глазах она увидела печаль, которой раньше не замечала. Николь вспомнила, как он просиял, когда на первую годовщину свадьбы она устроила сюрприз — купила билеты в Париж. Они никак не могли дождаться, когда доберутся до своего номера в отеле, и тут же сорвали друг с друга одежду, а потом гуляли по мощеным улицам, и он держал ее за руку.

Он сделал ей предложение всего через полгода после первого свидания. Встав перед ней на одно колено в холле офиса «Дыхания», где присутствовали все сотрудники компании, он сказал: «Я не знаю никого, кто шел бы по жизни с такой уверенностью и страстью, как ты. Я хочу разделить свою жизнь с тобой».

Где же теперь эта уверенность?

Когда в Сингапуре открылся четвертый заграничный магазин «Дыхания», Грег заказал столик в ее любимом ресторане «Эверест». И сидел целый час

один на сороковом этаже Чикагской товарной биржи, пока она была на онлайн-конференции. Он не сердился и не переживал. Тогда он готов был ждать ее вечно. Теперь она чувствовала, что связь между ними прервалась, и сомневалась, что только из-за нее.

— Ты очень устаешь, Ник. Я думаю, что нам надо нанять няню.

— Нет, никаких нянь! — отрезала она и прижала ладонь ко лбу, потому что в висках начала пульсировать боль. — Не знаешь ли ты, что случилось с моими таблетками? Их не было возле кровати.

— Ты оставила баночку в кладовке рядом со смесью, и я убрал ее в шкафчик с лекарствами.

Николь напрягла память. Неужели она правда забыла там таблетки? Ну, иногда она забывала даже чистить зубы...

Он принес подогретую бутылочку со смесью, и ей на глаза навернулись слезы. Маленькая помощь с его стороны — а ей так этого не хватало... Но ей очень не хотелось выглядеть слабой в его глазах. Ей нужно было справляться самой!

Куинн все еще всхлипывала. Николь дала ей бутылочку, и когда девочка начала есть, стало так тихо и спокойно, что ей опять захотелось плакать от нахлынувшего облегчения. Когда Куинн плакала, каждый ее крик разрывал Николь сердце, ей казалось, что это ее вина.

В кармане штанов для йоги завибрировал телефон. Это Тессе в прошлом году пришла в голову такая прекрасная идея — добавить карманы к штанам весенней коллекции.

Грег забрал Куинн и улыбнулся дочке. Николь приободрилась и порадовалась своей маленькой семье. Все будет хорошо. Приспособиться к новой жизни нелегко, но они вместе пройдут через это, они справятся. Грег всегда ставил на первое место карьеру Николь, потому что знал, как для нее важна компания, и она стала важной для них обоих, стала их общей мечтой об успехе. Вместе они смогут сделать все, что угодно!

Она достала телефон и прочитала сообщение от Тессы — единственного человека, с которым могла сейчас общаться:

«Мне зайти сегодня? Если захочешь, погуляем. Я купила Куинн платье».

Николь ответила:

«Не уверена, что осилю прогулку. Но ты приходи после работы. Пожалуйста».

Она подняла глаза от экрана и увидела, что Грега нет на кухне.

Неожиданно раздалась пронзительная мелодия «Баю-бай, малыш» — колыбельной, напоминавшей ей об Аманде и о том ужасном летнем дне. Она никогда не включала эту музыку для дочки. Николь застыла на месте.

Откуда она взялась? Они с Грегом еще не открывали коробки с подарками к рождению Куинн.

Жуткая музыка кончилась.

— Милый, — крикнула Николь мужу, — ты слышал это?!

— Что именно? — ответил он из гостиной.

Неужели ей почудилось? Руки сильно затряслись. Мелодия, казалось, доносилась сверху.

Чтобы Грег не подумал, что она сошла с ума, Николь решила разобраться сама.

Несмотря на пульсирующую боль в паху, она начала подниматься по ступенькам. Каждая ступенька казалась ей горой, и добравшись до верхней, Николь почувствовала себя победительницей.

Было тихо. Она собралась спускаться, но тут мелодия заиграла снова. Она доносилась из детской. Николь распахнула дверь.

Наклейки с цветками сакуры поднимались по светло-серым стенам и окружали белую полку с мягкими игрушками. Это была чудесная, идеальная комната для маленькой девочки. Но над кроватью медленно крутился мобиль с пастельными бабочками — тот самый, который Николь видела в последний раз больше двадцати лет назад. Именно такая игрушка висела над колыбелькой Аманды, и Донна заводила ее всякий раз, когда девочка начинала плакать.

«Вот ветка сломается, и колыбелька упадет».

Музыка снова замолчала. Николь оглядела комнату. Кто же, кто это сделал?! Здесь кто-то побывал? В детской было пусто, мобиль больше не крутился.

Через несколько минут она нашла силы, чтобы закричать:

— Грег! Иди сюда!

Она услышала, как муж идет по ступеням. Он вошел с Кунин на руках и спросил:

— Что такое?

— Вот это... — она, дрожа, кивнула на мобиль.

— В чем проблема, Ник? — удивился он. — Это просто мобиль.

— Это нам кто-то подарил? — спросила она.

Куинн опять заплакала, и Николь очень захотела обнять ребенка, но ее била дрожь, и она побоялась брать малышку на руки.

Грег вытаращил глаза:

— Ты что, шутишь?

Неожиданный приступ боли сдавил ей внутренности, и она схватилась за живот.

— Что? О чем ты?

Он подошел к кровати и положил туда Куинн. Николь прислонилась к стене и сползла на пол.

Увидев, что ее лицо исказилось от ужаса, Грег опустился перед ней на корточки:

— Эй, все хорошо.

Он погладил жену по коленке. Он говорил с ней так, как будто она вот-вот сорвется и ее надо успокоить.

— Ник, это же ты купила этот мобиль.

Николь вздрогнула и метнулась от него.

— Нет! Нет! Я не покупала его!

— Милая, ты это сделала. Ты оставила распечатку с «И-бэй» на столе пару дней назад. Ты его заказала, а я повесил, чтобы у тебя было одной заботой меньше. Я что-то сделал не так?

Он выглядел поникшим.

Она почувствовала зуд, как будто тысячи насекомых заскреблись под кожей. Никогда в жизни Николь ничего не покупала на «И-бэй». А даже если бы покупала, то никогда не заказала бы этот мобиль. Никогда.

В горле саднило, как от проглоченного стекла. Сначала карточка с именем и рыжеволосая женщина в коридоре, пропавшие таблетки и теперь вот это... Она сходит с ума?

Она видела, что Грег из всех сил старается оставаться спокойным, но на лице его сквозило нетерпение.

— Ничего, Николь, это не страшно. Я тоже все забываю, — сказал он.

Он поднялся и, подойдя к детской кроватке, понюхал воздух:

— Пора менять подгузник. Увы, мне уже пора на работу.

Затем подошел и обнял Николь:

— Тебе надо поспать, милая. Давай я приду пораньше сегодня и погуляю с Куинн, а ты вздремнешь? Я все хочу помочь тебе, но ты продолжаешь отказываться.

— Нет, не беспокойся. Тесса придет, — иска-сва взглянув на мужа, она добавила: — Грег, я знаю, что ты здесь, так почему мне кажется, что тебя нет рядом? Как будто на самом деле ты где-то в другом месте.

Прижав ладонь ко лбу, он ответил:

— Ник, я предлагал тебе свою помощь — предлагал ее искупать, менять подгузники, дать тебе поспать в выходные. Но ты либо отказываешься, либо просто игнорируешь меня.

О чем он говорит? Она не могла вспомнить, что он когда-либо предлагал ей помощь.

Грег грустно посмотрел на нее и встал с пола.

— Тесса сказала, что ты ни разу не поинтересовалась делами в офисе, что ты похожа на зомби. Попроси ее прийти раньше, чтобы ты не сидела долго одна. Я о тебе очень беспокоюсь. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя счастливой и не волновалась о безопасности Куинн.

С тобой она не будет в безопасности.

— Только со мной она в безопасности! — крикнула Николь.

Но она уже не была в этом уверена.

Глава седьмая

Морган

Понедельник, 7 августа

Мы едем с Джессикой в ее белом «Мерседесе», она везет меня домой после того, как отбила от толпы журналистов возле полицейского участка. Они уже разнюхивали информацию о самоубийстве известной бизнес-леди. Подняв стекло, я все равно слышала их крики:

- Вы были на платформе?
- Ее столкнули?
- Где ребенок?

Яростные вспышки камер ослепляли меня. Интересно, мое фото опубликуют? И увидят ли его мои коллеги и бывшие друзья? А мать? Я и так уже стала парией, а теперь еще и это. Оказаться в центре внимания — последнее, что мне нужно.

Мы выезжаем из толпы и поворачиваем на улицу Вест-Дивижн. Джессика сосредоточена на том, чтобы без приключений доставить меня домой, в здание из темно-коричневого кирпича на Норд-Шеридан-авеню.

— Почему так случилось? — спросила я. — Я ведь просто ехала домой. Мартинес правда думает, что я могла отнять ребенка и столкнуть Николь Мэркем с платформы? С какой стати?

— Просто сейчас ты единственная подозреваемая. Мартинес будет выяснять, какие у тебя связи с Николь. Я собираюсь заняться тем же, когда вернусь в офис. Если тебе начнут задавать вопросы журналисты, не отвечай.

— Да мне и нечего сказать, я ничего не знаю, — отвечаю я и сворачиваюсь на сиденье. Как бы мне хотелось просто исчезнуть...

Когда мы подъезжаем к дому, я указываю Джессике на парковку позади него:

— Пожалуйста, сюда. Я зайду с черного хода.

Джессика ведет машину по узкому темному проезду. Неожиданно звонит ее телефон, и я вздрагиваю. Она снимает одну руку с руля и нажимает кнопку на консоли:

— Привет, Барри!

Барри — это следовательно, с которым Джессика работает. Пока она слушает его, выражение ее лица меняется, она переводит на меня взгляд, но непонятно, что он означает.

Она вешает трубку, останавливает машину и говорит:

— Видео выложили на «Ютуб». Какой-то мужчина снимал на «Гранд-Стейт» своего сына, который ехал на свой первый бейсбольный матч. Вы с Николь попали в кадр. Полицейские попросили удалить

видео, но Барри удалось его скопировать. Сейчас он мне его пришлет на имейл.

— Это же прекрасные новости, так? — я сажусь прямо. — Это доказывает, что она сама отдала мне ребенка, как я и сказала.

Джессика не отвечает, и страх сдавливает мне ребра. Она включает свет в салоне, загружает видео и поворачивает телефон экраном ко мне, чтобы нам обоим было видно. Я готовлюсь увидеть, как Николь спрыгивает с платформы.

Но я не готова это увидеть...

Хотя изображение не очень резкое, я узнаю станцию. На переднем плане улыбается светловолосый мальчик лет семи, в его правой руке зажата бейсбольная перчатка. Вдалеке справа я вижу нас с Николь. Она идет прямо ко мне, прижав к груди дочь, синяя сумка перекинута через плечо. Я в белом, замерла в замешательстве, с плеча свисает сумочка.

Николь теснит меня к самому краю платформы. Она стоит очень близко ко мне, ее левая рука двигается к моему бедру. Может быть, тогда она приклеила записку к сумочке?

«Удивительно, что делают люди, когда думают, что их никто не видит».

Не на это ли намекала Мартинес? Она уже знала про видео, когда допрашивала меня?

Николь на мгновение частично заслоняет меня, повернувшись спиной к рельсам. Потом она делает шагжок назад, и вот меня снова видно, и я держу ребенка. Я знаю, что не сама взяла у нее девочку, но наши руки двигаются почти одновременно, и поэтому

нельзя понять, что именно произошло. Кому-то может показаться, что я забрала ребенка. На экране я смотрю на Куинн, а Николь снова делает шаг назад, прямо на край платформы. В этот момент мимо проходят какие-то люди, на секунду мы скрываемся из виду, потом снова появляемся. На лице Николь ужас, она машет руками, меня снова заслоняют люди. Она падает назад и исчезает с экрана. Появляется поезд.

Когда я вижу, как она падает, я чувствую себя так, будто меня ударили в живот. Видео заканчивается, и Джессика переводит дыхание. Я трясую головой так быстро и резко, что к ней приливает кровь и становится больно.

— Нет, нет, тут ничего не видно, тут не видно, что на самом деле случилось! Она отдала мне ребенка, но именно этого не видно! Я не толкала ее, клянусь, не толкала! Там было так много людей. Должен же кто-то был видеть, что произошло!

Я хватаюсь за ручку двери, мне хочется как можно скорее оказаться вне закрытого пространства, бежать от ужаса, в который меня погрузила Николь Мэркем.

Джессика кладет телефон на колени.

— Теперь-то ты понимаешь, почему Мартинес тебя мучила? Непонятно, как умерла Николь. Она отодвигается от тебя. Недостаточно далеко, чтобы ты не могла до нее дотянуться, но достаточно, чтобы доказать, что она прыгнула. Но здесь ничего не объясняет того факта, что она знала твое имя, и это плохо.

Я не могу вздохнуть, видео повергло меня в ужас. Даже моя мать считает, что я помогала Райану

обманывать его жертв, так почему бы незнакомым людям не поверить, что я столкнула человека с платформы?

Джессика пристально смотрит на меня:

— Ты точно рассказала все? Может быть, мне что-то еще нужно знать, чтобы помочь?

— Ничего. Я ее не знала! — я закрываю лицо руками. Как хочется проснуться от этого кошмара!

Но это не сон, а реальность, и мне придется с этим смириться. Я помню малышку и не могу забыть глаза Николь. Глаза матери, которая отчаялась защитить своего ребенка. Но от чего? Что, если она боялась именно того человека, с которым девочка находится сейчас?

— Мне нужно узнать, где Куинн.

Джессика потирает пальцем нос.

— Нет, не нужно. Если ты настаиваешь, что не знала Николь, то ее ребенок не должен тебя интересоваться, разве нет?

Она кладет ладонь мне на руку и продолжает:

— Все, что ты должна, — помочь мне выстроить твою защиту, потому что, думаю, она тебе понадобится. Мотива желать смерти главе «Дыхания» у тебя не имелось. Но поразмысли снова. Ты уверена, что никогда не встречала Николь? Должна же быть причина, по которой она подошла именно к тебе.

О, если бы так легко было найти ответ! Я бы ответила.

Сердце начинает быстро колотиться.

— Джессика, но если я правда связана с этим, или Райан был связан, мне угрожает какая-то опасность?

Мы сидим в темноте, Джессика выключила свет и фары. Отсюда мне едва видно дверь дома. Кто угодно может прятаться за мусорными ящиками. Вдруг, как только мы выйдем из машины, они на нас бросятся?

Мой адвокат поджимает губы:

— Скажем так, тебе надо быть очень-очень бдительной, пока мы во всем не разберемся. Я пока займусь окружением Николь и попробую найти любую нить, которая ведет к тебе.

— Джессика, — вдруг осеняет меня, — а как ты думаешь, Николь могла каким-то образом узнать, что я очень хочу ребенка?

Она смотрит на меня так, словно я сумасшедшая, опасная или то и другое сразу.

— Не знаю, — отвечает она ровным холодным тоном.

Но правда в том, что Николь знала. Я видела это по ее глазам.

Я знаю, чего ты хочешь. Не дай никому причинить ей вред.

Неважно, что я лгу сама себе, что после смерти Райана никогда не захочу иметь детей; правда в том, что я чувствую всякий раз, когда вижу женщину с ребенком. А чувствую я острую зависть. Я думаю о ребенке всякий раз, когда слышу визг и смех детей на пляже Фостер неподалеку от моего дома, всякий раз, засыпая и просыпаясь совсем одна.

Люби ее за меня, Морган.

Почему же ты выбрала меня?

Джессика включает дальний свет. Наверное, мой адвокат недоумевает, почему я сижу и смотрю в темноту из окна. Она кивает в сторону задней двери:

— Проводить тебя?

Я качаю головой. Я доверяю Джессике, пусть она и не совсем доверяет мне. Благодаря ей я уже два раза покидала полицейский участок в качестве свободного человека, хотя на самом деле не чувствовала себя свободной. Что теперь будет? Что подумают обо мне люди? Хотелось бы мне совсем не обращать на это внимания, но я не могу. Я совсем-совсем одна. У меня никого нет...

Мы прощаемся, и я иду к двери. Лифт открывает двери на моем этаже, я выхожу и ступаю по дешевому серо-желтому ковровину, мои сандалии слегка скользят по нему. Я открываю дверь и почти падаю на деревянный пол. Я чувствую благодарность, потому что я наконец-то дома и вокруг меня знакомые стены шалфейного оттенка и тишина.

В «Гавани» я получаю немногим больше минимальной зарплаты. Страховки, которые мы оформляли с Райаном в течение нашего шестилетнего брака, аннулированы. Наши совместные счета были опустошены для возмещения ущерба тем людям, которых он обокрал. Я продала все украшения, кроме бабушкиных, всю мою дизайнерскую одежду, но этого не хватило, чтобы возместить весь ущерб. Мать отказалась принять у меня деньги. «Что сделано, то сделано, Морган, ничего не исправить», — сказала она.

Отец посоветовал мне когда-то завести собственный счет, я много лет откладывала на него половину

зарплаты. Жертвам аферы Райана я предложила все, что могла, оставив себе только сумму, нужную, чтобы оплачивать услуги Джессики, аренду и необходимый минимум удобств. Мне этого вполне достаточно, я никогда не хотела быть богатой. Мне просто нужна была семья.

Моя квартирка — это две тесные спальни, кухня размером с почтовую марку и ванная с душем и раковиной. У меня есть подержанный малиновый диван. Яркие цвета помогают немного разогнать мрак, который придавливает меня каждый день. Упав на диван, я лежу, и в этот момент приходит мысль: а вдруг Николь оставила еще какие-то ключи к разгадке того, что случилось на станции «Гранд-Стейт»? Я встаю и вытряхиваю все из сумочки.

Бумажник, телефон, ключи от машины, помада, жвачка, перцовый баллончик, фиолетовый листочек, носовой платок — вот и все ее содержимое. Значит, кроме записки, у меня нет ничего. И кроме имени Аманда, которое мне ничего не говорит. Это сестра Николь? Подруга? Если это не имя ее дочери, то чье же оно?

Я заталкиваю все вещи обратно в сумочку. Чувствую, что от меня пахнет потом, страхом и тоской, как от загнанного в ловушку зверя.

Мне надо помыться. Я вхожу в ванную и включаю горячую воду, раздеваюсь и заскакиваю под душ. Я изо всех сил тру себя мочалкой, тру шею, где кожа стала сухой и жесткой. Чувствую острые ключицы, костлявые бедра. Я сильно похудела после смерти Райана, я бы очень хотела снова стать такой, как

раньше, даже вернуть животик, по поводу которого раньше переживала. Сейчас он впалый и весь покрыт растяжками от внезапной резкой потери веса.

Мне не хватает отца, его лающего смеха, глупых шуток и крепких объятий. С ним я всегда чувствовала себя самой красивой, самой умной. Ужасно, что я больше никогда не смогу себя чувствовать такой...

Вдруг я начинаю рыдать, сползаю на пол, скорчившись, и струи воды колют мне спину, как иголки. Я стенаю так, будто не видела, как гроб с телом моего отца погружается в землю. Я сдаюсь, я побеждена потерями и сожалениями. Я все приму! Но не могу принять обвинения в том, что отняла ребенка у матери и столкнула ее на рельсы. Нет, этого я не делала!

В конце концов, дрожащая, мокрая и эмоционально опустошенная, я выключаю душ и прекращаю всхлипывать. В спальне я открываю ящик комода, достаю футболку и шорты для сна и хочу закрыть ящик, но вдруг на глаза попадают розовые штаны для йоги от «Дыхания». Слезы наворачиваются опять, но я подавляю их. Хватит плакать, надо снова взять себя в руки.

Я достаю из сумочки телефон, беру с компьютерного столика ноутбук. Я почти не выхожу в Сеть с тех пор, как моя репутация была разрушена после преступления Райана, но сейчас мне нужен Интернет, там я могу поискать причину, по которой Николь вышла на меня.

Я ложусь на кровать, прямо посередине. Но знаю, что утром снова проснусь на левой стороне кровати, как будто Райан все еще спит справа от меня.

Сделав глубокий вдох, я поднимаю крышку ноутбука. Читаю пять первых постов. Хотя видео в них упоминается, его убрали, поэтому ссылка не работает. Подробностей мало, но настораживает тот факт, что самоубийство не подтверждено, будто есть сомнения, что она прыгнула. Вижу упоминание о том, что полицейские допрашивали важного свидетеля, державшего ребенка Николь на руках после того, как она упала на рельсы, но мое имя пока не всплыло. Как скоро оно появится в броских заголовках?

Я окончательно лишаюсь сил, узнав, что СМИ уже известно обо мне. Я закрываю ноутбук, глаза слипаются. Все равно ничего нового я сейчас не узнаю. Мысли путаются, мне надо немного поспать, а потом я продолжу свое исследование...

Меня будит телефонный звонок, мои щеки почему-то мокры от слез, глаза опухшие и воспаленные. Слышу птичий щебет, солнце протягивает свои лучи через маленькое окно, на которое я повесила прозрачные персиковые занавески. Я понимаю, что впервые за очень долгое время проспала всю ночь до утра, и на мгновение мне кажется, что все хорошо. Но потом я вспоминаю «Гранд-Стейт». Николь. Аманду. Куинн. И видео.

Я нащупываю телефон, подношу к уху и хриплым голосом говорю «Алло», не открывая глаза.

— Мисс Кинкейд, это Рик Лумс.

Я провожу рукой по спутанным волосам и никак не могу проснуться.

— Я адвокат Николь Мэркем, — говорит голос.

Мрачное предчувствие накатывает на меня, и я лишаюсь дара речи. Почему адвокат Николь звонит мне?

Зачем я только взяла трубку!

— Я очень много лет был адвокатом мисс Мэркем. С глубоким сожалением я сообщаю вам, что вчера она скончалась.

Ком в горле растет, и я молчу.

— Мы все в шоке, конечно. Я должен связаться с вами, поскольку речь о ребенке, чтобы вы как можно скорее начали процесс.

Какой еще процесс? О чем он говорит? Я слышу бешеный стук крови в ушах.

— Мисс Кинкейд?

Я откашливаюсь, в горле пересохло.

— Простите, — отвечаю я, — я пытаюсь понять, о чем вы. Не понимаю, почему вы звоните мне.

— Мисс Мэркем оставила четкие указания в своем завещании.

— В завещании? — вскрикиваю я, вскочив на ноги.

— Мисс Кинкейд, мисс Мэркем назначила вас опекуном своей дочери, — говорит Рик Лумс.

Глава восьмая

Николь

Четыре недели назад

Николь пыталась достать бутылку с водой из кухонного буфета, когда услышала резкий звон бьющегося стекла. Она в испуге подскочила, ударившись лбом об угол, потом замерла. В доме кто-то есть? Грег на работе. Куинн у нее на руках. У нее закружилась голова, поэтому она положила ребенка на пол и на четвереньках подползла к небольшой кушетке, стоявшей позади.

Потом она услышала, как входная дверь открылась и тихо закрылась. Раздались шаги по мраморному полу. Николь застонала и двинулась к кладовке, дверь которой могла закрыть изнутри. Шаги приближались. Она не успеет!

— Ник! Что ты делаешь?

Прямо перед ней стояли изящные ножки Тессы в сандалиях. Николь потерла ушибленный лоб. Дрожая, она объяснила:

— Кто-то был в доме. Что-то разбилось, и я ударилась головой об угол буфета. Стекло во входной двери разбилось? Ты поэтому смогла войти?

Тесса оглянулась:

— Нет, с дверью все в порядке... Я стучала, но ты не отвечала, поэтому я нажала на ручку. Было открыто.

Она осмотрела лоб Николь, и ее глаза затуманило беспокойство:

— Похоже, удар очень сильный. Как ты себя чувствуешь?

— В смысле — как это дверь была открыта?! Это невозможно! — закричала Николь, и Куинн, услышав ее, заплакала. — Тихо, малышка, мама здесь.

Дверь точно была заперта. Она пять раз ее проверила после ухода Грега, как делала каждое утро всю последнюю неделю, с тех пор как в комнате Куинн появился мобиль. Николь оторвала его от кровати, выбросила и не хотела видеть никогда больше.

Тесса помогла Николь встать, успокаивая и поглаживая ее, словно своего ребенка.

— По-моему, Куинн чувствует твою тревогу. Все нормально, я здесь, с тобой... — она взяла малышку на руки.

Николь шумно выдохнула и потрогала лоб. Кровь перестала идти. Тишина успокаивала. Но вид Тессы, такой спокойной и уверенной, вызвал у Николь приступ самобичевания. Она никчемная, ни к чему не годная, бесполезная. Много лет она не чувствовала себя такой. Сотни неотвеченных писем ждут в почте, сотни людей ждут, чтобы она им перезвонила. Да, она в декретном отпуске, но ведь у нее было твердое намерение работать дома и появляться в офисе хотя бы

раз в несколько дней. Теперь уже три недели прошло с тех пор, как она переступила порог своей компании.

Шум в доме... Кто-то следил за ней и за ребенком. Она не могла перестать думать об этом. Она не призналась Тессе, что после рождения Куинн начали происходить странные вещи. Она не могла рассказать ей о Донне, которая, как ей казалось, шпионила за ними и собиралась сделать что-то ужасное. Николь не могла представить себе, на что способна Донна и что она задумала.

Держа Куинн на руках, Тесса протянула Николь полотенце.

— Спасибо, Тесса. — она вытерла со лба кровь. — Клянусь, я слышала шум. Я подумала, что кто-то вломился в дом.

Общение с Тессой всегда было для Николь отдушиной. Следовало рассказать ей обо всем, не упоминая Донну.

— Я совсем не похожа на себя. Я все время в тревоге. Не понимаю, что со мной происходит и как это прекратить.

С того дня, как появился злосчастный мобиль, Николь стала очень рассеянной, постоянно пугалась.

Она опустила голову на колени и простонала:

— Тесса, я думаю, что со мной что-то не так...

Николь смотрела, как подруга кладет Куинн в детский шезлонг. В каждой комнате теперь стояло по шезлонгу, хотя Николь редко спускала девочку с рук. Тесса помогла ей подняться. Голова кружилась. Николь опустилась в кресло, и ей стало легче.

Тесса села напротив.

— Думаю, у тебя скачут гормоны и ты утомлена, — сказала она, — и вообще, ты ведь в декрете. Ни Люсинда, ни другие члены совета с этим поспорить не могут. Когда через три недели ты вернешься, все будет так, словно ты никогда и не уходила. Я занимаюсь всеми проектами, какими могу, включая выпуск каталога. Все, что ты должна сейчас, — быть мамой.

— Быть мамой гораздо труднее, чем управлять компанией.

Тесса засмеялась:

— Вот причина, по которой я не хочу детей. Но ты что-то очень сурова к себе.

Говоря с Тессой, Николь чувствовала, как тает тяжесть, сдавливавшая грудь.

— У Люсинды был не слишком любезный тон, когда я позвонила и сказала, что не могу работать дома.

Тесса фыркнула:

— Ну еще бы! Она же такая стерва!

Она взглянула на гору тарелок в раковине, заляпанный стол и грязные бутылочки, стоявшие повсюду.

— Я всегда буду с тобой, Ники. Это просто черная полоса, но она пройдет. Все наладится.

Только Тесса называла ее Ники теперь, когда мамы не было в живых.

— Я знаю. Тебе приходится работать сверхурочно, и ты все равно приходишь. Ведь у тебя полно своих дел, — сказала Николь.

Подруга прервала ее, помахав рукой:

— Я люблю тебя, Ник, и я рада помочь, чем могу. Ты ведь тоже помогала бы мне, я знаю.

Как же Николь повезло с Тессой, которую она взяла на работу двадцатитрехлетней, вчерашней студенткой! Она никогда не думала, что способна дружить с женщиной моложе себя, однако Тесса была очень мудрой для своего возраста.

Куинн закричала, напоминая о себе.

— Легкие у этой девочки хорошие, — заметила Тесса. — Ты сильная, как твоя мама.

Она стала покачивать ногой шезлонг, и девочка успокоилась. Потом Тесса намочила кусочки бумажного полотенца, убрала волосы со лба Николь и приложила компрессы к ее вискам.

— Малышка так часто плачет... Ты спрашивала доктора об этом?

— Доктор сказала, что это скорее всего колики и что первые три месяца бывают адскими.

— Еще и поэтому я счастлива, что у меня нет детей, — хихикнула Тесса. А потом ее тон стал серьезным. — Слушай, ведь правда очень сложно привыкнуть после жизни, заполненной работой, к сидению дома целый день. Тебе надо нанять няню. Чтобы приходила хотя бы иногда.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, — сказала Николь, глядя Тессе в глаза.

Тесса молча кивнула. Она очень хорошо понимала, что рождение Куинн словно вернуло подругу в то кошмарное лето.

Но Николь не говорила ей о многом. О том, что панические атаки стали еще тяжелее, несмотря на

лекарство. О том, что она боится спать и оставить дочку хотя бы на минуту. О том, что, кроме Куинн, ее больше ничего не интересует — ни Грег, ни йога, ни «Дыхание», ее компания, которая раньше была для нее всем.

Тесса слегка прикоснулась к ушибленному месту на лбу Николь, и та почувствовала, как же ей не хватает заботы.

— Давай пойдем посмотрим, что это был за шум. Потихоньку, — сказала Тесса.

Она кивнула и подождала, пока Тесса возьмет Куинн на руки. Потом они вышли из кухни. Подходя к входной двери, Николь спросила:

— Ты говорила, что дверь была не заперта, когда ты пришла?

Пять дней назад в двери поменяли замок, чтобы Николь чувствовала себя в безопасности. Но как же она могла не закрыть его? Несколько часов назад она приняла «Ксанакс», но это не помешало бы ей запереть дверь.

— Ну, может, это Грег не закрыл, он ведь тоже сейчас на нервах, — предположила Тесса.

Николь взяла Куинн, чтобы ощутить ее тепло.

— Он работает допоздна, потом спит в комнате для гостей. Не может спать вместе с Куинн.

Тесса посмотрела на нее с сочувствием:

— Может, укладывать Куинн в детской? Чтобы у вас было немного личного пространства?

На Николь тут же нахлынуло раздражение. Грег ведь предлагал то же самое. Ни он, ни Тесса не

понимают, каково быть матерью. Она вдруг почувствовала себя очень одинокой.

— Возможно, потом... — ответила она.

Они попытались выяснить, что разбилось, но ничего не нашли. Когда они поднялись по спиральной лестнице, по телу Николь побежали мурашки.

— Какого черта?! — вскрикнула она, увидев, что дверь в детскую распахнута.

В колыбельке, на розовых простынях в горошек, сияли осколки хрустальной люстры, разбившейся вдребезги. На потолке зияла огромная трещина — в том месте, где до этого висел роскошный, украшенный розовыми бусинами светильник из «Маленького сокровища».

Николь в ужасе оглядывала комнату. Люстры не падают сами по себе, без причины.

— Ты видишь то же, что и я? — спросила она Тессу.

— Да, — ответила та и замолчала, думая над ее вопросом. — Ты боялась, что это не так?

— Боже мой... — простонала Николь и еще крепче прижала к себе дочку. — Куини... Ее бы убило.

С тобой она не будет в безопасности.

— Ники?

У Николь потемнело в глазах. Это было уже слишком.

— Таблетки, дай мне таблетки, они в шкафчике с лекарствами! — взмолилась она.

Шаги Тессы поглотил ковер на полу, было лишь слышно, как гремят во флаконе таблетки и в стакан льется вода.

— Сколько? — крикнула подруга.

— Две. Скорее. Пожалуйста.

Горло сжалось, она вот-вот начнет задыхаться.

Тесса вернулась, взяла Куинн и протянула Николь стакан и таблетки.

— Спасибо... — прохрипела она.

Малышка задремала на руках у Тессы под мерный ритм ее дыхания.

— Ники, это просто случайность. Вот и все. Понимаю, что это очень тяжело. Но послеродовая депрессия может вызывать такие состояния. Паранойю, страх, панику. Все будет в порядке.

Плечи Николь дрогнули, и она заплакала.

— Не будет, Тесса. Грег пропадает на работе и избегает меня, но я его не виню. Я просто развалина.

Она вытерла футболкой нос и почувствовала неприятный запах своего пота.

— Никогда у нас все не было так плохо. Он смотрит на меня... как на стакан, который вот-вот разобьется. Я не могу рассказать ему о том лете, и, мне кажется, он тоже что-то скрывает от меня.

Тесса, покачав Куинн, поднялась на ноги.

— Грег неожиданно стал отцом. Ему ведь тоже трудно. Не будь к нему строга. Он приспособится. А если нет, то ему придется отвечать передо мной, — пошутила она.

Николь заставила себя улыбнуться. Сколько же силы в этой маленькой молодой женщине!

— Ты ведь никому не выдашь мою тайну? — спросила она, умоляюще глядя на подругу.

Та посмотрела на нее:

— Никогда. Ты не одна, Ник. Я с тобой. Все будет прекрасно, эти тревоги померкнут и потеряют значение.

«Ты не можешь этого знать наверняка, — подумала Николь, — а я не могу рассказать тебе всю правду».

Глава девятая

Морган

Вторник, 8 августа

Николь Мэркем завещала мне опеку над своим ребенком? Телефон падает на пол, я вся холодею, как будто меня окатили ледяной водой. Это же безумие!

Я все еще не проснулась до конца, вдруг это просто сон? Я беру телефон и спрашиваю:

— Это что, такой розыгрыш? Кто вы на самом деле?

— Мисс Кинкейд, как я уже сказал, я адвокат Николь. Понимаю, что вы в шоке, но я не шучу. Можете проверить, я звоню по телефону из своего офиса.

Знает ли он, что я была на платформе? Что я последняя, кто говорил с Николь до того, как она спрыгнула?

— Нет, нет... Это какая-то ошибка.

— Никакой ошибки нет, — кашлянув, продолжает он, — я полагал, что вам известно о ее плане. Когда я видел ее в четверг, она настояла, чтобы я организовал для вас законную опеку над Куинн. Вскоре об этом будет объявлено, но я сообщил вам сейчас,

потому что речь идет о физическом и психическом здоровье ребенка. Вы должны подписать и оформить все документы в течение месяца.

Я так сильно сжимаю пальцами телефон, что он трещит.

— Погодите, Николь изменила завещание в четверг?

В четверг я весь день была в «Гавани». И не подозревала, что незнакомка в это самое время вносит мое имя в документы об опеке.

— Мисс Кинкейд, я не понимаю... Вы утверждаете, что ничего не знали об этом?

— Нет, не знала.

Я в таком же замешательстве, как и он, но почему-то вдруг чувствую надежду, такую смешную и странную, что вряд ли стоит обращать на нее внимание. Когда год спустя после смерти Райана я распечатала заявку в агентство по усыновлению, было то же самое, такое же зернышко надежды затеплилось во мне. Я начала заполнять ее, но на пункте о моих рекомендациях дело застопорилось, ведь мне просто не к кому было обратиться. Друзья перестали со мной общаться, поэтому точно не поручились бы за меня. В агентстве, поискав информацию обо мне, вскоре узнали бы о Райане и обо всем, что произошло. Интересно, был ли мной адвокат Николь? Похоже, нет.

Я знаю, какой опасной бывает надежда. Куинн Мэркем не принадлежит мне, это абсурд.

Закутавшись в одеяло, я спрашиваю:

— Кто отец Куинн?

— Мистер Мэркем некоторое время назад ушел из семьи и, кажется, не хочет — или не может — заботиться о Куинн. Вот почему мисс Мэркем назначила другого опекуна.

— Мистер Лумс, а вы знаете, почему именно меня?

Немного помолчав, он сказал:

— Николь дала мне понять, что вы были близкими подругами и что вы лучше всех справитесь с этой ролью. Вы же дружили, верно?

В каком же отчаянии была эта женщина, если решила доверить дочь незнакомке, а не кому-то, кого хорошо знала? Я не могу понять, где кроется разгадка и что же мне ответить. Адвокату надо сказать правду, ведь на кону жизнь ребенка.

— Нет, мы не дружили. Вообще-то я совсем не знаю ее.

На том конце повисла тишина. Может быть, он бросил трубку?

— Мистер Лумс?

— Я не очень понимаю... Она мне сказала, что вы желали бы получить опеку над ее дочерью, если в том появится нужда. И вот...

— И что? Пожалуйста, мистер Лумс. Я не понимаю, что происходит.

— Мисс Кинкейд, если вы не подруга Николь, то как именно вы с ней связаны?

— Я не знаю, — шепчу я. — До того, как она заговорила со мной на станции «Гранд-Стейт», я ни разу в жизни ее не видела.

Снова долгое молчание.

— Так вы были там, когда... это случилось? Когда она прыгнула?

Мне слышно, как он перебирает бумаги.

— Мисс Кинкейд, я так понимаю, что вы не в курсе и насчет того, что Николь назначила вас душеприказчицей Куинн? Я должен сообщить вам об этом как можно скорее, поскольку у Николь были значительные доли акций в компании «Дыхание». Поэтому ситуация срочная.

— Ну а ее муж?..

— В данный момент мистер Мэркем контролирует акции и дивиденды от имени Куинн, но если он утратит родительские права, а вы сохраните свое опекунство, это также будет вашей ответственностью. Мы говорим о больших деньгах и о судьбе ребенка. Тяжелая ноша для того, кто совсем не знал Николь.

В его голосе появляются обвинительные нотки, как будто все произошедшее — часть моего коварного плана. Глаза застилает пелена, и я тру их, чтобы прийти в себя. У Куинн есть отец, но Николь назначает меня опекуной? Зачем бы ей давать мне в руки состояние своей дочери? Кто же мистер Мэркем, отец Куинн? Это от него она убегала?

И кое-что еще приходит мне в голову. Как только кто-то узнает, что Николь дала мне право распоряжаться деньгами Куинн, мне наверняка будет угрожать опасность. Внезапно я чувствую себя очень уязвимой и одинокой.

— Кто еще знает о ее завещании? — спрашиваю я, пододвигаясь к спинке кровати. — Есть кто-то из членов семьи, с кем я могла бы поговорить об этом?

Сердце сжимается, как только я вспоминаю тепло крошечного существа, прижавшегося к моей груди.

— А что с Куинн? Она в порядке?

Я знаю, что выгляжу очень непоследовательной, но не могу перестать задавать вопросы, они так и сыплются из меня.

— У Куинн все хорошо. Информации о членах семьи у меня нет, — помолчав, адвокат добавляет: — Слушайте, я не знаю, что происходит, и мне это не нравится, но я должен отправить вам документы на оформление опеки. Продиктуйте ваш электронный адрес.

Мне совершенно наплевать на деньги. Мне важно, что моя репутация будет восстановлена и что маленькая девочка, которую мне доверили, в безопасности.

Не позволяй никому причинить ей вред.

— Куинн сейчас со своим отцом?

— Я не могу вам ответить.

Попробуем другой путь.

— А вы знаете Аманду?

— Кого?

— Нет, нет, неважно. Я хотела бы увидеть завещание.

— Все завещание я вам не могу отправить, но пришлю форму, чтобы подтвердить опеку.

— Спасибо, — говорю я и диктую свой имейл, после чего он бросает трубку.

Какая-то часть меня хочет проигнорировать все это, зарывшись в одеяло, но я ставлю ноутбук на колени и поднимаю крышку. В моем почтовом ящике новое сообщение с заголовком: «Прощение об

опекунстве». Я открываю файл и понимаю, что это происходит на самом деле.

Податель петиции Николь Мэркем.

...Под страхом наказания за лжесвидетельство: Куинн Мэркем, несовершеннолетняя, родилась 27 июня 2017 года, место жительства — Ист-Белвью-плейс, 27, Чикаго, Иллинойс.

В интересах несовершеннолетней опекуном и распорядителем имущества несовершеннолетней назначается Морган Кинкейд по следующим причинам: она любящая, преданная, добрая и будет служить интересам Куинн Мэркем, обеспечивая ее физические и эмоциональные потребности. Опека над несовершеннолетней доверяется Морган Кинкейд, проживающей по адресу: 5450, Норд-Шеридан-авеню, квартира 802, Чикаго, Иллинойс.

По моей коже бегут мурашки. Николь знала, где я живу! Ист-Белвью-плейс. Она жила в квартале «Золотой берег»! После смерти Райана я больше не приходила к нашему прекрасному престижному жилищу в том районе. Да я никогда и не чувствовала себя там как дома. Неужели я сошла с ума и не могу вспомнить Николь?

Подтянув к себе ноутбук, я вбиваю в поисковик название компании Николь — «Дыхание», и мне снова хочется плакать: по всем ссылкам статьи о том, как компания пропагандирует здоровый образ жизни, о помощи женщинам и девочкам с психологическими

травмами. Может быть, мы связаны через приют, где я работаю?

Я смотрю на фото улыбающейся Николь Мэркем, которая, стоя возле подиума, держит в руках награду. Она выглядит счастливой, здоровой и успешной, словно у нее есть все!

Я касаюсь пальцем ее ярких глаз и красивых губ и шепчу:

— Что с тобой произошло, Николь? Кто такая Аманда?

Тут мне на глаза попадается статья в «Шестой странице»:

Анонимный источник сообщает, что Николь Мэркем нездорова и не выходит из дома, где находится вместе с новорожденной дочерью Куинн. Ее ни разу не видели на публике с тех пор, как она ушла в шестинедельный неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком по согласованию с советом директоров. Если Мэркем не вернется к своим обязанностям генерального директора 31 июля, есть риск, что ее отстранят от управления компанией, которую она основала.

Я пытаюсь сопоставить все, что мне известно. Понятно, что после рождения дочери Николь страдала. Когда я возглавляла работу в «Гавани», я много раз сталкивалась со случаями послеродовой депрессии. Возможно, у нее была нестабильная психика и никто на самом деле ее не преследовал на платформе. Она могла где-то увидеть мое фото или имя и убедить себя, что мы подруги. Я вспоминаю ее безумные

глаза, впалые щеки, взъерошенные волосы: по ней было видно, что она не в себе. У Николь явно случился нервный срыв, но, возможно, кто-то довел ее до такого состояния, до края? Вдруг это «анонимный источник»?

Но как же все-таки Николь связана со мной? Я продолжаю пролистывать ссылки, ищу недостающее звено, но тщетно. Разочаровавшись, я набираю в поисковике «муж Николь Мэркем» и нажимаю на красочное фото в «Чикаго Трибьюн» — с прошлого-годнего благотворительного бала. Под ним я вижу подпись: «Глава компании “Дыхание”, Николь Мэркем, со своим мужем Грегом Мэркемом, брокером».

Отец Куинн красив, ему чуть больше тридцати, у него выющиеся темные волосы и ямочка на подбородке. Брокер. Я перехожу на сайт брокерской компании «Блайд и Браун». Я Грега не знаю, но, возможно, он был связан с Райаном? Знала ли Николь моего мужа?

Грег ушел от Николь и новорожденной дочки. Почему? Как отец вообще может так поступить? Но делать поспешные выводы о нем я не имею права. Стоит ли разыскать его и поговорить? В заметке о смерти Николь пишут, что в тот день он находился в Нью-Йорке. Вернулся ли он в Чикаго?

Я набираю «Николь Мэркем. Семья». Прокрутив первые ссылки, нахожу интервью и с замиранием сердца читаю, что ее родители погибли в автокатастрофе, когда она была подростком. Упоминается ее старший брат, Бен Лейтон, врач скорой помощи в больнице «Гора Сион».

Сердце «Горы Сион» почти остановилось. Из-за низких доходов больница занесена в список кандидатов на закрытие.

Я листаю фотографии и наконец нажимаю на последнюю — с медицинской конференции. На сцене стоит высокий стройный мужчина, темные волосы спадают на глаза. Перехожу на сайт, где собраны отзывы о медицинских работниках. О нем здесь написано много: «Он спас моему сыну жизнь», «Он помогает людям, даже если у них нет страховки». Похоже, это честный человек, настоящий профессионал, любящий свою работу. Но иногда люди скрывают темную сторону за благостным фасадом. Если Николь не сделала опекуном дочери своего брата, на это должна быть веская причина.

За четырнадцать долларов пятнадцать центов я получаю доступ к базе данных адресов. Бинго! Бенджамин Лейтон. Вест-Эвергрин-авеню, Уикер-парк. Еще и суток не прошло с гибели Николь, с того момента, как она прыгнула на рельсы, а у меня есть ее адрес и адрес ее брата, и я знаю, что муж Николь здесь, в Чикаго, или в Нью-Йорке. Сначала я съезжу на работу, а потом отправляюсь к ее брату. Я спрошу его, знает ли он, почему она приклеила записку к моей сумочке, почему выбрала меня, где его племянница и видел ли он ее.

Я закрываю ноутбук. Шея затекла. Кажется, я расчесала ее, сама того не заметив. Из-за стресса у меня обострилась экзема. Я беру с желтого прикроватного

столика стероидную мазь и вдруг замечаю на стопке книг по самопомощи свою свадебную фотографию.

Чтобы не закричать, я зажимаю рот рукой. Это фото, на котором мы смеемся, крепко обнявшись на ступенях особняка Кита³, где только что поженились, лежало в ящике тумбочки с того дня, как я сюда переехала. Я просто не могла видеть его, не могла видеть лицо человека, который так жестоко меня предал. Но выбросить снимок я не находила в себе сил. Как же фотография оказалась здесь? Кто-то достал ее из тумбочки.

И этот кто-то, возможно, до сих пор находится в моей квартире.

³ Историческое здание в Чикаго, арендуется для проведения различных торжеств.

Глава десятая

Николь

Четыре недели назад

Николь проснулась, услышав, как хлопнула дверь. Где она? Ей понадобилось какое-то время, чтобы понять, что она уснула на диване с Куинн. После ухода Тессы Николь хотела чуточку вздремнуть, всего минутку. О чем она только думала? А что, если бы Куинн свалилась с дивана? Или задохнулась бы в подушках?

— Николь, ты здесь? — услышала она голос Грега.

Она взглянула на серебряные часы, висевшие над телевизором. Странно, муж обычно приходит гораздо позже.

— Ты что тут делаешь? — спросила она, увидев его в дверях.

— Я тебе звонил! Я столько раз звонил, а ты не отвечала! — сказал он сердито.

Николь осторожно села, стараясь не разбудить дочь.

— Мы с Куинн уснули. Если бы ты был рядом, ты бы знал, что мамы и дети это иногда делают.

Ей самой очень не нравился тон собственного голоса, но этот упрек привел ее в ярость. Ее работа — заботиться о Куинн, даже если это означает, что Грег не всегда может с ней пообщаться.

Муж вздохнул. Он выглядел подавленным.

— Нам надо поговорить, — сказал Грег и сел рядом с ней. — Ничего не получается, Николь. У нас ничего не получается.

Она не успела ответить, потому что Куинн проснулась, ее личико недовольно сморщилось, и девочка громко заплакала. В комнате неприятно запахло.

— О нет! Только не сейчас! — простонал он, как будто малышка могла контролировать процессы, происходившие в ее организме.

Николь встала с дивана, положила Куинн на коврик и взяла один из многоразовых тканевых подгузников со столика. Она помахала им перед лицом Грега:

— Не хочешь заняться этим? Видишь ли, если я не всегда подхожу к телефону, это значит, что я забочусь о нашем ребенке.

Куинн так извивалась, что нечаянно ударила Николь ножкой по лицу.

— Прекрати! — крикнула та и тут же устыдилась того, что потеряла терпение.

Она стала гладить личико Куинн, повторяя:

— Прости, прости, мамочка просто расстроена, все не так, как должно быть.

Грег опустил на пол и предложил:

— Пожалуйста, давай я это сделаю.

Запах его туалетной воды «Прямо с небес» напомнил ей о том, как она полюбила его много лет назад. Как ей нравилось, что он с ней флиртует, какими глазами он смотрел на нее тогда! Каково было его удивление, когда он узнал, что она — та самая Николь Лейтон, глава «Дыхания». А теперь она не могла спокойно смотреть, как он пытается справиться с подгузником.

— Если протекает, значит, слишком свободно, — сказала она и сама затянула завязки. — Но спасибо тебе за помощь.

Она обернулась к нему с улыбкой, надеясь, что теперь напряжение между ними спадет, но, глянув на его пиджак, заметила на лацкане рыжий волос.

Он отпрянула. Длинный рыжий волос! Женский! Подойдя к Грегу, Николь сняла волос и прошептала, почти прошипела:

— Это чей?..

Она очень боялась услышать ответ.

Грег раздраженно взглянул на нее:

— Моей ассистентки. Ее волосы повсюду.

От его взгляда она едва не превратилась в камень.

— Послушай, я больше не могу так жить. Я очень старался, изо всех сил. Но больше у меня сил нет. Ты — параноик. Ты больна, Николь. Ты стала совсем другой, я не узнаю тебя.

Больна? Параноик? Может быть, это правда? Или человек из прошлого подталкивает ее к безумию? И не обманывает ли ее муж?

— А твоя ассистентка приходила в больницу, когда я родила Куинн? — спросила она.

«Пожалуйста, скажи: “Да”!» — мысленно взмолилась она. С паранойей ей было проще справиться, чем с мыслью, что Донна вернулась ей отомстить.

— Нет, с чего бы ей приходить? — ответил Грег, нахмурившись.

Николь начала задыхаться. Пытаясь справиться с нахлынувшей паникой, она спросила:

— А как ее зовут?

— Мелисса, — ответил он со вздохом.

— Ты спишь с Мелиссой? — выпалила Николь.

Все, в общем-то, указывало на это. Все те вечера, которые он проводил в офисе после рождения Куинн. Хотя он ходил с женой на все УЗИ и собрал кроватку, перед рождением Куинн он стал больше работать. Срочная работа, говорил он, придется задерживаться допоздна. Тогда Николь подумала, что он хочет зарабатывать больше из-за того, что она вот-вот уйдет в декрет. Но он ведь мог врать ей. И не все ли ей равно, есть ли у него роман? Она не сумела ответить себе.

Грег вытаращил глаза:

— Ты задаешь просто нелепые вопросы!

С тобой она не будет в безопасности.

— Просто нам нужен любящий муж и отец. Ты нужен нам!

У Николь вдруг закончились силы, голос сорвался.

Тогда он сказал жалобным тоном:

— Дело в том, Ник... Я больше не могу. Я больше не хочу быть твоим мужем, и отцом этого ребенка тоже, если это означает быть отцом, — он взглянул

на Куинн, смотревшую на него с коврика. — Все это ненормально. Мы не такие... Я очень несчастен!

Слова Грега словно громом поразили Николь, слезы хлынули потоком, обжигая уставшие глаза.

— Но ты ведь мой муж. И ты отец...

Она посмотрела на невинного ребенка, на дочку, которая, конечно, не понимала, что говорят ее родители.

Грег мял свои брюки, и шелестящий звук ткани вызвал у Николь желание сломать ему руки.

— С меня хватит. Я должен уйти, — он поправил синий галстук, который когда-то она выбрала для него. — Нам надо некоторое время пожить отдельно.

Николь встала и услышала звук пощечины прежде, чем осознала, что это она бьет Грега. Глаза у него стали такими огромными, и они были полны слез. Ее ладонь оставила на его лице красный отпечаток гнева. Она осела на пол возле Куинн.

Грег потер щеку, потом покачал головой и пошел наверх.

Николь сидела на полу, не в силах поверить, что все это происходит на самом деле. Ее муж бросает их. Мужчина, который всегда был рядом с ней на фотографиях в статьях, который пропускал рождественские корпоративы в своей конторе и приходил к ней на вечеринки в «Дыхание». Она не поняла, сколько просидела, уставившись в стену, до того как он спустился, держа в руке угольно-черный саквояж от «Прада», подарок от Николь на их пятую годовщину.

Он бросил сумку возле нее.

— Я буду помогать Куинн деньгами. Но, — он приставил палец к ямочке на подбородке, которую Николь так любила целовать, — я не могу так больше жить. Тебе нужна помощь, Ник, но ты ее не примешь. Что мне еще делать? По крайней мере, я знаю, что ты будешь о ней заботиться. Ты на этом помешана.

Он наклонился и поцеловал ручку своей дочери. Потом потащил саквояж к двери, вышел, и дверь за ним захлопнулась.

Куинн засунула свой крошечный пальчик в рот, и при виде этого Николь разрыдалась еще сильнее.

Грег ушел. Николь свернулась калачиком на полу рядом с дочкой. Потом протянула руку за телефоном, лежавшим на столике, чтобы позвонить Тессе.

Все было просто ужасно. Неужели может быть еще хуже?

Глава одиннадцатая

Морган

Вторник, 8 августа

Я смотрю на свадебное фото, которое не ставила на столик, и сердце колотится, как сумасшедшее. Вдруг кто-то прямо сейчас находится в моей квартире? Может, они прятались здесь всю ночь и выжидали? Вскочив с постели, я осматриваю комнату. Нужно что-то для защиты на случай внезапного нападения. Единственное, что мне удастся найти, — оловянный подсвечник, лежащий в комод. Подняв его над головой, готовая ударить чужака по лицу, я сажусь на колени и заглядываю под кровать. Там никого нет.

Я на цыпочках выхожу из комнаты и крадусь вдоль стенки, ожидая, что сейчас на меня кто-то набросится. Стены у нас в доме толстые, и раз я не слышу своих соседей, то и они не услышат, если я закричу. Я совершенно беззащитна. А если я наберу 911, меня сочтут сумасшедшей: «В моей квартире стоит фотография, и это значит, что кто-то здесь есть или был».

С опаской вхожу в гостиную. Она пуста. Вроде бы ничего оттуда не взяли: телевизор висит на стене,

в маленькой деревянной шкатулке на полке лежат те немногие драгоценности, которые я сберегла. Остальные я продала, чтобы заплатить жертвам аферы Райана.

Открываю дверь туалета, она скрипит. Никого. Но в ящике шкафчика, который стоит в моей ванной комнате, явно кто-то рылся, потому что вся косметика валяется в беспорядке. Неужели кто-то вломился сюда, пока я была в полицейском участке? Или пока я спала? Мне становится очень, до тошноты, страшно. Я помню, как запирала дверь, но вчера была так измотана, что плохо соображала.

Зачем же кому-то понадобилось вламываться ко мне? У меня ведь нет ничего ценного, так что это могли сделать только из-за Николь или из-за Куинн.

Я вздрагиваю так сильно, что становится больно, и оглядываюсь вокруг. Дверь запасного выхода на пожарную лестницу приоткрыта. Думаю, что она была заперта перед тем, как я пошла на работу. Неужели только вчера после плодотворного рабочего дня в «Гавани» я с удовольствием собиралась домой, предвкушая вечер на диване, перед экраном телевизора, под мягким малиновым пледом?

С тех пор как я сюда переехала, гостей у меня не было ни разу. Заднюю дверь я открывала, только когда готовила, чтобы проветрить. С нижнего этажа ведет пожарная лестница, там нет камер и вообще нет никакой защиты. Лишь теперь я поняла, как просто до меня добраться.

Я бегу к задней двери и запираю ее, потом проверяю замок на входной, она закрыта. Во второй

спальне, которую я использую как кабинет и кладовку, тоже никого нет. Обычно у меня в квартире пахнет лимонным полиролем для мебели, но сейчас я вдруг чувствую слабый запах пота.

Мои бумаги аккуратно сложены на столе под китайской белой лампой. Подойдя к столу, я случайно ударяюсь о него ногой, потому что нижний ящик выдвинут. Он пуст. Там лежало только мое заявление на усыновление, так и не заполненное до конца. А теперь его там нет.

— Зачем? — кричу я во весь голос, и мои зеленые стены больше не успокаивают, а надвигаются на меня, как враги.

Николь сказала мне на платформе: «Я наблюдала за тобой».

Мне нужно выбраться отсюда сию минуту. Я бегу в свою спальню, хватаю телефон и ноутбук и бегу к входной двери. Сунув ноги в сандалии, беру сумочку и мчусь по лестнице вниз. Сейчас мысль о том, чтобы оказаться в замкнутой коробке лифта, меня ужасает. Я так быстро бегу, что случайно пропускаю ступеньку и чуть не падаю. Надо быть осторожнее.

Я никогда не езжу на работу на машине, но после того что случилось на станции «Гранд-Стейт», не могу представить, как я спущусь туда снова. Пока я иду в подземный гараж к серебристой «Хонде Сивик», волосы у меня на руках становятся дыбом. Я вспоминаю, чему учил меня отец, и зажимаю остроконечный ключ между указательным и средним пальцами. Подходя к машине, я слышу, как хлопает дверь, но никого, кроме меня, в гараже нет.

Запрыгиваю в издавший виды «Сивик» только с третьей попытки, потому что руки дрожат и я никак не могу открыть машину. Наконец вставляю ключ в зажигание и трогаюсь с места так быстро, что чуть не врезаюсь в припаркованную сзади «Тойоту».

Ладони вспотели и пальцы скользят по рулю, когда я выезжаю на пандус, ведущий из гаража. Вырулив на улицу, я направляюсь в «Гавань» и включаю блютуз, чтобы позвонить Джессике.

— Кто-то вломился в мою квартиру! — говорю я и рассказываю про фотографию и пропавшее заявление. Голос срывается на истерический визг.

— Ничего ценного не взяли?

— Думаю, нет... — запинаясь я.

— Морган, сделай глубокий вдох. Ты пережила шок вчера. Ты сейчас не в состоянии ясно мыслить, вот и все. А когда ты подавала заявление на усыновление?

— Некоторое время назад, но я так и не заполнила его до конца и не подала. Просто не смогла. За меня больше некому поручиться. Поэтому я сунула его в ящик стола и больше на него не смотрела.

Я начинаю всхлипывать.

— Так, попробуй успокоиться, — говорит Джессика. — К тебе приходит уборщица? Всему этому должно найтись разумное объяснение.

Тут я понимаю, что ей эта ситуация вовсе не кажется серьезной.

— Ты думаешь, я могу позволить себе уборщицу? Джессика, да послушай же, кто-то вломился ко мне, и это не просто воры! Кто-то за мной следит.

Я въезжаю на забитую трассу 41, мне кажется, что все водители смотрят на меня.

— Во-первых, если кто-то действительно вломился, это может быть из-за Райана. Во-вторых, это могли быть просто воры, которые услышали шум и убежали до того, как успели забрать что-то ценное.

«Ну да, — думаю я, — только они зачем-то взяли заявление».

Когда я перестаю всхлипывать, она говорит:

— Слушай, я выяснила, что Николь лежала в больнице перед учебой в колледже, лечилась от сильных панических атак. Так что проблемы с психикой у нее были уже давно.

Следует ли мне сообщить ей о разговоре с адвокатом и о завещании Николь? Я знаю, что она скажет, поэтому решаю немного подождать. Работа Джессики — помогать мне, но если человек тебе не верит, ты тоже не можешь ему доверять.

— Морган?

— Я уже рядом с приютом, я опаздываю. Мне пора.

— Звони, если что-то еще произойдет. Мне кажется, что ты просто утомлена и тебе мерещится то, чего нет.

— Вроде того, что Николь знает мое имя? — спрашивая я, не скрывая сарказма.

— Слушай, я пока не могу это никак объяснить. Я продолжаю копать. Ответ должен найтись.

Она вешает трубку. Хотела бы я поверить, что утомление и стресс повлияли на мою способность мыслить разумно. Но что-то тут все-таки не сходится.

Когда я поворачиваю на улицу Вест-Иллинойс, звонит телефон. Это Кейт, моя начальница. Я очень быстро проезжаю мимо кирпичного склада и здания со стеклянными стенами.

— Прости, что я опоздала, — говорю я в трубку, — я уже рядом. Ко мне в квартиру кто-то проник, и... вчера вечером кое-что неприятное случилось, когда я ехала с работы.

Какой-то инстинкт заставляет меня посмотреть в зеркало заднего вида. За мной едет темно-синий автомобиль, и я помню, что он появился, когда я выехала из дома. Но я прослушала, что сказала Кейт.

— Повтори, пожалуйста, — прошу я.

Я слышу вздох, потом она говорит:

— Я не думаю, что тебе стоит приезжать, Морган. Извини. Ты уже столько раз опаздывала. И даже срывала сроки. Я все понимаю, у тебя горе. Но сегодня утром о тебе расспрашивала полиция, они спрашивали, знаю ли я о твоих отношениях с Николь Мэркем. Это уже слишком. Я вынуждена освободить тебя от должности.

Я тут же начинаю плакать. Какой же слабой я стала и как ненавижу себя за это! Я теряю единственное место, куда нужно ходить каждый день, и людей, которые со мной разговаривают. Мне такого не перенести.

Кейт молчит. Поменяв полосу, я вытираю слезы и расправляю плечи. Я не знаю, что буду делать без работы, но не могу умолять не увольнять меня.

— Прости. Я ничего плохого не сделала. Возможно, Николь Мэркем знала обо мне благодаря

«Гавани». Мы когда-нибудь обращались к ней или в «Дыхание» за помощью?

Теперь голос Кейт суров.

— Черт, Морган, я тебе только что сказала, что ты уволена. Ты вообще слушала меня? Я рассчитывала на тебя. Ты очень хотела помогать, а я хотела помочь тебе. Раньше ты очень хорошо справлялась, но теперь уже нет, ты уже не предана делу.

— Это неправда! — кричу я, случайно ударяю по сигналу, и автомобиль виляет на дороге.

Надо успокоиться. Я почти не обращаю внимания на то, как и куда еду.

Но начальница права. Я уже не та, кем была до смерти Райана. До того, как он оставил меня разбираться с его ошибками. Я нервная, неуверенная в себе, боюсь подпускать людей близко. Не лучшая защитница для женщин, которые хотят начать новую жизнь.

— Я не хотела этого, Кейт. Я очень ценю все, что ты для меня сделала... — мой голос срывается.

Я уже не смогу помогать в приюте женщинам, которые набрались смелости и сбежали от своих мужей-абыюзеров. У меня отнимают еще одну часть жизни.

Она вешает трубку, я тоже.

Сворачиваю на обочину и останавливаю машину в тени под вязом. Итак, я уволена и могу прямо сейчас поехать к дому Бена Лейтона. По крайней мере, попробую разобраться в этой путанице. Я снова достаю фиолетовый листочек и вглядываюсь

в петляющие буквы, надеясь найти разгадку. Но чуда не происходит.

Я думаю о Бене Лейтоне. Он только что потерял сестру. Он уже, наверное, слышал, что я была с Николь на платформе, и думает, что я связана с ее смертью. Может, он и не захочет со мной разговаривать, а может, откроет мне глаза на то, почему Николь выбрала меня. Я могу спросить его, упоминала ли она обо мне когда-нибудь. Вероятно, Бен знает, кто такая Аманда и кто мог желать смерти его сестре. Или что у нее были попытки суицида. На данный момент он — мой единственный ключ к разгадке.

Я ввожу адрес Лейтона в *GPS*-навигатор. Доехав до конца квартала, вижу, что темно-синяя машина, которую я заметила раньше, снова следует за мной. Теперь я в этом уверена.

В зеркало заднего вида мне видно три пересекающихся овала — эмблему «Тойоты». Это «Приус». Солнце светит на лобовое стекло, и водителя мне не видно. Детектив ездит на «Приусе»? Сомневаюсь. Я включаю поворотник, чтобы направиться по шоссе 41 на север, и машина сворачивает туда же. «Сконцентрируйся!» — приказываю я себе и вцепляюсь в руль. Теперь я зажата между «Инфинити» впереди и «Киа» справа. Обида исчезает, теперь я едва могу дышать от страха.

Я проезжаю еще несколько сантиметров вперед, «Приус» двигается за мной. Я пытаюсь разглядеть номерной знак, но он заляпан грязью.

Я могла бы дать по тормозам и вызвать аварию, тогда преследователь вынужден будет выйти

из машины. Но здесь очень оживленное движение, слишком опасно.

Я хотела от жизни немного — только верного мужа и ребенка. Почему, почему же все пошло не так?

Машина все приближается, по спине у меня бегут мурашки. Вот она уже чуть ли не въезжает в мой бампер. Я вижу водителя, это женщина с длинными рыжими волосами, большие темные очки скрывают лицо. И тут ее машина влетает в мою с такой силой, что я падаю вперед на руль.

Черт, кто эта женщина? И почему она пытается столкнуть меня с дороги?

Глава двенадцатая

Николь

Три недели назад

С тех пор как ушел Грег, миновала неделя, и он так ни разу и не позвонил. Николь ничего не знала о нем, не представляла, где он. Ей не хватало присутствия мужа, но так ли уж не хватало его самого? Тогда Грег не ответил на ее вопрос насчет ассистентки. Возможно, он был с ней. С Мелиссой. Почему же она так долго не догадывалась? Интуиция, которая никогда не подводила ее и вывела «Дыхание» в топ компаний, производящих одежду для спорта и отдыха, совершенно исчезла с рождением ребенка. От прежней Николь как будто осталась лишь оболочка.

Она не выходила из дома уже неделю, только на задний двор — с Куинн на руках, чтобы дочка могла получить свою порцию витамина *D*. Ее раздражали жужжание газонокосилок, шелест листьев на ветру. Она постоянно была начеку, прислушивалась, ждала, когда появится Донна. Закончится ли это когда-нибудь?

Николь сразу же рассказала Тессе, что Грег ее бросил. И теперь та каждый вечер заходила после работы, приносила овощи и фрукты на ужин.

Последний разговор с подругой не давал покоя Николь. Они тогда сидели в гостиной, Тесса держала на руках Куинн, а Николь складывала выстиранное белье. Она никак не могла вывернуть крошечные ползунки Куинн и в конце концов швырнула их на пол.

— Я много читала о послеродовых реакциях организма, — сказала Тесса, посмотрев на Куинн, а потом на Николь. — Испуг или тревога — это совершенно нормально. Чувство, что ты не можешь заботиться о себе или о ребенке, возникает часто.

Николь сжалась.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты больше не следишь за своим внешним видом, не выносишь Куинн из дома. Самые простые задачи тебя выбивают из колеи. Давай я с тобой поживу немного? Чтобы ты могла поспать или куда-то пойти.

Николь обдумала предложение. Ей было страшно одной в доме, но замечание, что она не справляется, мешало согласиться. Ее ребенок накормлен, здоров, с гигиеной все в порядке. Николь сначала обиделась на Тессу за намек на то, что она не слишком хорошая мать, но тут же почувствовала укол совести. Ведь подруга просто хотела помочь.

— Я справлюсь, — ответила она, и Тесса уступила.

Николь посмотрела на часы, они показывали одиннадцать утра. Тесса должна уже быть в офисе. Она позвонила ей, и Тесса сразу же подошла к телефону.

— Привет, как дела?

Фоном доносился гул обычной суеты. Николь не могла представить себя в «Дыхании». Невероятно — недавно она возглавляла огромную компанию, а теперь боится выйти из дома.

— Я... — Николь с трудом нашла нужные слова. — Ты не могла бы прийти и помочь мне передвинуть стол? Он стоит небезопасно для Куинн.

— Конечно. У меня короткая встреча с Люсиндой по поводу запуска линии «Ароматерапия против усталости» на этой неделе.

Николь не знала об этом.

— Похоже, ты очень занята. Ну ладно.

— Нет, нет, ничего страшного. Потом с ней поговорю. Есть новости от Грега?

— Ни слова.

— Я очень надеюсь, что он все-таки не спит со своей ассистенткой, это какое-то ходячее клише.

— Ха! — усмехнулась Николь, хотя ей, конечно, было не смешно. — Проблем с использованием нашего совместного счета у него между тем нет. Недавно он снял приличную сумму. А портфель акций, которым он управляет, доступен только ему.

Помолчав, Тесса спросила:

— Ты знаешь, где он? Хочешь, я поговорю с ним? Так странно, что он пропал.

Николь было все равно, где и с кем Грег, но ей пришла в голову одна идея.

— Спасибо, Тесса, однако мне кажется, что толку от твоего разговора с ним не будет. Но, может быть, мы с Куинн проживем немного у тебя?

Переехать в уютную и пеструю квартиру Тессы — это могло бы помочь. Там спокойно. И, что еще более важно, Донне их там не найти.

— О, милая, прости, но не получится. Я бы все для тебя сделала, но моя квартира совсем не подходит для маленького ребенка. Я даже не уверена, что управление нашего жилого комплекса это позволит. Но я заеду к тебе попозже. И, как я уже говорила, всегда могу пожить у тебя.

Щеки Николь покраснели от смущения. Лучше бы она не спрашивала!

— Дурацкая идея, прости. Приходи на ужин. Может быть, я даже что-нибудь приготовлю.

Нет, конечно, она не в состоянии что-то делать, но можно хотя бы притвориться.

После беседы с Тессой Николь почувствовала неожиданный прилив энергии. С Куинн в слинге она пошла в коридор, чтобы надеть кроссовки. Почему бы им не пойти посмотреть на детей, играющих в парке?

Возле входной двери Николь остановилась. На скамеечке она увидела старый семейный фотоальбом с обложкой в цветочек, который давным-давно не листала. Он всегда стоял на книжной полке. Николь снова позвонила Тессе и спросила:

— Ты не брала с полки мой семейный фотоальбом?

— Нет. Зачем это мне?

— Ничего, прости. Забудь.

— Ты уверена, что это не рассеянность на почве материнства?

Николь делано засмеялась:

— Да, должно быть, дело в этом.

Она повесила трубку и взяла альбом, потом пошла в гостиную и положила Куинн на игровой коврик со зверюшками. И засмеялась, глядя, как ее дочка гулит и стучит ручкой по игрушечному льву, висящему над ней.

— Будь тут моя мама, она бы часами с тобой играла. Она была такая терпеливая.

Николь раскрыла альбом на детской фотографии с Хэллоуина. Ей пять, одетая в платье принцессы, она хмурится, скрестив на груди худенькие ручки. Ему — восемь, он вампир с улыбкой, в которой не хватает зубов. Она быстро перевернула страничку.

— Это твоя бабушка, — сказала она Куинн, указывая на фотографию, где мама нагибалась над коляской, в которой сидела трехлетняя Николь в розовом зимнем костюме. Мама молодая и красивая, кудри цвета какао убраны в хвостик, рука лежит на ножке Николь.

Она вытерла навернувшиеся слезы, перевернула страницу, и ее сердце остановилось.

Крошечный полароидный снимок. Рука Николь так тряслась, когда она взяла его за уголок, словно это была змея, готовая ее ужалить.

Маленькая Аманда, сидящая на зеленом ворсистом ковре, памятном Николь. На ней бледно-желтое гофрированное платье с тюлевой нижней юбкой, подвязанное лентой красивым бантиком. Сияя от радости, она смотрит на игрушку-сортер.

Какой здоровой и полной жизни выглядит Аманда на этом фото. Какой холодной и неподвижной она была, когда Николь последний раз держала ее на руках.

Николь не помнила, чтобы у нее имелся такой снимок, да она и не стала бы его хранить, побоялась бы, что Грег увидит и спросит, кто это.

Вынув фотографию из альбома, она поставила его на полку, на то место, где видела в последний раз. Голова кружилась. Николь подумала, что нужно увеличить дозу лекарства. Она не знала, сколько таблеток приняла сегодня, но они не помогали. Она заткнула снимок за пояс штанов, и его острые уголки впились ей в кожу. Потом взяла Квинн на руки и устроила в слинге, прижала дочку к себе, чтобы чувствовать ее дыхание.

В ванной она приняла еще две таблетки. Малышка посасывала ей плечо. Она уже проголодалась, скоро ей понадобится бутылочка. Николь открыла ящик, чтобы положить туда фотографию, которую Донна принесла в ее дом. Как и когда, совершенно непонятно, но больше никаких объяснений произошедшему не находилось.

Опасность стала ближе, и это очень пугало.

Глава тринадцатая

Морган

Вторник, 8 августа

«Приус» все еще прямо за мной. Мне надо вырваться вперед, поэтому я дергаю руль, слышится скрежет, из-под колес вылетают камушки и, стуча, отскакивают от окна. Я сжимаю руль так крепко, что костяшки моих пальцев белеют. Я сворачиваю на съезд.

Женщина следует за мной.

— Что вам надо? — кричу я, и по венам прокачивается шаровая молния паники. — Отстаньте, отстаньте, пожалуйста!

Я слышу рев мотора, «Приус» следует за мной. А потом неожиданно скрывается из виду.

Я еду в тихий квартал, где могу остановить машину. Ремень безопасности врезался мне в кожу, я снимаю его и закрываю все окна на случай, если рыжая на «Приусе» появится снова. Я только что чуть не погибла.

Найдя в сумочке телефон, я звоню Джессике. Я не все ей рассказала, потому что мое доверие к ней

пошатнулось. Но она должна знать, что меня преследуют. Я звоню, но она не берет трубку.

— Проклятье! — кричу я, нажимаю «отбой» и швыряю телефон в сумку. Позвоню ей еще раз позже, а пока попытаюсь найти ответы сама.

Откинув волосы с лица, я завожу машину и отправляюсь на Норд-Уикер-Парк-авеню, к дому Бена Лейтона. Подъезжаю к двухэтажному красивому особняку в викторианском стиле, ставлю машину напротив него, через улицу. Вытираю ладони о леггинсы. Внутри все дрожит. Я понимаю, что действую поспешно, но остановиться не могу. Интуиция подсказывает мне, что это правильно.

Тонкие бежевые занавески на окнах опущены, но я вижу машину возле дома, поэтому, возможно, Бен там. С досадой осматриваю свою одежду. Выгляжу паршиво, а чувствую себя и того хуже. Я ведь даже утром не почистила зубы! Достая из сумки жвачку и кладу в рот. Лицо у меня тусклое, под зелеными глазами — мешки, а кожа на шее так горит, что я опасаясь, не инфекция ли это.

«Ты справишься!» — убеждаю я себя, глубоко вздохнув. И уже готова выйти из машины, когда дверь особняка открывается и появляется высокий худой мужчина в белой футболке и серых шортах. Он выглядит беззаботным красавцем из тех, что не осознают своей привлекательности. Это Бен Лейтон, я узнаю его по фотографии. Поправив темные волнистые волосы, он направляется к черному «Ниссану Альтима». На руках у него ребенок. Это Куинн.

Я наблюдаю за ним из машины. Даже отсюда мне видно, что лицо у него красное и опухшее от слез. Он только что потерял сестру. Какое я имею право вмешиваться в его жизнь?

Он садится в «Альтиму» и отъезжает от дома, и я, повинаясь импульсу, решаю ехать за ним.

— Куда же мы едем, Бен Лейтон? — спрашиваю я вслух и завожу машину.

Я еду за братом Николь по Чикаго, игнорируя советы Джессики. Кажется, я не в своем уме.

Через пятнадцать минут преследования он останавливается на улице Норд-Стейт. Я притормаживаю, когда его машина подъезжает к ряду роскошных трехэтажных домов на Ист-Белвью. Я паркую машину через два строения от него. Адрес кажется мне знакомым. Я понимаю, что видела его в прошении на опеку: здесь жила Николь.

Он останавливается возле одного из этих великолепных зданий и выходит из машины. Я на безопасном расстоянии, но мне отлично его видно. Он вынимает Куинн из детского креслица. Интересно, припас на всякий случай или только что купил? Куинн спокойна, кажется, спит. Сколько суеты для такого маленького ребенка! Бен идет не к дому Николь, а к соседнему, подходит к двери, стучит. Через некоторое время дверь открывает пожилая женщина. Около минуты они разговаривают, потом она что-то дает ему, и он направляется к дому Николь, дому с нарядным фасадом из известняка и элегантными эркерами. Бен поднимается по широким ступеням между колоннами, украшенными затейливой

резьбой. Кажется, Куинн хорошо и уютно в его больших руках.

Дальше я ждать не в силах. Поправив прическу, выхожу из машины. Должно быть, он слышит стук моих каблуков, потому что оборачивается и удивленно смотрит на меня. Видно, что он очень утомлен, а глаза у него такие же голубые и пронзительные, как у сестры.

Он идет ко мне, а я чуть-чуть отступаю.

Мало кто выразил мне соболезнования после смерти Райана. Никто не знает, что говорить, когда происходит самоубийство.

— Доктор Лейтон? — тихо спрашиваю я.

— Да. Вы кто? — настороженно произносит Бен, закрывая руками Куинн и поправляя лямку красного рюкзака-переноски.

— Я очень сочувствую вам.

На его лице проступает скорбь. Куинн открывает глаза и начинает кричать, а я изо всех сил сдерживаюсь, чтобы не протянуть к ней руки и не начать успокаивать.

— Что вам надо? Боже, журналисты могли бы наконец оставить меня в покое!

Он выглядит потерянным и невыносимо печальным, и я чувствую вину за то, что явилась сюда.

— Я не журналистка, клянусь вам.

— Тогда кто?

— Я была там... с Николь. Я была там как раз перед тем, как она... прыгнула.

— Ясно. Вы же ведь не могли знать, что она собирается сделать, — вдруг его глаза темнеют. — Погодите,

это вы? Та женщина на платформе? Которая взяла Куинн? Вы говорили с Николь?

Я отвечаю не сразу, боясь его отпугнуть:

— Николь просто сунула ее мне в руки. Я не знала, что происходит, не знала, что она хочет сделать. Если бы я знала, я бы... — мои глаза наполняются слезами. — Ваша сестра умоляла меня спасти Куинн. Я не знала, кто она такая. Мне надо было вам это рассказать!

Лейтон подходит ближе, и вот мы оказываемся лицом к лицу. Он рассматривает меня так пристально, что я отступаю. Его взгляд затуманивают горе и сомнение.

— Морган Кинкейд, так?

Я киваю.

— Детектив Мартинес спрашивала, знаю ли я женщину по имени Морган Кинкейд. И вот теперь вы здесь. Знаете, вы немного похожи на мою сестру.

— Я не знала вашу сестру до вчерашнего дня. Думаете, она выбрала меня из-за сходства?

— Выбрала? Детектив попросила меня позвонить, если вы со мной свяжетесь. Сказала, что она не может понять, откуда вы знаете мою сестру. Что ваш муж тоже покончил с собой, украв миллионы долларов. Что вы подозреваемая в деле моей сестры.

Куинн вскрикивает, и от этого он вздрагивает, отбрасывает со лба волосы, а я, повинуясь инстинкту, протягиваю руки к ребенку. Бен тут же отстраняется:

— Э, что это вы делаете? Что вам надо от меня? Я позвоню детективу Мартинес.

Он гораздо выше меня, наверное, у него рост не меньше ста девяноста сантиметров, поскольку мой — сто семьдесят три, а я выгляжу гораздо ниже. Но я не отступаю, считая важным для него то, что я хочу сказать. Лейтон не зашел в дом и пока не позвонил Мартинес, значит, чего-то ждет от меня.

Терять мне нечего, так что я говорю:

— Аманда.

Он моментально бледнеет, а мое сердце начинает бешено скакать в груди.

Я достаю из сумочки записку, разворачиваю ее и протягиваю ему.

В этот момент раздается скрежет, и мы видим машину, которая, ускоряясь, едет прямо на нас. Это «Приус».

Глава четырнадцатая

Николь

Две недели назад

Между купаниями и кормлениями дочки Николь целыми днями смотрела на фотографию Аманды. И ей постоянно казалось, что это Куинн. Она не стала обследовать каждый угол в доме, чтобы узнать, как туда проникла Донна. Обреченность и апатия сковали ее. Теперь она наконец пошла в ванную и положила снимок в ящик, пообещав себе больше на него не смотреть.

Куинн что-то лепетала в своей кроватке. Николь достала таблетки из аптечки и теперь держала их на первом этаже, где проводила почти все время. Она пошла в спальню, взяла ребенка и посадила в слинг, уткнулась носом в ее шейку, вдохнула приятный запах младенческой кожи. Потом спустилась вниз и прислонилась лбом к стальному холодильнику, чтобы взбодрить свое усталое тело. Опустив голову, она заметила, что из-под холодильника торчит что-то фиолетовое. Очень медленно и осторожно присев, Николь вытащила клейкий

листочек. «Сегодня я допоздна в офисе». Неаккуратный почерк Грегга. Она не представляла себе, когда он это написал.

Находка подсказала ей идею. Она достала из ящика пачку таких же фиолетовых листочков, села на пол с Куинн в слинге, приклеила несколько бумажек к плиткам и написала на них: «Письмо», «Карточка с именем», «Рыжая», «Пропавшие таблетки», «Мобиль», «Дверь», «Разбитая люстра», «Фотография».

Сначала она выложила плитки в ряд, потом по кругу, пытаясь найти смысл в каждом из произошедших инцидентов. Все отгадки были перед ней, и, если составить их в определенном порядке, она, наверное, узнает, что именно Донна собирается сделать с ней и как ее остановить.

Но что, если виновата не только Донна? Может быть, Грегг прав и она все-таки сходит с ума? Он так настаивал на том, что ей нужна помощь, но она проигнорировала его слова. Странно, однако, что, с тех пор как две недели назад он ушел, от него не было вестей. Сколько же времени он чувствовал себя несчастным? Или просто не хотел быть отцом? Или она гораздо серьезнее больна, чем думала, и он хочет держаться от нее подальше? Возможно ли, что она действительно сама купила тот мобиль, сломала крепление в люстре и отперла дверь? А вдруг все минувшие годы она хранила фото Аманды и забыла об этом? А вдруг Николь на самом деле страдает очень тяжелой формой послеродовой депрессии, как предположила Тесса?

...Глупые бумажки. Все это бессмысленно.

Она убрала листочки в ящик и посмотрела на Куинн, спящую у материнской груди. Николь уже покормила ее и поменяла подгузник, теперь ребенку требовался свежий воздух, а ей самой — физическая нагрузка. Надо попробовать немного прогуляться. Больше им нельзя оставаться в доме, ни минуты!

Она не приняла душ, не переделась. Лишь положила Куинн в ее модную красную коляску и взяла красивую сумку для подгузников от «Тиффани», подаренную Тессой.

— Погуляем, милая, — сказала Николь дочке.

Потом закрыла дверь, включила сигнализацию, заперла замок. Хотя Николь слышала, как он щелкнул, она нажала на дверь пять раз, чтобы убедиться, что все в порядке. Она сфотографировала себя и Куинн и отправила фото Тессе со словами: «Я выхожу!»

Та ответила: «Я горжусь тобой! Позвони, когда вернешься».

Небо заволокли плотные тучи, но мелкий дождик еще никому не вредил. Куинн была довольна, все ее внимание занимала пестрая игрушка из разноцветных колец, свисающая с крыши коляски. Николь сказала себе, что она всего лишь обычная женщина, которая идет гулять со своим ребенком. Когда она спускала коляску с четырех широких ступеней, ее окликнула Мэри, соседка восьмидесяти с чем-то лет:

— Николь, дорогая! Есть минутка?

Николь совсем не хотелось общаться со старушкой, которая могла бы задержать ее на час, разглагольствуя о внуках и о своем больном бедре. Но Мэри не дала ей и рта раскрыть:

— Я тебе кое-что хочу сказать. Вчера вечером я видела, как кто-то смотрел в твое окно. Я подумала, может, это кто-то знакомый, но, кто бы это ни был, он недолго там стоял. Решила, что надо тебе сказать. Прямо чую, когда что-то странное происходит. Не хотела тебе звонить, вдруг вы с ангелочком спали.

Николь, похолодев, подошла к Мэри поближе.

— Мужчина или женщина? Во сколько это было? — начала расспрашивать она.

Мэри отошла на шаг.

— У меня уже не такие зоркие глаза, дорогая. Не могу сказать, кто именно, но было это около десяти. Я сериал смотрела, который мне сын записал на диск. Так это не знакомый, да? Боже, надо в полицию позвонить! Если здесь рыскает грабитель, мы должны быть начеку.

— Нет, не надо в полицию! — слишком громко сказала Николь.

— Что? — переспросила Мэри.

— Не звоните в полицию! — крикнула она.

Если вмешается полиция, все пойдет не так, начнут разносить, а она хочет, чтобы прошлое оставалось в прошлом. Вдруг полицейские решат, что она плохая мать? Что, если они заберут у нее Куинн? Эта мысль напугала ее. Она сделала глубокий вдох и выдох.

— Спасибо, что вы так внимательны, — сказала она ровным голосом. — Думаю, это была Тесса, моя подруга. Я ей позвоню.

Мэри смотрела на нее недоверчиво:

— С тобой точно все в порядке, милая? Что-то ты выглядишь очень испуганной.

Николь уверила старушку, что все в порядке, хотя, конечно, дела обстояли как раз наоборот, и покатила коляску по Норд-Раш к Ист-Оук, глядя на офисных служащих в прямых юбках и аккуратных костюмах, спешивших на встречи, или со встреч, или на ланч.

Небо стало еще темнее, илистого цвета, в воздухе пахло свежескошенной травой. Но Николь захотелось остаться на улице подольше, несмотря на приближающийся дождь.

Она долго шла, пока не заметила человека, которого меньше всего хотела видеть. Николь резко остановила коляску и мысленно взмолилась: «Пожалуйста, пройди мимо. Пожалуйста, пройди мимо».

— Николь, это ты? — пораженно спросила Люсинда Нестлс.

Николь покраснела.

— Здравствуй, Люсинда. Как дела?

И она поспешно прикрыла рот рукой, пытаясь вспомнить, чистила ли сегодня зубы.

— Ты выглядишь... Это твой ребенок?

Николь кивнула.

— О, она просто чудесна! Мои поздравления!

Люсинда наклонилась, чтобы поцеловать начальницу в щеку, при этом оглядывая ее с ног до головы — и заляпанную футболку, и разношенные штаны для йоги.

— Я вообще-то иду на заседание совета, — сказала она, холодно улыбнувшись. — Очень удивилась, когда ты сказала, что не можешь работать

дома. Я, конечно, не жду, что ты будешь все время в офисе во время декретного отпуска, но все-таки ты — генеральный директор. Есть опасения из-за прогнозов по доходам, и эта статья в «Шестой странице»... Я тебе звонила несколько раз. Ты же тридцать первого возвращаешься на работу, верно?

До того как Николь успела спросить, о какой статье идет речь, она вдруг почувствовала, что за ней кто-то наблюдает.

В переулке между магазинами «Барнис» и «Эрме» стояла рыжая, глядя прямо на нее сквозь темные очки.

Николь вскрикнула и вцепилась в ручку коляски.

— Мне пора!

Люсинда взяла ее за руку:

— С тобой все в порядке?

Николь вздрогнула.

— Ты ее видела? Она следила за нами.

— Кто следил? — спросила Люсинда, широко раскрыв глаза от изумления.

Николь кивнула в сторону переулочка, но там уже никого не было.

— Прости, но я никого не вижу.

Секунду назад рыжая женщина стояла там, Николь была уверена в этом. Она вымученно улыбнулась:

— Забудь. Я просто мало сплю и немного переутомлена. Ты же знаешь, каково, когда появляются дети.

Ее улыбка больше походила на гримасу.

Люсинда, прищурившись, поинтересовалась:

— Может быть, тебе нужна помощь? Ты уверена, что с тобой все в порядке?

Вместо ответа Николь бросила:

— Пока!

И развернув коляску в противоположную сторону, зашагала как можно быстрее. Ее мускулы, отвыкшие от нагрузки, ныли, шрам на животе горел. Она уже бежала по тротуару, толкая изумленных пешеходов, а потом через дорогу, и ей вслед раздавались гудки автомобилей.

Николь добежала до Ист-Белвью. Ее руки так сильно тряслись, что она уронила ключи на мостовую возле дома. И тут раздался ужасающий гром и хлынул дождь, мгновенно намочив ей волосы и почти ослепив ее. Ползая на коленях по камням, она искала ключи и наконец схватила их. В кожу впились мелкие камешки. Она метнулась к входу в дом и обо что-то споткнулась. У двери стояла белая коробка, на крышке которой розовым маркером было написано: «Николь».

Глава пятнадцатая

Морган

Вторник, 8 августа

Времени подумать у меня нет.

С воплем «Отойди!» я отталкиваю Бена с Куинн, а сама отпрыгиваю в сторону, в сантиметре от «Приуса», который явно собирался врезаться в нас.

Рюкзак Бена отлетает на газон, а я сильно ударюсь лодыжкой о поребрик и падаю на траву. Машина разворачивается и удаляется в облаке пыли. Боль очень сильная, я слышу собственный стон. Сердце вот-вот выскочит из груди. Я оглядываюсь: целы ли Бен и Куинн? Он стоит с открытым ртом, малышка кричит.

— Все в порядке? — кричу я.

Бен бежит ко мне, Куинн продолжает кричать. Он прижимает ее к плечу и опускается на колени рядом со мной. По его лицу видно, как он шокирован и обеспокоен.

— С нами — да. А с вами? Можете встать?

Мою ногу раздирает боль.

— Я ударилась лодыжкой, но все нормально.

На нас только что чуть не наехала машина. Только сейчас весь кошмар ситуации накрывает меня. Из глаз текут слезы. Значит, все это происходит на самом деле, мой страх реален. Кто-то и правда хочет погубить ребенка. Или меня. Или нас обоих.

Бен проводит рукой по небритому лицу и смотрит в том направлении, куда уехала машина, потом переводит взгляд на меня:

— Вы спасли нас.

Теперь он относится ко мне иначе. Я больше не представляю для него угрозы, я та, кто может помочь. Я пытаюсь встать, но приступ боли не дает этого сделать.

— Вы видели водителя? Это рыжая женщина? Рыжая на «Приусе» преследовала меня, пока я сюда ехала, но я думала, что она отстала.

— Честно говоря, я не видел. Все случилось так быстро.

Бен успокаивающе гладит Куинн по шейке, глядит то на меня, то на дорогу, по его лицу ничего нельзя прочитать. Вздохнув, он говорит:

— Это дом Николь. Мне надо забрать вещи Куинн. Я не знаю, сколько еще она пробудет со мной. Хотите зайти? Мы позвоним в полицию, и вы объясните мне, какого черта тут делаете и почему нас только что пытались убить.

Мне не остается ничего другого, кроме как согласиться. Надеюсь, он не был врагом Николь и тогда она убегала не от него.

Он неловким движением поднимает с земли рюкзак и пристраивает его на плечо. Посмотрев

на меня, протягивает руку. Я не сразу беру ее. Но сейчас Бен — меньшее из двух зол. Он поднимает меня с земли и позволяет опереться на него, так что я в состоянии, прихрамывая, подняться по ступенькам к дому Николь. Я гляжу на Куинн, она уже спокойна и тоже смотрит на меня. Прекрасный, невинный ангел. Как можно желать ей вреда?

Бен открывает дверь, я захожу и прислоняюсь к стене цвета слоновой кости. Чистота и простор поражают меня.

— Вау!

Он кивает:

— Да-да, но пахнет здесь какой-то гнилью.

Скорее всего, это спертый воздух. А еще запах испорченных продуктов. Мне страшно в доме Николь. Справа от фойе огромная гостиная, все окна в ней закрыты шелковыми черными простынями.

Почему она жила во тьме? Какой была ее жизнь здесь?

Он запирает дверь и бросает на пол рюкзак, перекладывает Куинн на сгиб другой руки и берет телефон.

Но я не хочу, чтоб Мартинес знала, что я здесь.

— Подождите. Пожалуйста, мы можем побеседовать перед тем, как вы позвоните в полицию? Думаю, нам обоим есть что рассказать друг другу о Николь, а при них разговора уже не получится.

Он смотрит на меня, потом прислоняется к стене рядом с серебряным кофейным столиком.

— Почему вы думаете, что машина ехала за вами или... за нами?

— Я не знаю. И мне правда очень жаль вашу сестру. Я социальный работник. Я видела, что она в большой тревоге, когда мы были на платформе, я хотела помочь, но, как и с этой машиной, все произошло слишком быстро. Мне очень, очень жаль. Как бы я хотела остановить ее... — замолкаю. Меня душат слезы. Я пытаюсь взять себя в руки.

Он смотрит, как я вытираю лицо.

— Вы введете меня в курс дела? Поможете понять, что произошло? — в его голосе звучит боль, которую трудно не заметить.

Я делаю глубокий вдох:

— Так вот, вчера я шла с работы, как обычно. Рядом со мной на платформе оказалась ваша сестра. Она схватила меня за руку и умоляла забрать ее ребенка. Первое, что она сказала: «Возьми моего ребенка». Я была потрясена и отдернула руку. Потом она встала прямо передо мной, на краю. Она озиралась, словно боясь кого-то увидеть. Потом она велела мне не позволять никому причинить вред Куинн и отдала ее мне в руки. Я посмотрела вниз, а когда подняла глаза, Николь... Тогда поезд подъехал к станции.

Он вздрагивает, невидяще уставившись на столик.

— Я виделся с Николь пару недель назад, но в доме все было не так плохо, как сейчас. Она ужасно выглядела, и это очень встревожило меня.

— Так вы о ней беспокоились?

Он кивает, но больше ничего не говорит, потом бросает взгляд на мою ушибленную ногу, которую

я держу на весу, чтобы не опираться на нее. Он поднимает Куинн повыше, чтобы она могла положить голову ему на плечо, и убирает телефон в карман.

— Давайте пройдем на кухню, вы сможете сесть, — предлагает он.

Не знаю, сколько у меня времени на разговор до того, как он все-таки позвонит Мартинес. Мне нужно вызвать у Бена доверие, чтобы узнать, кто такая Аманда, но я не вижу способов заставить его мне верить. Мы проходим в просторную кухню, сияющую ослепительной белизной, только плита и холодильник здесь стальные. Все поверхности загромождены предметами ухода за младенцами: бутылочками, губками, банками со смесью, даже скомканными подгузниками, запах которых я сразу чувствую.

Вдруг я понимаю, что трогать что-либо здесь мне не следует. Нельзя оставлять никаких следов своего присутствия.

Мое замешательство не ускользает от внимания Бена:

— Я расскажу Мартинес, что впустил вас, ладно? Расскажу ей обо всем, что только что произошло. Очевидно, что вы пришли не затем, чтобы сделать нам что-то плохое. Вы только что спасли нам жизнь.

Я опускаю голову. Хорошо, что он не считает меня виновной в гибели его сестры. Лейтон предлагает мне сесть на высокий белый стул с кожаным сиденьем, и я осторожно опускаюсь, следя, чтобы не задеть больной лодыжкой хромированную ножку гладкого мраморного стола.

Бен сажает Куинн в шезлонг возле еще одной черной простыни, которая, как я полагаю, закрывает дверь, ведущую на задний двор.

Дом Николь прекрасно обставлен, но так же запущен и неряшлив, как и та женщина, которую я вчера встретила на платформе. Я очень надеюсь найти здесь разгадку и подтверждение тому, что я не имею ничего общего с крушением ее жизни.

Маленькие кулачки Куинн молотят воздух. Мне больно слышать ее крик. Мне хочется взять ее на руки.

— Но на платформе Николь произнесла мое имя. Она сказала «Морган», словно знала меня. Но я клянусь вам, что никогда в жизни ее не видела. И понятия не имела, что она глава «Дыхания». Она явно боялась за жизнь Куинн.

Бен садится напротив и потирает шею.

— Так что, она вас знала, а вы ее нет? Как такое возможно? — спрашивает он.

— Я не знаю. У меня уже мозг вскипел в попытках найти связь, которой я не вижу. Или она сделала благотворительный взнос в приют, где я работаю... вернее, работала... Или она как-то связана с моим мужем... Мартинес рассказывала вам о нем. Я, должно быть, покажусь вам полной идиоткой, но я совершенно ничего не знала о делах мужа. Я имею в виду аферу.

Я тараторю, а Бен ничего не отвечает, только нервно сглатывает, и я вижу, как двигается кадык на его шее.

— Я надеюсь услышать от вас или найти в доме нечто, что позволит узнать, как со мной связана ваша сестра. Потому что пока все это выглядит очень скверно для меня. Мартинес подозревает, что я приложила руку к тому, что случилось с Николь. Но вы же видите, что это не так. Я очень волнуюсь за себя и за Куинн. А теперь еще и за вас. Нас пытались убить.

Я замолкаю, надеясь, что не слишком далеко зашла.

Он подергивает воротник футболки:

— Я не знаю, что тут могло бы вам помочь. Или нам. Я тут всего пару раз был.

— А полиция уже осматривала дом?

— Нет. Мой адвокат сказал мне, что нет ордера. Ее муж, Грег, не давал согласия. Его адвокат посоветовал ему не пускать сюда криминалистов до обнародования завещания Николь. Возможно, Грег окажется наследником дома. Четвертая поправка в действии. Думаю, что некоторое время завещание не будет оглашаться.

Я скрываю тот факт, что часть завещания уже находится в моем почтовом ящике. Что сестра отдала опеку над Куинн мне, а не Бену. Но я не знаю, что он за человек на самом деле, поэтому и рассказать ему об этом сейчас не смогу. Я не узнала, каким был Райан, пока он не умер. Почему Николь и ее брат не общались? Нужно найти, что связывает Николь и меня, и быстро, пока Мартинес не проведала, что я здесь.

Бен смотрит то на Куинн, то на меня. Он ищет правду и надеется разглядеть ее в моих глазах. Я тоже

смотрю на него оценивающе и притворяюсь, что его молчание меня не обескураживает.

Вдруг он вскакивает и начинает ходить вперед-назад по полу из желтого известняка. Всякий раз, когда он оказывается рядом, я вижу в его глазах горе и замешательство. Именно эти эмоции раздавили меня после смерти Райана.

Он вздыхает, волосы падают ему на глаза.

— Я позвоню Мартинес обязательно, но... Вы — последний человек, говоривший с моей сестрой, и я совсем не понимаю, что произошло. Пару недель назад с Николь все было в порядке. Да, я заметил стресс, усталость, но не отчаяние или страх. Николь — она была сама сила. Я и представить не мог... Но вот вчера мне звонят и сообщают, что она сделала. Потом ассистентка Грега звонит и говорит, что я должен забрать Куинн. Сам он мне так и не позвонил. Ассистентка сказала, что он в дороге, возвращается из Нью-Йорка, и что они с Николь уже не жили вместе... Ни на звонки, ни на письма он не отвечает. Что это за человек такой, если он вот так просто бросает свою дочь? Что за человек не спешит вернуться, когда его жена... умерла?

У меня внутри все сжимается.

— Не знаю, — отвечаю я.

— Итак, я помчался в полицейский участок, там детектив сказала мне, что заведено дело о расследовании смерти Николь. Мартинес думает, что вы ее столкнули. Но я еще чего-то не знаю, так? — Бен смотрит на меня, прищурив глаза. — Кто же вы

такая, черт вас возьми? Объясните же. И откуда вам известно об Аманде?

Я достаю из сумки фиолетовый листочек и протягиваю ему:

— Я нашла это на своей сумке после того, как Николь прыгнула на рельсы. Должна быть причина, по которой она оставила мне это. Я не хочу усугублять вашу боль, но мне очевидно, что сейчас мы оба замешаны в этом деле, хотим мы того или нет. Чем скорее мы выясним, как Николь узнала обо мне и почему отдала мне Куинн, тем скорее мы поймем, что же происходит. И эта записка — часть ответа.

Вдруг плечи Бена начинают трястись. Он плачет.

— Аманда мертва. Она умерла почти двадцать лет назад.

Я жду, не задавая вопросов. Не хочу давить на него.

Он опускает руку в карман, наверное, чтобы достать телефон и позвонить Мартинес, потом говорит:

— Хочу вам показать это, потому что просто не понимаю, что я могу еще сделать. Я ни с кем об этом не разговаривал. Никогда.

Он достает из кармана шортів черный бумажник и вынимает оттуда аккуратно сложенную пожелтевшую газетную вырезку.

— Но сначала вы должны узнать, что я стал опекуном Николь, когда мне исполнилось двадцать, а ей — семнадцать. Больше у нас никого не было. Наши родители погибли в аварии. И я все испортил... Я нашел это на полу, когда приходил к сестре в последний раз. Она попросила забрать, так я и сделал. А надо было понять, что это крик о помощи,

и остаться. Но она всегда была такой гордой, всегда отталкивала меня...

Мы случайно соприкасаемся пальцами, когда я беру записку. Я расправляю ее, аккуратно разглаживаю. Это некролог из газеты «Новости Кенноши», некролог Аманды Тейлор, которая умерла в 1998 году. Ей было всего шесть месяцев. Я смотрю на Бена, и мне кажется, что время остановилось.

— Мне очень тяжело говорить об этом. Николь была няней Аманды. Девочка умерла, когда находилась под ее присмотром.

— Мне так жаль!

Бен словно постарел за одну минуту.

— Когда я взял на себя ответственность за Николь, я хотел быть похожим на отца, быть таким же твердым, негибким, чтобы она уважала меня. И она сбежала. Добралась до Висконсина и устроилась няней. А потом случилось это. Я думал, что ей удалось оставить все в прошлом. Но она хранила эту вырезку из газеты и отдала мне ее в тот день, когда мы виделись последний раз.

Мне жаль его, ведь теперь он потерял всю свою семью.

— Как это произошло, Бен? — спрашиваю я, указывая на записку.

Возможно, здесь и кроется связь Николь со мной?

— Николь сидела с Амандой, пока ее родители работали. Она уложила ее спать в колыбель, сама уснула на диване. Когда Николь проснулась и пошла к малышке, она была мертва. Не по вине няни, но мать Аманды сделала все, чтобы уверить мою сестру

в обратном. Она сразу стала обвинять Николь, даже утверждала, что та ее задушила. Когда пришел отчет после вскрытия, в котором было сказано, что девочка умерла от синдрома внезапной остановки дыхания, мать Аманды не поверила этому. Она приходила к нам, пыталась напасть на Николь. Сказала, что задушит ее так же, как та задушила Аманду. Это было ужасно.

Бедная, бедная Николь. Пройти через такое в семнадцать лет! Не представляю себе, каково это!

Я снова смотрю на записку, и мой пульс ускоряется.

— Бен, тогда, на платформе, Николь вела себя так, будто ее преследовали. И Мартинес сказала, что странно прыгать с платформы спиной вперед, если хочешь покончить с собой.

Он наклоняется ко мне и говорит:

— Донна.

— Донна?

— Мать Аманды.

— Что с ней случилось?

— Как я сказал, она очень долго мучила Николь. Каждый год присылала по письму с угрозами. Но я думал, что это прекратилось много лет назад. Николь никогда не говорила об этом. Мне следовало быть начеку и убедиться, что с сестрой все в порядке. Но я этого не сделал. Николь, как я полагаю, похоронила всю эту боль, но с рождением Куинн она вернулась.

Мне хочется утешить его и сказать, что тут нет его вины. Но полностью я в этом не уверена.

— Если Донна была на платформе, это объясняет, почему Николь так испугалась, — говорю я.

Бен смотрит на фотографию в заметке, разглядывает, потом поднимает глаза на меня:

— Черт! Я и не замечал этого совпадения!

— Какого?

— Аманда умерла седьмого августа!

И тогда я понимаю, что он имеет в виду. Седьмое августа было вчера, это день, когда Николь упала на рельсы.

Глава шестнадцатая

Николь

Две недели назад

Она занесла находку в дом, потом затащила внутрь коляску и поставила ее посередине холла, как можно дальше от коробки. Куинн спала.

Николь осторожно подняла крышку. Под ней лежал розовый листочек с надписью «для Куинн», напечатанной на компьютере. А под ним — мягкое белое одеяльце, которое она так хорошо помнила. Одеяльце Аманды.

Николь начала задыхаться.

Ты не заслужила дочь. Ты убийца. С тобой она не будет в безопасности.

Отбросив одеяло так, словно оно ужалило ее, Николь побрела на кухню, достала лекарство и быстро проглотила две таблетки. Паника, стянувшая ей грудь, чуть-чуть ослабела, она снова смогла дышать. Именно так она себя почувствовала, когда Бен привез ее домой через два дня после смерти Аманды и на

пороге их дома появилась Донна. Николь очень хотела принести соболезнования, сказать, что она тоже сильно любила Аманду. Но прежде чем она успела произнести хоть слово, Донна вцепилась ей в горло, воя, как воют звери в предсмертной агонии, когда попадают в ловушку.

— Ты должна была беречь ее!

Николь удалось высвободиться из сильных рук Донны. А брат просто стоял и смотрел. И что-то внутри нее сломалось тогда. Она не могла положиться на единственного оставшегося у нее родственника, раз он не вступился за нее, когда ей так нужна была помощь. Потом Бен очень сожалел, что не отреагировал вовремя, он говорил, что был в шоке. А Николь восприняла это так, будто он хотел, чтобы Донна сделала ей больно.

Николь положили в психиатрическую клинику с диагнозом «тяжелые панические атаки», и там она пробыла под наблюдением три дня. Поскольку ей еще не было восемнадцати, ее отпустили под ответственность Бена, выписав «Золофт». Неважно, что руки Донны больше не душили ее. Ощущение, что из нее выдавлена вся жизнь, не покидало Николь почти никогда.

Она заставила себя вернуться в текущий момент. Не было никакого толку в том, чтобы вновь погружаться в прошлое. Она пошла к проснувшейся дочери. Она не может вернуть Аманду! Но Куинн жива, и она должна сберечь ее!

Николь затолкала одеяльце обратно в коробку, взяла девочку на руки и принялась ходить из стороны в сторону.

— Я никому не позволю причинить тебе вред! — повторяла она.

Пыталась ли Донна свести ее с ума? Или же планировала нечто гораздо более ужасное, то, чего и представить нельзя?

Раздался звонок в дверь. Николь содрогнулась в ужасе. Потом вспомнила, что Тесса обещала прийти.

Держа Куинн одной рукой, она медленно подошла к двери. Сознание помутилось, двигаться ей было тяжело. Она пнула коробку по направлению к шкафу, потом посмотрела через дверное стекло. На крыльце стоял кто-то гораздо выше ее лучшей подруги. Когда она поняла, кто это, внутри у нее все перевернулось.

Ее брат. Бен. Почему он здесь?

Бен постучал в стекло и сказал:

— Ник, я тебя вижу. Открой.

Все в порядке, она может это сделать. Она всегда умела хорошо притворяться.

Николь открыла дверь.

Глава семнадцатая

Морган

Вторник, 8 августа

Я смотрю на дату в некрологе и не могу отвести от нее взгляд. Седьмое августа.

— Я не обратил на это внимания... На то, что день совпадает, — говорит Бен. — А может, здесь замешана Донна? — он встает и начинает кружить по кухне. — Или же Николь решила покончить с собой именно седьмого?

Меня слегка мутит от того, что Лейтон ходит кругами.

— Что вы знаете о Донне? — спрашиваю я. — Она общалась с Николь в последнее время?

— Понятия не имею. Я постарался обо всем забыть. Но сестра дала мне этот некролог с какой-то целью. Она много лет не упоминала ни о Донне, ни об Аманде.

— Возможно, Донна находилась на платформе? Если бы раздобыть ее фото, я бы вспомнила, был ли кто-то похожий на нее на «Гранд-Стейт». Но, если честно, все, что произошло, теперь как в тумане.

— Стоит попробовать найти фото, — говорит Бен, остановившись.

Если я докопаюсь до истины, Мартинес придется признать, что я всего лишь ни в чем не повинный свидетель. И тогда Куинн будет в безопасности, а я смогу вернуть себе свою жизнь.

Я вытаскиваю телефон, набираю в поисковике Интернета «Донна Тейлор, Кеноша, Висконсин» и показываю открывшуюся страницу Бену.

Куинн неожиданно растопыривает ручки и ножки, словно морская звезда — лучи, но продолжает спать.

Он смотрит на экран, потом тыкает в него пальцем:

— Вот она. До сих пор живет по тому адресу и работает дома. Узнаете?

Я вижу маленькую фотографию худой рыжей женщины, которая улыбается одними губами. Голубые глаза на бледном лице остаются холодными. У нее коммиссионный онлайн-магазин в Кеноше.

Прищурившись, я мысленно возвращаюсь на платформу, пытаюсь вспомнить, что окружало меня, но тогда все мое внимание было сосредоточено на Николь и Куинн. У Донны рыжие волосы, как и у женщины в «Приусе», но этого недостаточно. Волосы на фото темнее и другого оттенка.

— Не думаю, что видела ее на платформе. А рыжую на «Приусе» я не рассмотрела.

Взяв телефон, я вдруг чувствую, что очень устала. Вот если бы проспять день, а лучше год и проснуться, когда все это кончится! Но я много спала после смерти Райана, и это мне совсем не помогло.

Вдруг в животе довольно явственно урчит, и я испытываю неловкость.

Бен слабо улыбается и на мгновение словно молодеет.

— Я тоже не ел. У меня в рюкзаке, кажется, есть батончики-мюсли, хотите?

— Спасибо.

— Не за что, это всего лишь батончик.

В нем появляется что-то ребяческое, он кажется искренним, но я уже научилась не доверять собственной интуиции, когда дело касается людей. Надо оставаться настороже.

Через минуту я слышу его голос. Он упоминает Донну Тейлор, рыжую, «Приус». Потом произносит мое имя. Значит, он разговаривает с Мартинес. Если бы я сейчас могла убежать, то убежала бы. С чего я взяла, что он мне доверяет? Когда он входит в комнату, я встаю, опираясь на стол.

— Так вы думаете, что я вру, — говорю я с горечью, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать.

— Нет, но я должен был позвонить Мартинес. Нас чуть машина не сбила, а Николь умерла в тот же день, что и Аманда. Детективу следует это знать.

Я молчу. Появление Донны в поле зрения не исключает моей виновности.

— Теперь Мартинес все записала, она проверит номер машины Донны и ее права. Все в порядке, Морган.

В порядке, как же. Он даже не представляет, что может произойти. Мне надо выбраться отсюда и позвонить Джессике. Потом я замечаю рядом

с холодильником двустворчатую дверь, одна створка открыта.

Мне надо поискать разгадку, пока я здесь.

— Что там? — показываю я на эту дверь.

— Кладовка, наверное. А почему вы спрашиваете?

— Вам не кажется, что нам надо бы тут все осмотреть перед уходом?

— Я посмотрю, — кивает он, — вы едва ли можете ходить сейчас. И...

— И она была вашей сестрой.

Он заходит в дверь, и я слышу удивленный возглас.

— Морган, — зовет он тихо, — идите сюда.

Я медленно, хромя, иду к нему. За дверью — широкий стенной шкаф с полками по бокам. Я вижу, что удивило Бена. Вся стена возле двери покрыта фиолетовыми листочками с надписями. Такими же, как тот, что лежит у меня в сумочке.

«Письмо», «Карточка с именем», «Рыжая», «Пропавшие таблетки», «Мобиль», «Дверь», «Разбитая люстра», «Фотография». «Коробка». «Записка». «Я больше не могу». «Помоги мне», «Приют», «Вдова», «Морган Кинкейд». «Мать».

— Это мое имя! — шепчу я, не в силах оторвать глаз от этих листочков. Меня словно ударили в солнечное сплетение. Слова начинают плясать перед глазами, и, чтобы не упасть, я прислоняюсь к стене.

Бен дотрагивается до моего плеча и спрашивает:

— Как вы?

Я пытаюсь взять себя в руки. Соображать надо быстро. С Николь произошло что-то ужасное, поэтому

она писала эти послания. Кто-то или что-то заставило ее найти меня. Я смотрю на стену.

— Что все это значит? — спрашивает побледневший Бен.

— Понятия не имею. Я не знаю, откуда ей известно мое имя, но мы это выясним, Бен. И мы должны узнать, не виновата ли во всем Донна. Или еще кто-то. Как же я хочу, чтобы все это закончилось!

Я впиваюсь ногтями в ключицу.

Лейтон смотрит на меня, и по его лицу я вижу, что он хотел бы мне верить. Он помогает мне выйти из кладовой. Лодыжка очень сильно болит, голова кружится. Я ничего не могу понять.

Мы возвращаемся туда, где спит Куинн.

— Не знаю, что и думать, что чувствовать, — говорит Бен, — пытаюсь сопоставить то, что вы мне рассказали, но сейчас я просто не в состоянии, я не могу поверить, что сестры больше нет! А я ведь ни разу не сказал ей, как я восхищался ее карьерой в «Дыхании», тем, что она смогла собрать жизнь по кусочкам после того кошмара, через который прошла. Я никогда не помогал своей маленькой сестренке.

Его глаза блестят, но он не плачет. Он отворачивается, не желая, чтобы я видела, как ему больно.

Я всегда очень хотела иметь брата или сестру. Как жаль, что Бен и Николь так и не сумели стать по-настоящему близки! Может быть, если бы Николь узнала взрослого Бена, врача, который заботится о людях, она делилась бы с ним своими проблемами, она доверила бы опеку над Куинн ему.

Но вдруг Николь знала о своем брате что-то, чего не знаю я?

Между нами повисло неловкое молчание. Я смотрю на спящую Куинн. Ее веки подрагивают. Видят ли такие малыши сны? Если да, надеюсь, что ее сны — самые сладкие.

И тут я слышу, как открывается дверь. Бен откидывает с лица волосы. Я уже знаю, что он делает так, когда нервничает.

Стук каблуков приближается к нам. Я оборачиваюсь.

Это Мартинес.

Глава восемнадцатая

Николь

Две недели назад

На крыльце стоял Бен. Он не смог скрыть удивления, когда увидел ее. В одной руке он держал белый бумажный пакет, в другой — маленького игрушечного мишку.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Ты позвала меня, — обескураженно ответил он.

— Нет, я не звала!

В уголках его глаз она заметила «гусиные лапки», подбородок заострился. Он стал очень похож на отца. Николь почувствовала себя так, словно перенеслась во времени. Они не виделись больше года, с тех пор как Бен купил новый дом и пригласил ее в гости. Она приехала, хотя обычно отвергала все его попытки воссоединения. Брат всегда невольно напоминал ей о печальном прошлом.

— Но ты послала мне эсэмэс вчера вечером, — Бен достал из кармана телефон. — Смотри.

Он сказал правду: сообщение действительно было от нее: «Не мог бы ты забрать выписанное мне лекарство и завезти его завтра? Я никак не могу».

Николь лишилась дара речи. Она никогда не просила брата о помощи. У нее был запас таблеток на два месяца, и она совершенно точно не приглашала его. Бен вошел, его широкие форменные брюки раздражающе зашуршали. Николь закрыла за ним дверь.

— Ты не очень хорошо выглядишь, — сказал он.

Рассердившись, она молча прошла с Куинн на руках в гостиную, поставила пакет из аптеки на стол и взяла свой телефон. Николь обнаружила, что сообщение было отправлено вчера в одиннадцать вечера, но не помнила, чтобы посылала его.

Положив телефон в карман, она обернулась к Бену. Ей надо было собраться с силами, чтобы продержаться во время его визита, а потом избавиться от его общества навсегда.

— Хочешь что-нибудь? Кофе? — спросила она. Голова кружилась, но приготовить эспрессо Николь была в состоянии.

— Да, конечно. Спасибо. Можно мне поддержать Куинн?

Но она не хотела, чтобы брат приближался к ее дочери. Он не смог защитить ее, значит, и Куинн не защитит.

— Ей не нравится, когда ее держат другие, — сказала Николь и пошла на кухню, чтобы сделать кофе и выпить еще одну таблетку.

Но на кухне не увидела ни банки с кофейными зернами, ни даже растворимого кофе. Она не могла вспомнить, когда они с Тессой заказывали еду на дом. В холодильнике нашлись только пакет апельсинового сока, помятое яблоко и пара сморщенных персиков.

Николь достала таблетку, потом посмотрела на пузырек. Осталась половина таблеток. Как же она этого не заметила? Сколько же таблеток она выпила вечером, раз написала Бену и забыла об этом?

Зазвонил телефон. Это была Тесса. Слава богу!

— Привет! — прошептала Николь.

— Куинн спит?

— Здесь Бен.

— Твой брат? Вау! Зачем он пришел?

— Он принес мне лекарство, — она оборвала себя, чтобы не сказать лишнего, — и хотел увидеть Куинн.

— Это же очень мило, правда? Ты как к этому относишься?

— Не очень хорошо.

— Скажи ему, чтобы уходил. Хочешь, я приеду на подмогу?

Николь засмеялась:

— Нет, все нормально. Но мне пора.

— Ладно, я просто звоню предупредить тебя. Я сказала Люсинде, что ты одобрила новую линию плащей с манжетами для весенней коллекции. Ничего? Я сегодня вечером зайду обсудить это.

Николь не сказала Тессе, что встретила Люсинду, ей было сейчас не до того. Она хотела как можно скорее избавиться от брата.

— Я тебе перезвоню, когда Бен уйдет, ладно?

— Обещаешь?

— Конечно.

Она повесила трубку и согнулась, прижав Куинн к груди. Надеясь, что таблетка подействует быстрее, Николь слишком быстро проглотила ее, не запив, и теперь ей стало трудно дышать. Она знала, что принимает повышенную дозу, но не могла допустить, чтобы Бен стал свидетелем ее панической атаки. Что бы сделала Тесса, будь она здесь сейчас? Николь села на пол, положила руку на живот. Пять глубоких вдохов, пять медленных выдохов.

Немного успокоившись, она встала и вернулась в гостиную, стараясь держаться как можно ровнее.

— Кофе закончился, — сказала она.

Бен откинул со лба волосы, на его мальчишеском лице отразилось беспокойство. Вдруг Николь пришло в голову, что ему сейчас тридцать девять — на год меньше, чем было их отцу, когда тот умер. Эта мысль потрясла ее.

— Как дела у Грега? — спросил Бен.

Николь быстро решила, что ничего ему не расскажет.

— У него все в порядке.

— Но у тебя — нет.

На нее нахлынули тоска и раздражение.

— Ты за меня больше не отвечаешь! — крикнула она и резко вскочила с дивана. Куинн дернулась, ударилась головой о ее грудь и захныкала.

— Николь, ее шея! — вскрикнул брат.

— Бен! Ты что, думаешь, что я не способна позаботиться о своей дочери? Ты за этим пришел? Чтобы меня покритиковать?

Ее замутило.

Не всегда их отношения были такими. Она скучала по тому мальчику, который каждый день провожал ее из школы домой. У него всегда в карманах лежали пластыри, потому что она вечно неслась впереди него и часто разбивала коленки.

— Ты попросила меня прийти, вот я и пришел! Боже, я у тебя всегда неправ! Ты никогда не простишь меня, несмотря ни на что?

Внутри у Николь все горело. Она внутренне сжалась, готовясь к тому, что он произнесет имя Аманда. Но он этого не сделал, хотя было понятно, что это имя всегда будет стоять между ними.

— Просто уйди. Нам ничего от тебя не нужно.

— Ник, я здесь, потому что ты попросила, — ответил он, взъерошив волосы. — И теперь вижу, что с тобой творится что-то не то. Ты очень похудела. И этот «Ксанакс», который ты попросила забрать... «Лоразепам» для тебя сейчас был бы лучше, учитывая, что у тебя малышка.

— Ты не мой врач, Бен.

— Ты права. А давно ты была у врача? — брат встал и подошел к ней. — Видишь ли, мы постоянно наблюдаем такое в больнице. Трудности после рождения ребенка — типичное явление. Я ведь могу договориться, чтобы тебя принял один из наших врачей. Педиатр? Или психотерапевт? Я бы записал тебя прямо на сегодня.

Она отпрянула и бросила ему в лицо с горькой усмешкой:

— Пошел ты!

Его лицо вытянулось, как у того маленького мальчика из прошлого, который плакал, когда отец раздал его коллекцию фигурок из «Звездных войн», сказав, что он уже вырос из таких увлечений. Но Николь подавила в себе всякое сочувствие.

Бен встал.

— Хорошо, хорошо, я уйду. Но если тебе что-то нужно, пожалуйста, я готов... — он посмотрел на Куинн, и его взгляд смягчился. — Мне бы хотелось быть в ее жизни. И в твоей тоже. Вы — это вся моя семья.

Она указала ему на дверь. Он двинулся к ней, но вдруг остановился, нагнулся и поднял что-то с мраморного пола. Когда Бен увидел, что это, его лицо исказилось от ужаса и боли.

— Почему ты это хранишь? — спросил он, протягивая ей пожелтевшую вырезку из газеты.

Николь не поняла, о чем он говорит. Она взяла ее, и тут же у нее упало сердце. Некролог Аманды. Разве он лежал в коробке с одеяльцем?

Их взгляды встретились, и в глазах брата Николь увидела вину и разочарование.

— Ник, ты нездорова, — сказал он, — я могу тебе помочь. Я лучше, чем кто-либо, понимаю, через что тебе пришлось пройти.

— Нет, не понимаешь, — отрезала она, протягивая ему вырезку. — Забери, мне это не нужно.

Бен посмотрел на клочок газеты, которым сестра размахивала перед его лицом, потом на Куинн. Казались, он боится оставить ее с Николь.

— Все в прошлом, Николь. Это была трагедия. Ужасная трагедия, но прошло двадцать лет! Пора уже отпустить это.

— Забери это и убирайся! Это ты действительно можешь для меня сделать.

Он кивнул, взял некролог и пошел к двери. Взявшись за ручку, Бен обернулся:

— Я люблю тебя, Ник. И всегда любил. Я вечно все порчу, но это не значит, что я не люблю тебя.

Он открыл дверь, снова оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на сестру и племянницу, и ушел. Николь закрыла замок и пять раз дернула дверь, чтобы убедиться, что та заперта.

Покачав дочку на руках, она сказала:

— Больше тебе никто не нужен. Я со всем справлюсь сама.

И посмотрела на крючок возле двери, где обычно висели запасные ключи от дома Бена. Он настоял на том, чтобы она взяла их на всякий случай, однако Николь ни разу не воспользовалась ими.

Ключи исчезли.

Глава девятнадцатая

Морган

Вторник, 8 августа

Мартинес оправляет свой черный брючный костюм и направляется ко мне. Я в ярости шиплю на Бена:

— Как вы посмели устраивать мне ловушку?!

Он поднимает руки вверх:

— Слушайте, я не думаю, что вы в чем-то виноваты, поэтому и позвонил Мартинес. Чтобы она тоже вас выслушала. А если бы предупредил вас, вы бы ушли и подвергли себя опасности.

Я не собираюсь ему отвечать. Достāju телефон и быстро пишу Джессике, что я в доме Николь.

«Еду к тебе. Ничего не говори», — отвечает она.

Не стоять же мне, когда лодыжка дрожит и сильно ноет, так что я сажусь в кресло. Бен и Мартинес тоже садятся.

— Морган, у меня к вам несколько вопросов, — говорит детектив с очень оживленным, почти взволнованным лицом.

Я пугаюсь, но стараюсь скрыть это, поэтому сохраняю невозмутимый вид.

— Вы не будете говорить со мной без моего адвоката! — однако голос выдает, как я нервничаю.

Она усмехается.

Бен кладет руки на стол и смотрит на нее:

— Я вам все рассказал про синий «Приус», Аманду и Донну Тейлор. Но мы только что кое-что нашли... я кое-что нашел в кладовке Николь.

Он подводит Мартинес к открытым дверям, и они исчезают внутри.

Я пытаюсь расслышать их голоса. Знаю, что они шепчутся обо мне. Пока Джессика не придет сюда, мне себя не защитить. Все, что я скажу Мартинес, будет использовано против меня.

Проходит около пятнадцати минут, и они все еще находятся в кладовой, когда раздается стук в дверь. Мартинес выходит и через секунду возвращается с Джессикой, великолепно выглядящей в своем красивом красном платье. Джессика подплывает ко мне, кладет руку мне на спину и спрашивает:

— В чем же дело, детектив?

— А вы знаете, что вашу клиентку назначили опекуной и распорядительницей значительной части дохода «Дыхания», принадлежащей Куинн Мэркем? Что Николь Мэркем изменила завещание за пару дней до того, как упала на рельсы на станции «Гранд-Стейт»?

Я просто не могу поверить своим ушам. Она знает! Должно быть, ей позвонил Рик Лумс. А я еще не рассказала об этом Джессике. Как же я вляпалась!

Я боюсь смотреть на Бена, хотя чувствую на себе его ошеломленный взгляд.

Джессика поворачивается ко мне. Я едва заметно киваю.

— Не понимаю, что вы хотите сказать, — говорит она Мартинес.

Я восхищаюсь ее спокойным холодным тоном, потому что внутри меня сейчас адское пекло.

— А я думаю, что понимаете, мисс Кларк. В интересах вашей клиентки рассказать, откуда она знает Николь. И почему она преследует Бена Лейтона. Получить опеку над Куинн и ее состоянием — это ведь мотив!

Я украдкой смотрю на Бена, он очень бледен. Лейтон подходит к шезлонгу Куинн, берет ее на руки и прижимает к груди. Моего взгляда он избегает.

— Моя клиентка не готова сделать заявление. Это все? — Джессика кладет руку мне на плечо, стискивает его и поворачивает меня к себе, поэтому я не смотрю на Мартинес.

— Пока что да. Но мы докопаемся до правды. Морган лучше прийти к нам самой, до того как мы придем за ней. Лучше вам уйти, — она указывает в сторону холла, — сюда уже едут криминалисты.

Мартинес поворачивается на каблуках.

Джессика идет за ней, и я собираюсь похромать следом. Спинай чувствую взгляды Бена и Куинн. Если я обернусь, меня обожгут недоверие и разочарование Лейтона.

Я дотрагиваюсь до плеча Джессики:

— Можно я скажу пару слов Бену?

Она поворачивается ко мне и вздыхает:

— Я остаюсь здесь.

Кивнув, я встречаюсь с ним глазами:

— Адвокат Николь позвонил мне сегодня утром. Клянусь, все, что я говорила, — правда. Я не знала вашу сестру. Но она написала завещание, предоставляющее мне опеку над Куинн и право распоряжаться ее акциями «Дыхания». Я ничего не понимаю.

Лицо Бена краснеет от гнева:

— Почему вы скрыли это от меня? И зачем бы Николь это делать, если у нее был я? Зачем поручать опеку над ребенком незнакомке, когда есть родной брат?

В этих словах сквозит чувство вины. Я слышу это, я чувствую его боль всеми внутренностями.

— Простите, что не упомянула о заявлении раньше. Просто не хотела причинять вам еще больше боли. Я не заполнила бумаги. Я не понимаю, что мне делать с ними. Мне кажется, вы прекрасный человек, и я убедилась, что вы заботитесь о Куинн. Все, что я могу сказать, — с вашей сестрой здесь, в этом доме, произошло что-то ужасное. И она была не в себе, когда составляла эти бумаги.

Я смотрю в его печальные, усталые глаза.

— Вы не сделали ничего плохого, — продолжаю я, — так же, как и я.

— Вы не похожи на преступницу, — вздыхает он.

— Потому что я и не преступница. Послушайте, я просто хочу убедиться в том, что мы все в безопасности. Давайте на всякий случай обменяемся телефонами?

Чуть помедлив, он соглашается.

После этого мы с Джессикой сразу же уходим. Когда мы идем по дорожке от дома, Мартинес, выйдя на крыльцо, кричит нам в спину:

— Вопрос опеки над Куинн — это вопрос доступа к деньгам. Кто-то здесь лжет.

Когда мы подходим к машине, Джессика встает передо мной и сверлит меня гневным взглядом.

— Давай-ка поедem к тебе и поговорим, — оглядев мою ногу, она добавляет: — Сможешь вести машину?

— Справлюсь.

Превозмогая пульсирующую боль в лодыжке, я веду машину к дому. Мой адвокат едет за мной на своем белом «Мерседесе». Припарковавшись, мы поднимаемся ко мне. Джессика садится на один конец дивана, а я — на другой. Мне очень страшно.

— Почему ты хромаешь? — спрашивает она.

— Это странная история.

— Морган.

Я чешу шею так сильно, что она начинает гореть, а потом рассказываю про рыжую на «Приусе», которая преследовала меня и пыталась убить нас с Беном и Куинн.

— Что?! Ты должна звонить мне сразу же, если ты думаешь, что тебе грозит опасность!

А потом она смотрит на меня, положив ладонь на бедро, и ждет.

— Скажи что-нибудь, — прошу я.

— Мне надо знать что-нибудь еще? — откликается она со вздохом.

Я киваю.

— Муж Николь бросил ее с малышкой, а потом просто передал ее Бену, как будто ему на нее наплевать. Что это за отец? Может быть, он ко всему этому причастен.

Она всплескивает руками:

— Может, и так, но ты же не следователь! Ты вообще-то подозреваемая. И все, что ты должна делать, — держаться подальше от Мартинес! Все это выглядит так, словно ты в чем-то виновата.

— А почему ты не рассказала ей, что ко мне вломились и украли заявление на усыновление?

— Потому что если она узнает, что ты хотела усыновить ребенка, то сочтет это мотивом для преступления.

Мое сердце падает. Я выкладываю Джессике все, что услышала от Бена о Донне Тейлор и Аманде. И о том, что мы нашли в доме Николь.

— Можно поручить Барри узнать, не зарегистрированы ли на Донну права на «Приус», — говорит она.

Она достает телефон из кораллового цвета сумочки от «Прада» и пишет Барри.

— Я послала тебе ту съемку с платформы, которую добыл Барри, чтобы ты смогла рассмотреть ее получше, вдруг заметишь Донну. Это может нам помочь, но пока тебе не стоит предпринимать никаких активных действий. И в следующий раз предупреди меня, если возьмешь дело в свои руки, Морган. Оставь сообщение, если я не беру трубку. Если ты попытаешься все выяснить сама, это плохо закончится.

Ты ведь понимаешь, что я стараюсь тебя защитить? А ты делаешь это почти невозможным.

Поймав себя на том, что теряет терпение, Джессика смягчается:

— Ты можешь мне доверять, ты же знаешь. Ты не одна.

Но я чувствую себя очень одинокой. Да, она помогла мне в прошлый раз, с Райаном. Да, Джессика правда хочет мне помочь, но никто на самом деле не понимает, каково мне, как трудно доверять людям после того, что произошло. Как тяжело, когда нет ни одного человека, которому можно было бы позвонить и пожаловаться. Который сказал бы мне, что я не знала о мошенничестве Райана, так как он очень хорошо все скрывал, и что я не должна винить себя за то, что не остановила его.

Потом Джессика спрашивает расстроенным тоном:

— Ты ведь не намереваешься получить опеку над Куинн?

Я нервно сглатываю:

— Не знаю. А ты перестанешь быть моим адвокатом, если я соглашусь?

— Ты что, с ума сошла?! Я категорически возражаю против этого. Ты не отвечаешь за ее ребенка. Это должна делать семья. Ты думаешь о ребенке, о котором есть кому позаботиться. И это дает тебе ясный мотив для убийства ее матери. Разве ты не понимаешь?

Я беру подушку и кладу на колени.

— Но я не знала ничего о ребенке до понедельника. Я не знала, что Николь решила отдать Куинн мне.

— И как именно ты собираешься доказать это, Морган? Я работаю над этим, но пока ничего не получается. Я послала тебе видео. Мне нужно в суд, но ты посмотри и позвони мне, если кого-то узнаешь. Мартинес права. Кто-то хочет добраться до денег Николь. Будь осторожной даже с теми, кому ты доверяешь. А пока приложи лед к лодыжке и оставайся дома, хорошо? — потрепав меня по ноге, она встает. — И дверь запри.

Мы прощаемся, и я делаю то, что она велела. Я вдруг понимаю, что, кроме Джессики, никто не приходил в мою квартиру с тех пор, как я переехала, не считая того, кто проник сюда и украл заявление на усыновление. Мне хочется разрыдаться, но я сдерживаюсь и бреду на кухню за пакетом со льдом.

Потом, сидя на диване, я собираюсь с духом, достаю из сумочки телефон и снова смотрю видео. Это мучительно. Кажется невероятным, что мне самой удалось остаться в живых... У меня появляются вопросы и сомнения. Я пытаюсь посмотреть на все новым взглядом, сосредоточиться на том, чего не могла видеть тогда: кто был вокруг нас, на кого Николь смотрела. Но видео зернистое и нечеткое. Никого, кто бы напоминал Донну Тейлор, я не вижу. Только Николь на краю. И мне снова становится больно, больнее в два раза. Если бы я только поняла, что она собирается сделать!

Вокруг слишком много людей, увидеть, кого именно она боится, невозможно. Там могла быть рыжая женщина, и она наблюдала за мной. Мать, которая винила Николь в смерти дочери.

Чего же я хочу? Я должна отступить и позволить дяде или отцу Куинн растить ее, и пусть судебная система со всем разберется. Но ведь Николь не хотела, чтобы ее дочь жила с ними, и это гложет меня. Да и системе я больше не доверяю.

Жизнь несправедлива. Она коротка, почти не управляема, полна ловушек и непредвиденных опасностей. И в чем же правда?

В том, что я хочу ребенка. Я хочу получить Куинн.

Компания «Блайт и Браун», где работает Грег, находится в пятнадцати минутах езды от моего дома. Лодыжка все еще ноет, но идти, прихрамывая, я могу. Быстро переодеваюсь в длинное синее платье из хлопка, натягиваю кроссовки и спускаюсь в машину — нельзя позволить себе передумать. Я опять не предупредила Джессику, и от этого мне тревожно. Но то, что я собираюсь сделать, я должна сделать сама. Я слишком нетерпелива, чтобы просто сидеть и ждать ответов на все свои вопросы, ждать, что все пальцы в конце концов укажут на меня, и не могу дать шанс Мартинес выяснить что-то прежде, чем это выясню я. Слишком долго я ничего не знала о собственной жизни.

Я еду по Норд-Лассаль, оглядываясь в поисках рыжей женщины на темно-синем «Приусе». Припарковавшись, я смотрю вокруг, но ее нигде нет. Надеюсь, что она сейчас не преследует Бена и Куинн.

Я медленно иду к шестиэтажному кирпичному зданию, где работает Грег. Ремень от сумочки режет плечо, на верхней губе проступает пот. Утренняя прохлада миновала, теперь полдень, и уже душно. Я вспотела. Останавливаюсь возле двери. Может быть, мне лучше воспользоваться своим бывшим служебным положением, а не связью с Николь? Но если кто-то позвонит Кейт, чтобы проверить мои слова, я пропала.

Брюнетка за стойкой ресепшн поднимает голову и улыбается мне. «Теперь или никогда», — думаю я, подходя к ней и вглядываясь в ее лицо, чтобы понять, если она меня узнает. Но все нормально, она смотрит на меня без удивления. Я всегда настороже, всегда готова встретить чей-то неодобрительный или мрачный взгляд. Хотя, возможно, мне все это только кажется.

— Чем я могу вам помочь?

Я оглядываю просторный открытый офис, где справа находится конференц-зал, а слева тянутся ряды стеклянных перегородок. Все работают — либо говорят по телефону, либо яростно стучат по клавиатуре. В воздухе чувствуется напряжение, и оно напоминает мне о Райане. О том, как он посреди ночи сидел, опустив голову на руки, или срочно звонил кому-то, или орал на свой компьютер.

Никто не смотрит на меня. И он не смотрел в конце своей жизни.

— Я бы хотела встретиться с Грегом Мэркемом, — говорю я, голос срывается, и кровь приливает к щекам.

Она слегка прищуривается, вероятно, думая, что я журналистка.

— Могу я узнать ваше имя?

— Морган Кинкейд.

Она опускает голову и смотрит на газету, лежащую на столе. Потом отстраняется.

— Вы та женщина, которая была на платформе с Николь, когда она спрыгнула.

Вежливая улыбка сползает с моего лица. Посмотрев на газету, я вижу свою фотографию на первой полосе. Снимок сделан в тот момент, когда я выходила из полицейского участка в понедельник вечером. На нем я мертвенно бледна, на лице паника, которую посторонний наблюдатель, конечно, может принять за чувство вины.

— Такая трагедия. Мы не часто ее видели, она приезжала на пикник в честь конца года и была очень милой... — щеки брюнетки розовеют. — Вы знаете, почему она это сделала?

Мне и противно, и страшно. Я представляю себе, что именно так говорили люди о нас с Райаном, после того как он умер. Чтобы просто пощекотать себе нервы, обсуждая скандальную историю, как будто я не реальный человек, который страдает, оплакивая потерю и то, что его так вопиюще обманули.

Но я говорю себе, что теперь это не важно. Собравшись с мыслями, я повторяю:

— Я бы хотела побеседовать с Грегом.

— Мне жаль, но его сегодня нет в офисе, и я не знаю точно, когда он вернется, — ее тон становится

холоднее. — Если вы оставите свои контакты, его ассистентка свяжется с вами.

Она пожимает плечами и опускает глаза.

Итак, меня прогнали. Главное, чтобы она не позвонила Мартинес, а та — Джессике. Что же я творю? Джессика права. Я делаю только хуже. Надо поехать домой и быть начеку. Я выхожу из здания подавленная. Кожа на шее начинает зудеть и гореть, но дело не в экземе: я вижу темно-синий «Приус», припаркованный у обочины прямо передо мной.

Инстинкт велит мне бежать, но вместо этого я направляюсь прямо к «Приусу». Я так устала бояться. Устала от того, что за мной следят, от роли пассивной жертвы. Сжимая кулаки, я приближаюсь к машине и стучу в лобовое стекло.

— Кто вы? — кричу я, и случайный прохожий ускоряет шаг. — Что вам от меня нужно?

Водительское стекло опускается, и я оказываюсь лицом к лицу с рыжей. Но это не Донна Тейлор. Во всяком случае, она не похожа на фото, которое мне показывал Бен. Я эту женщину не знаю, но, если она пыталась нас сбить, пора с ней познакомиться.

— Почему вы преследуете меня?

Она выглядит ошеломленной и испуганной. Нажимает кнопку, и стекло начинает подниматься, но я, недолго думая, просовываю в окно руку. Стекло останавливается.

— Я могла бы вам руку отрезать! — кричит она, чуть-чуть спустив его.

Я прижимаюсь к окну:

— Скажите мне, кто вы такая!

— Почему вы на меня орете?

— Я та женщина, которая была с Николь, когда она умерла. Теперь скажите мне, почему вы за мной шпионите!

— Пожалуйста, не бейте меня! — она поднимает руки так, будто у меня в руке оружие.

— Не бить вас? Это вы пытались сбить меня!

— Я не понимаю, о чем вы. Здесь мой офис. У меня нет никакой причины следить за вами. Почему вы вообще здесь?

— Вы за Николь тоже следили, как за мной? Это вы влезли в мою квартиру?

— Вы с ума сошли! Грег Мэркем — мой босс. Я даже никогда не встречалась с Николь. А теперь отойдите от моей машины.

Она говорит смело, но ее голос дрожит.

Одно из двух — либо она действительно боится меня, либо она превосходная актриса. Я сдерживаюсь: хочется схватить ее и трясти, пока у нее зубы не застучат.

— Я не уйду, пока вы мне все не расскажете. Как мужчина может вот так бросить ребенка? Ее мать умерла, а он куда-то пропал! Что он за человек такой? Что он сделал с Николь?

Она заводит мотор, и шины взвизгивают, когда она срывается с места. Я падаю на дорогу, боль пронзает лодыжку, и в том месте, где появилась свежая царапина, саднит кожу.

Я с трудом встаю, по голени течет кровь. Пытаюсь вспомнить номер машины. H57 3306. Снова и снова повторяю его, пока бреду к машине. В ноге

пульсирует боль. Я сажусь в машину и петляю вдоль строительных площадок, которые расположены дальше по улице. Оглушительный треск перфораторов не добавляет мне спокойствия. Я снова мысленно просматриваю видео со станции «Гранд-Стейт». Возможно, эта женщина была там?

Но теперь она уехала.

Глава двадцатая

Николь

Десять дней назад

Одной рукой Николь обняла Куинн, висевшую на ней в слинге, другой сбросила со стола оранжевую папку с каталогом «Дыхания». Глянцевые странички с фотографиями коллекции плащей разлетелись по полу. Она больше не могла работать, не могла даже выполнить такое простое действие — посмотреть каталог. Тесса умоляла ее сделать это и созвониться с Люсиндой по Скайпу. Это было четыре дня назад. Она буквально впихнула папку в руки Николь.

— Я могу погулять с Куинн, пока ты на встрече с советом директоров. Она обязательно заснет и подышит свежим воздухом. Люсинда сказала, что встретила тебя. И что ты выглядела совершенно неузнаваемой — это ее слова. И что ты вдруг напугалась чего-то и убежала.

Николь никак не могла покинуть дом и, уж конечно, не разрешила бы Тессе гулять с малышкой,

когда Донна где-то рядом. Она все-таки пообещала Тессе подумать об этом, однако сегодня не отвечала на ее сообщения.

Достав пузырек из шкафчика над раковиной, Николь наполнила его теми таблетками, что принес ей Бен. Когда она взяла себе две, Куинн случайно задела баночку, и таблетки рассыпались по полу.

— Нет! — закричала Николь, быстро вынула девочку из слинга и положила на кресло.

Опустившись на четвереньки, она собрала таблетки. Нельзя было потерять ни одной. По Интернету это лекарство она заказать не могла, а пойти к доктору точно не отважилась бы.

Ей срочно нужно было принять таблетку и испытать облегчение, поэтому она проглотила одну прямо с пола, пыльную. Но из-за обезвоженных слизистых таблетка застряла в горле, и Николь начала задыхаться. А Куинн довольно гулила, наблюдая за матерью. Наконец той удалось проглотить таблетку.

Все, все пошло не так, и она не знала, как это исправить. Как же она не хотела, чтобы дочка видела ее такой! Николь встала и, шатаясь, подошла к ящику, в который затолкала клейкие листочки. Нужно было повесить их туда, где Тесса не увидит их, когда снова придет к ней. Николь пошла в кладовую и приклеила их на белую стену слева от двери. Сюда Тесса никогда не заходила. Потом Николь снова посадила девочку в слинг и долго

гладила ее шелковистые волоски, пока дыхание не успокоилось.

Она указала пальцем на стену, покрытую фиолетовыми листочками:

— Мы все пойдем, Куинни, во всем разберемся. Представь себе красный свет и застынь в текущем моменте, в «здесь и сейчас».

Она добавила на стену еще несколько записок.

Спинка Куинн стала мокрой, ее надо было переодеть.

— Ты достойна самой лучшей мамочки. Самой-самой! — сказала Николь, прерывисто дыша.

Может быть, все-таки позволить Тессе пожить с ними немного и помочь, пока Николь не придет хоть чуть-чуть в себя? Но нет, нельзя взваливать это на Тессу, у подруги есть своя жизнь, а кроме того, она теперь работает за двоих в «Дыхании». Да еще скрывает от руководства компании состояние Николь. Она чувствовала огромную благодарность, но не была уверена, что заслужила все то, что Тесса для нее делает.

Нужно было искупать Куинн. Николь присела рядом с ванной на корточки и повернула латунные краны на полную мощность, сняла с девочки испачканные ползунки, потом разделась сама, скинула грязную, мятую одежду. Набрала воды в стакан и осушила его залпом: у нее было ощущение, словно рот заткнули тряпкой. Она пила стакан за стаканом, а Куинн что-то лепетала у нее на руках. Несмотря на то что происходило

с Николь, ее дочь была счастлива. И только это имело значение.

— Нам надо помыться, Куинн. Чистота — путь к праведности.

А может быть, им с дочкой стоит креститься? Начать новую жизнь?

Николь медленно опустилась в теплую воду, держа Куинн на животе. Стало так хорошо и спокойно. Здесь они были в безопасности, даже тревожные мысли отступили. Она погрузилась с головой. Вот бы остаться здесь навсегда. Николь закрыла глаза.

Вдруг она вскочила, вцепившись в скользкую от пены спинку Куинн и расплескав воду через край ванны.

— Прости, маленькая, прости. Мапочка уснула. Я не хотела! Я никогда не причиню тебе вред! — плакала Николь.

Она отключилась всего на секунду, но ее девочка могла утонуть!

Хватая ртом воздух, Николь выключила воду. До нее дошел весь ужас того, что могло случиться. Девочка весело хлопала ручками по воде, а Николь шептала ей со всей нежностью, на которую была способна:

— Я тебя сберегу. Со мной ты всегда будешь в безопасности.

Она вылезла из ванны, осторожно завернула Куинн в пушистое полотенце. Ее терзали стыд, вина и ненависть к себе. Дочку пришлось положить на пол, потому что Николь вдруг затошнило. Она

подняла крышку унитаза, ее вырвало. Потом взяла Куинн на руки и, голая, вышла из ванной комнаты. Она надела на девочку свежий подгузник и симпатичное платьице из денима. Потом она отнесла ее наверх, в гостиную, и положила в шезлонг. Малышка почти сразу уснула.

Николь погладила Куинн по щечкам. Та казалась такой невинной, такой совершенной, что чувство любви нахлынуло на ее мать с новой силой.

Необходимо что-то сделать с этим непреходящим чувством вины и с постоянным страхом. Позвонить Донне, умолять ее о прощении? Тогда они обе получат свободу.

Телефон лежал на кофейном столике. Николь схватила его и набрала номер, который навсегда отпечатался в ее памяти. К ее разочарованию, никто не отозвался, даже автоответчик.

Николь замерзла, ее била дрожь. Завернувшись в фиолетовый плед, она снова и снова хлопала себя ладонью по голове:

— Думай! Думай! Как нам ее найти?!

Ей вспомнились те летние вечера, когда домой с работы возвращался отец Аманды. Он подбрасывал свою малышку в воздух, несмотря на крики Донны. А Николь всегда смеялась вместе с Амандой. Она не могла вспомнить, где именно он работал, помнила только, что он был бухгалтером. Николь искала в «Гугле» ссылки на Флинна Тейлора, пока у нее не зарябило в глазах. Потерев глаза,

она наконец увидела нужный номер и тут же набрала его.

— Говорит Флинн, — раздался знакомый хриплый голос.

— Это Николь, — прошептала она.

— Кто?

— Николь Лейтон.

На том конце повисло молчание.

— Донна все еще ненавидит меня? — тихо спросила она.

Флинн долго не отвечал, затем холодно осведомился:

— Чего ты хочешь от меня? Зачем ты мне звонишь?

Николь почувствовала себя так, будто камень проглотила, но заставила себя говорить, преодолевая боль:

— Я родила ребенка, и теперь происходят ужасные вещи. Пожалуйста, попроси Донну остановиться. Хочу, чтобы это все кончилось.

Донесся какой-то шум, потом стук закрывающейся двери.

— Не понимаю, зачем звонить мне столько лет спустя, я не хочу ничего слышать. Донна снова живет полной жизнью, мы с ней расстались. Я женат, у меня двое детей. И мне не нужны напоминания о ребенке, которого я потерял. Оставь нас в покое, Николь.

— Вы с Донной развелись?

— Вообще-то это не твое дело, но да, развелись.

— Донна прислала мне одеяльце Аманды... —
Николь разрыдалась.

Он вздохнул, ему явно было тяжело.

— Донна не стала бы такого делать. А я девятнадцать лет назад избавился от всех вещей Аманды, Николь.

Телефон чуть не выпал из ее руки. Но это было белое одеяльце Аманды! Точно оно!

— Алло! Алло! — кричала она, но Флинн повесил трубку.

Николь побежала к кладовке, где оставила коробку и одеяльце.

Но они исчезли.

Глава двадцать первая

Морган

Вторник, 8 августа

Я сижу в машине и вытираю с ноги кровь, которая течет из раны длиной почти семь сантиметров. Она не настолько глубока, чтобы понадобилось накладывать швы, да я и не хочу ехать никуда, кроме дома.

Итак, есть две рыжие женщины — Донна и ассистентка Грега, — которые испортили жизнь Николь и могли желать ее смерти. Но как я сама связана с Николь, до сих пор непонятно. Адреналин упал, и мне снова стало страшно. Ладони влажные, я роняю ключи всякий раз, как пытаюсь завести автомобиль. Я не сумею предоставить Мартинес никаких доказательств. Я совсем не продвинулась. Звоню наконец Джессике:

— Я на самом деле в опасности. По-моему, я нашла «Приус», который за мной ехал. За рулем была женщина, она говорит, что Грег — ее босс. Она рванула с места и задела меня машиной. Что мне делать?

Я выпаливаю номер «Приуса» так быстро, что мне не хватает воздуха.

— Погоди, погоди. Ты сильно ранена? — спрашивает Джессика.

Она спокойна, и мне становится немного лучше.

— Все нормально. Но, пожалуйста, выясни, кто эта женщина. Я очень боюсь!

У меня уже истерика от страха.

— А где ты, Морган?

— Я... — кусая ноготь на большом пальце, я бормочу: — Возле «Блайт и Браун», это компания, где работает Грег Мэркем.

— Скажи мне, что ты с ним не говорила!

Сейчас у нее ледяной тон. Но это моя жизнь и мой выбор, поэтому сожалений у меня нет.

— Его там не было.

— Морган, это мотив. Как мне доказать, что вы с Николь никогда не встречались, если ты сначала едешь к ее брату, а потом пытаешься выследить ее мужа? Слушай, ты добиваешься того, чтобы тебя арестовали?

— Джессика, я должна узнать, почему она выбрала меня, я должна очистить свое имя!

— Я понимаю, что ты чувствуешь себя уязвимой, что тебе страшно. Я делаю все, что могу, чтобы найти связь между тобой и Николь. У меня уже есть информация о машине Донны Тейлор, у нее черный «Шевроле Импала» две тысячи десятого года. Значит, преследовала тебя скорее всего не она. Барри пробивает информацию о рыжей из офиса Грега.

Хорошо, что она мне помогает. Именно в этом я и нуждаюсь — в помощи. В пазле слишком много отсутствующих элементов, поэтому непонятно, что делать дальше.

— Пожалуйста, езжай домой, Морган! — говорит Джессика тоном, не терпящим возражений. — Я все выясню про эту новую рыжую, ладно? Просто отправляйся домой.

— Да. Я поеду. Обещаю.

Теперь я наконец вставила ключ в зажигание. На меня вдруг накатывает отчаяние. Чувствую себя идиоткой, которая ищет невозможные отгадки, пытается понять то, что за гранью понимания. Теперь я последую совету Джессики и сдержу обещание.

На этот раз я доезжаю до своего дома без преследователей. Дома промываю и смазываю царапину, переодеваюсь в черные леггинсы и розовую футболку, заказываю бургер с картошкой фри и ем на диване, опустив шторы. Лодыжка и голень саднят.

Я знаю, что не должна этого делать, но я залезаю на сайт «Блайт и Браун» и пролистываю список сотрудников, пока не нахожу фото рыжей. Это Мелисса Дженкинс. Ассистентка Грега. Она молода, ей еще нет тридцати, у нее рыжие волнистые волосы, длинные, до плеч. В компании она работает всего три месяца.

Если судить по статьям, которые я прочитала о Николь, до рождения дочери она была сильной, волевой женщиной. Могло ли недавнее назначение Мелиссы привести ее к срыву? Я слишком утомлена, чтобы снова просматривать видео с платформы

«Гранд-Стейт», поэтому я ложусь спать, хотя еще только семь часов вечера.

Я просыпаюсь от какого-то шума и, вскочив, кричу от боли в лодыжке. В комнате темно, я хватаю телефон и вижу, что сейчас три часа ночи. Я проспала уже восемь часов.

Мои глаза привыкают к темноте. Я осторожно встаю, освещаю пол телефоном, иду к входной двери.

Под нее просунут желтовато-коричневый конверт. Он лежит на полу, на нем ни адреса, ни марок. Я смотрю в замочную скважину. В коридоре пусто. Мне страшно открывать конверт.

Я собираюсь с духом и вытаскиваю из него бумаги. Это заявление на усыновление, то самое, что у меня украли. На последней странице написано красной ручкой:

Держись подальше от Куинн. С тобой она не будет в безопасности.

Я в ужасе роняю конверт. Потом открываю дверь и выглядываю в коридор, но там никого нет. Кто бы это ни подбросил, он уже ушел. Запирая дверь, слышу, что по электронной почте пришло уведомление о письме. Оглядываю комнату и успокаиваю себя: «Здесь никого нет, я одна».

Но когда я открываю почту, руки дрожат. Там письмо без текста, но с вложением. Это фотография. Возможно, это вирус или спам. Письмо отправлено с сервера «Партизанская почта». И все же я открываю фото. Оно сделано в незнакомой мне комнате с темно-желтыми стенами и бежевым диваном.

Я узнаю Бена и Николь, наряженных на Хеллоуин: их фото висит на дальней стене в этой комнате, рядом с телеэкраном. Должно быть, это дом Бена. Розовая детская кроватка стоит возле большого окна в эркере. В ней лицом вниз лежит ребенок.

Глава двадцать вторая

Николь

Девять дней назад

— Ник, открой мне дверь, а то я ее снесу! Я, конечно, мала ростом, но ты же знаешь, какая я сильная! — кричала Тесса в щель для писем.

В другое время Николь рассмеялась бы. Сейчас она чуть не заревела. Тесса позаботится о них!

Ухватившись за подлокотник дивана, Николь заставила себя встать. У нее кружилась голова, и она чуть-чуть постояла, опустив голову. Она взяла Куинн из шезлонга. Руки болели. Ей было тяжело носить Куинн, даже в слинге. Сил едва хватало на то, чтобы просто подняться по ступенькам. Но она смогла завесить все окна темным шелком, чтобы в доме стало так же темно, как у нее на душе.

Сегодня 31 июля. Завтра закончится ее декретный отпуск.

Она открыла дверь.

— Спасибо, — сказала Тесса и нахмурилась, увидев подругу. — Ты очень бледная!

Николь кивнула:

— Мне нехорошо.

Тесса направилась на кухню, Николь последовала за ней. Гостя безмолвно собрала со стола грязные тарелки, поставила в посудомойку, включила ее, достала из своей сумки молоко, хлеб, яблоки, апельсины. Открыв холодильник, она попятилась.

— Ник, когда ты последний раз ела? Я же писала и звонила каждый день. Если бы я знала, то купила бы больше еды.

Она взяла с полки бутылку молока, понюхала его и тут же вылила в раковину. В кухне запахло кислым.

Николь не помнила, когда она последний раз заказывала для себя продукты. Она забывала поесть, но почти никогда не чувствовала голода. Все, что ее волновало, — это здоровье Куинн. Малышка пинала воздух пухленькими ножками. Николь улыбнулась. Дочь была для нее единственным источником счастья.

Тесса поставила кусочки хлеба в тостер, вытащила из сумки два органических подгузника и букет прекрасных желтых роз, который поставила в вазу с водой.

Затем подошла к подруге, нежно погладила ее по щеке, вытерла уголок рта.

— Ты пьешь воду? Тебе это необходимо.

Николь приложила ее пальцы к своим сухим губам.

— Я пытаюсь есть, пить, но не чувствую вкуса еды. Зато кормлю Куинн. Правда, она отлично выглядит? Здоровенькая? Не верится, что ей уже почти шесть недель.

Доживет ли ее дочь до шести месяцев? Аманда не смогла.

Тесса протянула руку и пощекотала животик Куинн, та засияла от удовольствия.

— Она прекрасно выглядит. А вот ты нет. Говорила ли ты с Люсиндой, в конце концов?

«Я вижу предметы, которые появляются и исчезают, — подумала Николь, — и не знаю почему». А вслух сказала:

— Ни с кем, кроме тебя, я не говорила. Ну и еще с Беном, когда он был здесь.

Тесса сморщила свой хорошенький носик, потом взяла Куинн у матери и положила в шезлонг.

— Пусть она немного побудет здесь, а ты послушай меня внимательно.

Николь кивнула и села на стул, продолжая смотреть на дочку, которая, широко раскрыв глаза, глядела на игрушечную обезьянку, свисавшую с дверной ручки.

Тесса села рядом с подружкой.

— И как ты пообщалась с Беном?

— Плохо. Я не хочу, чтобы он возвращался в мою жизнь, так я ему и сказала. Но поскольку ушел Грег, я не уверена, что поступаю правильно. Бен — единственный близкий родственник, который остался у Куинн.

Никогда еще Николь не чувствовала себя настолько одинокой, несмотря на то что с ней была лучшая подруга. Приходилось так много всего скрывать.

— Думаю, он хотел попросить денег на свою больницу. Ее могут закрыть, — солгала она, и эта ложь обожгла ее внутренности.

Тесса подобрала под себя ноги.

— Пришел просить денег, а не увидеться с тобой и Куинн?

— Не знаю. В любом случае я не хочу встречаться с ним. На самом деле мы никогда с ним не ладили. Не думаю, что это может измениться сейчас.

— Тебе лучше без мужчин, — согласилась Тесса и, помолчав, спросила: — А Грег так и не позвонил?

— Ни разу. Я не понимаю, Тесс... я была для него всем, а теперь он словно отрезал меня, нас от своей жизни... — и Николь пристально посмотрела на подругу. — А ты не общалась с ним?

— Конечно нет.

Она тут же пожалела о своем вопросе.

— Прости. Ты же не враг мне. Я не хотела нападать.

— Ничего. Тебе он и не нужен больше. У тебя есть я.

Тесса достала телефон из сумочки с надписью «Дыхание».

— Ники, мы должны обсудить рабочие дела.

Комната начала вращаться вокруг Николь, и она с трудом заставила себя слушать.

— Ты должна знать, что происходит. Завтра тебе необходимо прийти в офис. Я уже упоминала, что за закрытыми дверями ведутся всякие разговоры. Главные инвесторы продают наши акции. Это плохо. Я волнуюсь.

Но Николь не понимала смысла слов Тессы, она слышала белый шум. Ее адвокат Рик Лумс звонил ей много раз, так же как и члены совета директоров, но она не отвечала на звонки и игнорировала

лаконичные послания Люсинды. Она помассировала виски, чтобы шум ушел, но, поскольку она почти не ела и не пила, ей было очень трудно сосредоточиться.

Тесса протянула Николь телефон, чтобы показать статью из газеты «Шестая страница».

Анонимный источник сообщает, что Николь Мэркем нездорова и не выходит из дома, где находится вместе с новорожденной дочерью Куинн. Ее ни разу не видели на публике с тех пор, как она ушла в шестинедельный неоплачиваемый отпуск по уходу за ребенком, согласованный с советом директоров. Если Мэркем не вернется к своим обязанностям генерального директора 31 июля, есть риск, что ее отстранят от управления компанией, которую она же и основала.

Вот, значит, о чем говорила Люсинда.

— Это Люсинда рассказала журналистам? — спросила Николь.

— Думаешь, она бы тебя продала?

— А почему нет? Так она сможет получить то, что всегда хотела. Или назначить директором того, кого хочет, или самой стать главой компании.

Они много лет бодались с Люсиндой. Год назад та проголосовала за то, чтобы Николь сняли, после того как она отказалась запускать линейку льняных штанов, очень похожих на те, что продавали их основные конкуренты. Николь никогда не была подражателем. Всегда только лидером. И новатором.

Тесса задумчиво произнесла:

— Ники, это очень плохо. Если ты не придешь завтра на работу, у совета будет законная причина избавиться от тебя. Нельзя позволить этому случиться! Нельзя, чтобы они забрали у тебя «Дыхание»!

На Николь нахлынули беспомощность и усталость. Она закрыла глаза. Ее мутило от одной мысли, что надо одеваться для выхода на работу. Она не может этого сделать. Она не в состоянии пойти в «Дыхание» сейчас. Но нельзя же просто сидеть и смотреть, как у них с Куинн отнимают ее детище, компанию, которую она построила с нуля!

Если Люсинда собирается ее сместить, нужно бороться. Николь еле сдерживала слезы. Теперь она пожалела, что вывела свою компанию на рынок. В обмен на то, чтобы оставаться генеральным директором, она подписала пункт про обратный выкуп своих шестнадцати процентов акций «Дыхания». И если совет ее уволит, она может потерять все!

— Сотрудники не хотят, чтобы тебя заменили, и я не хочу! — воскликнула Тесса. — Никто никогда не станет таким хорошим боссом!

Николь вдруг поняла, что ее срыв повлиял не только на нее и Куинн, но и на Тессу. Та не имела права голосовать. Как и у всех рядовых сотрудников, у нее был только десятипроцентный доход. У Николь остался всего один день, чтобы не дать Люсинде и другим членам совета себя уничтожить.

Она должна что-то сделать! Нельзя больше жить вот так — скованной ужасом, чудовищной апатией и галлюцинациями. Николь до сих пор сомневалась, что все это ей не привиделось. Всем женщинам

нужен баланс в жизни, и она не исключение. Однажды Николь уже сотворила себе новую личность и сможет сделать это снова. Она всю себя отдавала компании, так неужели члены совета пожалеют для нее несколько лишних дней отпуска? Уж это она точно заслужила.

— Тесса, сделаешь для меня кое-что?

— Все, что хочешь! — радостно ответила та.

— Можешь ли ты сказать Люсинде, что я возьму еще немного от полагающегося мне отпуска?

— Сколько? — тихо спросила Тесса.

— Неделю.

— И ты обещаешь, что через неделю вернешься? В понедельник? Седьмого августа?

Ну конечно же. Седьмое августа. Эта дата должна была ее настигнуть. Но Тесса, конечно, не помнила, что значит этот день.

Николь вцепилась в край стола, чтобы подруга не увидела, как дрожат ее руки.

— Да, — сказала она спокойно, — да, седьмого августа я вернусь.

Глава двадцать третья

Морган

Среда, 9 августа

Я разглядываю фотографию в телефоне. А вдруг Куинн... Нет, я отказываюсь об этом думать. Чувствую себя так, будто мое сердце вырвали из груди. Страх опалает кожу, я изо всех сил расчесываю сыпь на ключицах.

Времени терять нельзя. В панике ищу номер Бена в контактах. Когда я набираю его, Лейтон не отвечает. Оставляю сообщение. Мне нужно поехать к нему! Мне нужно узнать, все ли в порядке с Куинн.

Кладу обратно в конверт заявление на усыновление, закидываю телефон и ключи в сумочку и выбегаю из дома, обещая себе, что обязательно позвоню Джессике, как только увижу, что Куинн в безопасности.

Сажусь в машину и несусь по Норд-Уикер-паркавеню. Она пуста, только машины припаркованы вдоль тротуара. Я — комок нервов, боюсь врезаться во что-нибудь.

Бросив машину на подъездной дорожке, бегу к его дому с телефоном в руке, игнорируя боль в лодыжке и голени. Барабаню в дверь, наплевав на то, что еще очень рано. Только Куинн имеет значение.

Внутри загорается свет, дверь открывается. Перед мной стоит сонный Бен в серой футболке и широких пижамных штанах.

— Что вы тут делаете? — ошеломленно спрашивает он.

Я так сильно дрожу, что прислоняюсь к кирпичной стене, чтобы не потерять равновесие.

— Как Куинн? С ней все в порядке?

Он хмурится:

— Конечно. Она спит в моей комнате. Что происходит, Морган? Сейчас половина четвертого!

— Слава богу! — напряжение спадает так быстро, что я, ослабев, сползаю по дверному косяку и на секунду закрываю глаза. Мне надо прийти в себя. — Можно мне войти? Простите, но я должна вам кое-что показать.

— Лучше пусть это будет что-то стоящее. Иначе я позвоню Мартинес.

Бен зевает, жестом приглашает меня в дом, включает свет, и мы идем в гостиную. В ту самую, которую я видела на присланном мне фото.

Мне сразу бросается в глаза, что в его жилище нет никакой изюминки. Цвет стен, паркетные полы, кофейный столик и даже ТВ-консоль — все выдержано в коричнево-бежевой гамме. Чисто, аккуратно, но скучно и безлико, даже безжизненно. Единственное цветное пятно в комнате — это розовая колыбелька

возле окна. Теперь я вижу, что там лежит кукла, лежит лицом вниз. Что же такое происходит?

— Пожалуйста, окажите мне услугу, проверьте, как там Куинн!

Он качает головой, но соглашается:

— Ладно.

Когда Лейтон выходит из гостиной, я сажусь на диван. Вернувшись, он говорит:

— Она крепко спит, Морган. Все с ней хорошо.

Бен садится на другой край дивана и трет глаза.

— Ну, так зачем вы приехали?

Я снова смотрю на куклу в колыбельке. А вдруг это он прислал фото?

— Можно мне стакан воды? Очень уж нервная ночь сегодня.

Вздыхнув, он встает и выходит через застекленную дверь, отделяющую гостиную от столовой, туда, где должна быть кухня. А я пока вынимаю конверт из сумки. Достая заявление и снова читаю угрожающие слова, нацарапанные на нем.

Держись подальше от Куинн. С тобой она не будет в безопасности.

Я хочу показать это Бену, чтобы он помог понять, кто же играет со мной.

Он приносит стакан воды. Даже положил туда два кубика льда. Потом Лейтон садится, кладет ногу на ногу и предупреждает:

— У нас немного времени, Куинн скоро проснется, ее надо будет кормить.

Я протягиваю ему бумаги:

— Это мне сегодня ночью подсунули под дверь.

Наклонив голову, он смотрит на бумаги. Его лицо закрывают волосы. Я не жду, пока он дочитает.

— Я хочу знать, кто приходил ко мне домой, кто знает, где я живу. По-моему, кто-то хочет подставить меня.

Я вижу, как его грудная клетка поднимается и опускается под футболкой. На секунду у меня возникает странное желание положить руку ему на грудь и сказать, что я хороший, искренний и достойный доверия человек.

— Бен, ко мне кто-то залез, и украли только это заявление.

Ничего не понимая, он смотрит на бумаги.

— После того как умер Райан, я подумывала усыновить ребенка. Но потом умер отец, единственный, кто смог бы стать моим поручителем. К тому же я не думала, что заслуживаю ребенка. Поэтому так никогда и не подала это заявление.

Я понимаю, как пафосно звучат эти слова, еще когда произношу их. Но чувствую себя так, будто гора упала у меня с плеч.

— Посмотрите на последнюю страницу.

Он смотрит, потом поднимает на меня свои ярко-голубые глаза. «С тобой она не будет в безопасности». Та же угроза содержалась в письмах, которые приходили Николь от Донны. «Ты должна была беречь ее».

Уронив бумаги на диван, Бен закрывает лицо руками:

— Это безумие!

— Тут еще кое-что.

Достав телефон, я открываю свою почту и показываю ему фотографию.

Он придвигается поближе.

— Черт! Это же моя гостиная! Это кукла?

Я вижу, что у него немного дрожат руки, когда он идет к детской кроватке. Он берет куклу и поворачивается ко мне с тревогой на лице:

— Поясню на всякий случай. Это не я ее сюда положил.

— Я узнала вас и Николь по фото на стене, — я указываю на снимок, висящий на стене. — Это вы отправили мне снимок?

Кукла со стуком падает на кофейный столик.

— И зачем, черт возьми, мне это делать?

Он бросает взгляд на дверь, ведущую в кухню, потом на меня. В его глазах страх.

— Думаю, что, пока мы спали, кто-то проник в дом. На кухне была открыта задняя дверь. Подумал, что я так устал, что забыл запереть ее. Боже мой! Погодите. Хочу принести Куинн вниз, к нам.

Он бежит наверх, я, похолодев от страха, замираю.

Бен возвращается со спящей девочкой на руках и садится. Не в силах удержаться, протягиваю руку и глажу ее мягкие волосы.

— Не понимаю, какая у вас роль во всем этом, Морган.

— Хотела бы я знать! Возможно, кто-то пытается заронить подозрения, чтобы мы сомневались друг в друге. Но единственное, чего я хочу, — чтобы Куинн была в безопасности.

Он смотрит на меня широко раскрытыми усталыми глазами:

— Я тоже этого хочу.

Я решаю рассказать ему еще кое-что.

— Мой адвокат прислала мне видео с «Ютуба», снятое на платформе, когда Николь...

— Смерть Николь на «Ютубе»?! — вскрикивает он, побледнев, как полотно.

Я вдруг понимаю, что для него это очень страшная новость.

— Кто-то снял. Простите, я не...

— Я не хочу его смотреть. Никогда.

Мне тоже не хочется, чтобы Бен смотрел видео. Ведь он может предположить, как и Мартинес, что это я столкнула Николь.

— Я не думаю, что видела ее на платформе, но ассистентка Грега — рыжая, и она водит темно-синий «Приус».

Он хмурится и смотрит на Куинн.

— Ассистентка Грега? А она тут при чем?

Я рассказываю, как пыталась пообщаться с Грегом, а Мелисса Дженкинс сидела снаружи в темно-синем «Приусе». Задираю штанину и показываю ему порез на ноге.

— Хотите сказать, ассистентка Грега пыталась нас сбить, преследовала вас и подложила эту жуткую куклу в кровать? — говорит он таким тоном, словно все это очевидная нелепость.

Вообще-то звучит и правда нелепо, ведь никаких других кусочков пазла у нас в распоряжении нет.

Ясно, что с Николь случилось что-то ужасное, поэтому она оставила те записки на стене.

— Возможно, этот человек проделывает с нами то же самое, что делал с Николь.

— Но зачем? — Бен потягивается над головой Куинн. — Слушайте, сейчас очень поздно, и мне надо поспать, чтобы завтра нормально функционировать. Сейчас я вообще ничего не соображаю. Я привык вытаскивать себя из постели ради ночных тусовщиков, но две последние ночи — это для меня уже слишком. Не могу сейчас снова общаться с полицией. Не думаю, что они предложат нам какую-то охрану. Они пока ничего и не сделали, только настроили нас друг против друга.

— Знаю.

Я уверена, что Мартинес и Бена подозревает, но молчу об этом.

— Утром я сразу позвоню детективу и все ей расскажу. Вряд ли ей стоит видеть вас здесь. И вряд ли вам стоит ехать домой сейчас. Вы же не хотите, чтобы вас опять преследовали? Поспите тут, если хотите, — предлагает он, покраснев.

Я тоже краснею. Домой мне совсем не хочется, там я не чувствую себя в безопасности. Но что подумает Мартинес, увидев меня здесь завтра? А вдруг именно этого и хочет тот, кто послал мне фотографию, — чтобы она застукала меня у Бена? Но может быть и так, что кто-то ждет меня снаружи в темноте, готовый напасть, ждет, пока я сяду в машину. На меня наваливается слабость, и я принимаю решение, надеясь, что оно верное:

— Я переночую, а утром сразу же уеду.

Лейтон кивает, потом выходит в коридор и возвращается с подушкой и белым одеялом:

— Это подойдет?

— Спасибо. Это идеально.

Он бросает все на диван и невесело улыбается:

— Просто сумасшествие. Я все двери запру и поставлю на сигнализацию. Попробуйте немного поспать.

— Вы тоже.

Я жду, пока они с Куинн поднимутся к себе, а потом падаю на подушку. Натянув одеяло до подбородка, я проваливаюсь в тяжелый сон без сновидений.

Открыв глаза, я не сразу соображаю, где нахожусь. Оглядываю гостиную с бежевыми стенами и вспоминаю, что я дома у Бена, а еще — про конверт с угрозой, который мне подсунули под дверь, про письмо с фотографией. Сажусь и тру глаза. Во рту несвежий вкус, а зубной щетки у меня нет. С кухни доносятся звон тарелок и бутылочек и аромат кофе. В животе начинает урчать.

Аккуратно сложив одеяло на краю дивана, я быстро иду в уборную рядом с входной дверью. Там справляю нужду, умываюсь, убираю волосы в хвост и уже собираюсь выйти, когда слышу, что в дверь дома кто-то стучит.

Я замираю. Потом тихо приоткрываю дверь и вижу в щель Бена с Куинн на руках. Он пускает кого-то внутрь.

Входит Грег Мэркем.

— Я хочу забрать свою дочь, — говорит он.

И я вижу, как отец забирает Куинн из беспомощных рук Бена.

Глава двадцать четвертая

Николь

Девять дней назад

Наконец Тесса ушла, удовлетворенная обещанием подруги вернуться на работу седьмого августа. Сменив подгузник Куинн, Николь увидела свое отражение в зеркале. Ее живот обвис, на щеках вылезли красные прыщи. Она ненавидела себя нынешнюю.

Когда она положила холодное тельце Аманды на пол, ей захотелось умереть. Но во время самой первой панической атаки, тогда, задыхаясь в детской, она получила доказательство того, как сильно в ней желание жить.

Теперь Николь жила ради Куинн. Но разве это жизнь для ребенка — рядом с сумасшедшей, напуганной матерью, запертой в доме, как в темнице? У нее есть неделя, чтобы вернуться в «Дыхание». Что-то должно произойти.

Она уложила Куинн в слинг, пошла в гостиную и взяла ноутбук с кофейного столика. Потом села за большой обеденный стол из красного дерева, сейчас покрытый грязными одежками и скомканными

салфетками. Николь села в кресло, обитое плюшем цвета слоновой кости. Откинув крышку ноутбука, нажала на кнопку включения. Она молилась, чтобы в «Гугле» нашлись ответы на все ее вопросы.

Когда Николь взглянула на Куинн, девочка улыбнулась ей.

— Я все исправлю, милая. Мамочка сделает так, чтобы стало лучше.

Дочь смотрела на нее, посасывая кулачок.

Николь принялась читать форумы о послеродовой депрессии. Большинство женщин писали, что не ощущают связи со своими детьми или не имеют ни минутки для себя. Но у нее все было совершенно иначе. Она хотела, чтобы Куинн находилась с ней все время, и чувствовала, что это самое близкое существо на все белом свете.

Она напечатала слово «паранойя» в окошке для поиска. Первое, что вылезло, как раз касалось послеродового состояния — психоз. Вдруг у Николь именно он? Рука ее дрожала, когда она читала симптомы. Если и так, это тоже безнадежно. Никому нельзя говорить, что у нее психоз, — Куинн тут же заберут. Никто и ничто не поможет Николь. Она никогда не сумеет вернуться в «Дыхание» и потеряет все.

Николь уже собралась выключить ноутбук, но краем глаза заметила ссылку на сайт «Возможно, я мама» — сообщество женщин, которые хотели детей, но не могли их иметь. Ее дыхание стало прерывистым. Как это ужасно — желать чего-то недостижимого! Она начала читать, поглаживая мягкие волосы Куинн.

«У меня было три выкидыша. Как я переживу еще одну потерю?»

«Я семь лет пыталась забеременеть. После того как четыре попытки ЭКО не удались, я готова сдаться».

«Помолитесь за меня! Начала снова принимать “Кломид” и запускаю второй раунд ЭКО».

«Получу ли я когда-нибудь то, что хочу?»

Сердце Николь сжалось от жалости к этим женщинам. Она так легко забеременела. Она даже не планировала иметь ребенка.

«Получу ли я когда-нибудь то, что хочу? Мне только что исполнилось сорок три, а детей все еще нет. Удовлетворит ли агентство по усыновлению заявление одинокой женщины? Я знаю, что могу дать ребенку все: любовь, тепло, защиту. Я очень хочу ребенка. Будет ли он у меня когда-нибудь?»

Эта женщина под ником Печальная-из-Чикаго заслуживает того, чтобы у нее был ребенок. Какая разница, сколько родителей? Вот у Куинн двое, но один из них думает только о себе, а вторая очень плохо себя чувствует. Слезы закатали на клавиатуру. Николь не понимала, кого она жалеет — себя или ту бездетную женщину.

Она посмотрела, что еще писала Печальная. Все ее посты были размещены полгода назад, в течение трех дней. Они казались искренними и вызвали доверие. Эта женщина была вдовой, а ее муж совершил что-то очень плохое. Она не объясняла, что именно, но становилось ясно, что она чувствует себя ответственной за его поступки и что самое большое ее желание — поделиться своей любовью с ребенком.

И вдруг Николь почувствовала воодушевление, уже почти забытое ею. Она нажала на иконку, чтобы написать личное сообщение пользователю. И начала писать Печальной из Чикаго.

Глава двадцать пятая

Морган

Среда, 9 августа

Я просто в шоке. Я все еще подглядываю за тем, что происходит, в щелочку. Я вижу, как Грег неуклюже обнимает Куинн, а та начинает плакать, и на его лице отражаются самые разные эмоции — замешательство, страх и смирение. Но вот любви я на нем не нахожу, и это разбивает сердце.

Я выхожу из туалета, и мужчины поворачиваются ко мне.

Грег выглядит удивленным:

— Извини, я как-то не подумал, что ты тут не один... Не знал, что ты с кем-то встречаешься...

— Я с ней не встречаюсь, — отвечает Бен.

— Ладно. Так кто вы? — спрашивает Грег.

— Друг... Морган Кинкейд, — и я протягиваю ему руку.

Но он не может ее пожать, потому что так неудобно держит Куинн, словно вообще не понимает, как это делается. По взгляду Грега я понимаю, что он меня узнал.

— Что? Морган Кинкейд? Последний человек, с которым говорила моя жена? Та, что забрала у нее Куинн на «Гранд-Стейт»?

— Я даже не была знакома с вашей женой. Я не понимаю, что между нам общего.

Он разглядывает меня, тщетно роясь в памяти.

Грег поворачивается к Бену:

— Я не подозревал, что Николь может сделать что-то подобное.

Он закашливается, на глазах появляются слезы. Но уже в следующее мгновение он берет себя в руки, и его лицо искажает гнев:

— Детектив рассказала мне о вашем муже и о том, что он украл много денег. То есть вы оба украли. Вы и мою жену хотите обворовать?

Ну вот, кусочки мозаики начали вставать на место. Мартинес ведь сказала, что опекун Куинн получает доступ к деньгам. Но Николь не хотела видеть ни Грегга, ни Бена на этом месте.

Я не отвечаю, и Грег снова оборачивается к Лейтону:

— Спасибо, что присмотрел за Куинн. Я был не в состоянии, как ты понимаешь. Все не могу поверить, что Николь больше нет.

Под глазами у него темные круги, подбородок покрывает щетина. А если я ошибаюсь и он на самом деле горюет?

Бен тоже думает об этом, потому что говорит:

— Мне очень жаль, Грег.

— Мне тоже очень жаль, — отвечает тот дрогнувшим голосом.

Обоим явно неловко. Они — члены одной семьи, но совсем, похоже, друг друга не знают. Бен протягивает руку и дотрагивается до спины племянницы:

— Я заботился о ней, как умел.

Грег кивает, немного отстранив от себя Куинн, словно боится прижать ее к себе. Кажется, он даже не заметил, что она уснула.

— Я не в курсе, Бен, что тебе известно о жизни Николь до... — Грег бросает взгляд на свою руку. На ней нет обручального кольца. — Она так изменилась после рождения Куинн, что я едва узнавал ее. Отказывалась, когда я предлагал ей помощь. Была совсем не в себе, и я от нее ушел. Не мог жить с этой паранойей. Но я любил Николь и никогда не хотел, чтобы с ней случилось что-то плохое...

Он говорит так, словно раздавлен горем. Раньше, консультируя семьи, я гордилась своей проницательностью. Когда ребенок уверял, что с ним все хорошо, я начинала копать дальше. А теперь просто не понимаю, что правда, а что нет. Зато знаю, что настал момент вмешаться.

— Это вы велели своей ассистентке преследовать меня? — спрашиваю я. — Она водит «Приус». Кто-то пытался нас убить. Вы это понимаете?

К моему удивлению, Грег смеется:

— Зачем бы Мелиссе вас преследовать? По ее словам, это вы ей угрожали. И что вам понадобилось от брата Николь, если вы ни с кем из нас не знакомы? Кто вы такая?

Бен скрещивает руки на груди и говорит:

— Слушай, Грег, я думаю, что Морган не замешана в этом. Да, на нас напали, и происходит что-то странное. Я люблю Куинн и беспокоюсь о ней.

Я смотрю на Бена, надеясь, что он прочтет в моих глазах, как много для меня значит его заступничество.

Грег краснеет.

— Бен, ты что, слепой?! — кричит он и кивает в мою сторону. — Что она тут делает? Сфокусируйся на этом. А с Куинн все будет в порядке, уж я постараюсь!

— Мы думаем, что Николь угрожала опасность, — чуть повышает голос Бен. — Она когда-нибудь упоминала о Донне и Аманде Тейлор?

Грег качает головой:

— Никогда не слышал от нее таких имен. Кто это? — он продолжает, не дожидаясь ответа: — Николь была самой амбициозной и непреклонной женщиной, которую я знал. Но как только родилась Куинн, она стала другой...

Лейтон становится рядом со мной.

— Но как ты мог с ней так поступить? С молодой матерью, которая так страдала, и со своим собственным ребенком?

— Это ты меня спрашиваешь? Где ты был всю ее жизнь, Бен?

Тот выглядит так, словно его ударили в живот.

— Думаю, что нам надо принять как факт, что Николь прыгнула под поезд. Она была в депрессии и склонна к суициду. Но я не понимаю, какого черта ты подружился с этой чужой женщиной, которая

оказалась на платформе рядом с ней? Почему она в твоём доме, с моей дочерью? Что ей нужно?! — кричит Грег.

Во мне поднимается ярость, но ради Куинн я усмиряю эмоции.

— Мистер Мэркем, вам нужно знать, что происходят очень странные вещи. Куинн в опасности. А может быть, и вы, — произнося эти слова, я внимательно наблюдаю за ним.

Грег нависает надо мной:

— Вы что, угрожаете мне?!

— Нет! — кричу я. — Я говорю вам, что кто-то пытался причинить вред мне, Бену и Куинн!

Девочка просыпается и начинает плакать, сильно, захлебываясь, изо всех сил вырываясь из рук отца. Грег трясёт её, что-то бормочет. Он понятия не имеет, как успокоить ребенка. Смотреть на это тяжело.

— Я не хочу, чтобы эта женщина приближалась к моей дочери. Я отец Куинн. Она будет со мной. Я снял дом на улице Норд-Эстор, там мы будем жить.

Щеки Бена краснеют, но он молчит. Я знаю, что сейчас мне нельзя вмешиваться. Это навредило бы нам обоим.

Я смотрю на Куинн, чтобы запечатлеть в памяти шелковистые хохолки её волос, голубые глазки и мягкие щечки.

Грег открывает дверь, и Бен выходит проводить его. В большое окно эркера я вижу, как он садится с Куинн в красный БМВ.

И тогда я вижу её. Рыжую. Мелиссу Дженкинс. На пассажирском сиденье.

Глава двадцать шестая

Николь

Девять дней назад

Потерянная-в-смятении: Мне очень жаль, что вам пришлось такое пережить.

Николь нажала на кнопку «Отправить». Пару минут спустя раздался сигнал о сообщении. Ее охватил страх, смешанный с радостью.

Печальная-из-Чикаго: Спасибо. Вот если бы прошлое можно было просто стереть. Вы когда-нибудь такое чувствовали?

У Николь перехватило дыхание. Да, она чувствовала это каждую минуту с тех пор, как умерла Аманда.

Потерянная-в-смятении: Всегда. Я...

Николь замерла. Насколько можно открыться незнакомому человеку? Она стерла сообщение и написала:

Ужасно, когда люди обвиняют тебя в том, что ты никогда не совершал и даже не знал, что оно случится. Что произошло с вашим мужем?

Печальная-из-Чикаго: *Не хочется это обсуждать. Я хочу двигаться дальше. Хочу начать новую жизнь. Снова стать счастливой. Думаю, что ребенок мог бы дать мне смысл в жизни.*

Потерянная-в-смятении: *Хотелось бы мне так себя чувствовать. Мне кажется, я никогда уже не буду счастлива. Я все время в страхе, и мне некому рассказать, что со мной происходит.*

Печальная-из-Чикаго: *Если вам надо с кем-то поделиться, то я здесь. Очень тяжело, когда поговорить не с кем. И я знаю, каково это — жить в постоянном страхе. Правда.*

Николь понадобилось некоторое время, чтобы дать себе отчет в своих чувствах. Это не страх, не тревога, а освобождение, которое возникает, если вдруг ощущаешь связь с другим человеком. Безымянная женщина из Чикаго уже позволила ей быть самой собой. Это не психоз, ей просто нужна помощь. Совсем чуть-чуть.

Она услышала тихий стук в дверь, и на телефон пришло сообщение от Тессы: «Я пришла».

Вот черт, Николь не могла признаться себе в том, что переписывалась с незнакомым человеком,

понимающим ее лучше, чем Тесса. Никогда бы она не стала обижать свою подругу. Она захлопнула крышку ноутбука и пошла открывать.

Тесса, улыбаясь, стояла на крыльце с двумя пакетами, полными продуктов.

— У меня тут ужин и хорошие новости. А ты лучше выглядишь сегодня, щеки немного порозовели.

Николь кивнула, Тесса вошла и закрыла за собой дверь.

— Думаю, что мне стало спокойнее, когда я попросила отсрочку, — сказала Николь, идя за гостьей на кухню. Куинн висела на ней в слинге и трогала пальчиками мамино лицо.

Тесса поставила пакеты на стол и включила чайник.

— Я сообщила Люсинде, что ты хочешь продлить себе отпуск. Она не обрадовалась, услышав про седьмое августа.

Николь стало досадно. Неужели Тесса не понимает, что она изо всех сил старается прийти в норму? И что ей сейчас вовсе не нужны лишние переживания?

— Спасибо, Тесс. Поговорю с ней сама завтра. Но ты сказала, что у тебя хорошие новости.

Подруга отошла от стола и протянула руки, чтобы взять Куинн. Николь неохотно отдала малышку. Ей было спокойнее, когда дочь находилась при ней.

Тесса поцеловала Куинн в носик.

— Это так. Я сейчас вожусь со смесью аромамасел для женщин после родов. Надо было мне сразу об этом подумать, но, когда ты ушла, навалилась куча работы.

Николь почувствовала, что краснеет от стыда. Все страдают из-за того, что она вышла из строя.

Тесса тут же добавила:

— Но ты в этом не виновата. Ты должна о себе заботиться, чтобы у тебя были силы для Куинн. Так вот, лаванда, жасмин, иланг-иланг, сандал, бергамот и роза могут ослабить симптомы послеродовой депрессии. От этого же очень часто страдают молодые мамочки, и я думаю, что масла будут хорошо продаваться. Люсинде эта идея понравилась. И мне пришлось в голову еще кое-что.

О, если бы какое-то масло могло излечить ее! Но теперь, когда она нашла Печальную-из-Чикаго, ей хотя бы есть с кем поговорить. От переписки с этой женщиной Николь станет лучше, и она сможет вернуться в «Дыхание». Но для этого надо, чтобы Тесса ушла.

— Ники, ты случаеть меня? Это важно.

Николь постаралась сосредоточиться на том, что говорит подруга, которая так много сделала для нее. Она была несправедлива к Тессе.

— Да, прости.

Тесса повернула Куинн лицом к Николь.

— Если тебе поставят официальный диагноз — ментальное расстройство, — все будет хорошо. В таком случае дополнительный отпуск полагается тебе по закону, и совет какое-то время не сможет уволить тебя или кем-то заменить. А если там узнают, что вместе с лекарствами ты используешь йогу и ароматерапию, это, вероятно, даже сыграет на руку «Дыханию».

Ментальное расстройство? Не сошла ли с ума сама Тесса? Как она не понимает, что с таким диагнозом у нее могут отнять Куинн? Нет, она разберется со всем без таких мер. Конечно, у нее есть кое-какие проблемы, но у них имеется веская причина: кто-то желает смерти Куинн.

Николь выдернула дочку из рук Тессы.

— Я не буду этого делать и к доктору не пойду. Я все отдала компании, и если я прошу еще несколько дней, то это самое меньшее, что они мне должны.

— Николь, но депрессия — это не стыдно. Мы ведь говорим об этом женщинам постоянно. В этом суть «Дыхания» — в осознании того, что, ища путь к равновесию, люди иногда нуждаются в помощи. Чего ты так боишься?

«Если бы я только могла тебе рассказать!» — подумала Николь. Но Тесса не поверила бы ей.

— Грега, например, — ответила она, и это была лишь часть правды. — Я боюсь, что, если мне поставят диагноз «послеродовая депрессия», он заберет у меня дочь.

Брови Тессы удивленно взметнулись. Очевидно, она не думала, что такое возможно.

— Он ведь уже давно Куинн не видел.

Засвистел чайник, и Тесса встала, чтобы разлить по кружкам горячий эвкалиптовый чай.

— Послушай, я не заставляю тебя делать что-либо, что тебе неприятно. Просто хочу, чтобы ты знала: я за тебя очень переживаю.

Николь тут же стала сожалеть, что рассердилась на Тессу.

— Просто мне нужно еще немного времени, чтобы все прояснилось, понимаешь? Скоро станет лучше. Я обещаю.

Тесса поднесла ей кружку с чаем, Николь машинально отхлебнула и ошпарилась.

— Тебе точно нужно позвонить Люсинде, — сказала подруга неожиданно резким тоном.

— Я позвоню, — ответила Николь. — Завтра.

Тесса поднесла свою кружку к губам и отпила чай, а потом безмятежно улыбнулась Николь.

Но в течение нескольких дней, вместо того чтобы звонить Люсинде или Тессе, она переписывалась с Печальной, которая стала для нее светом в окошке. Купание, кормление и укачивание Куинн разнообразились общением.

Их соединили потери и чувство вины, тянувшееся за обеими из прошлого. Николь не рассказала Печальной об Аманде и Донне, она не могла заставить себя написать их имена, но они много обсуждали своих родителей. Отец Печальной не так давно умер, выросла она без матери. Николь не хотела говорить о гибели своих родителей, но хорошо понимала, какова боль от такой потери. Их переписка становилась все более проникновенной. Мать Печальной во многом напоминала отца Николь, она тоже постоянно осуждала, внушала дочери чувство вины и совсем не понимала ее. В конце концов Печальная призналась, что ее муж был мошенником, который выудил

у людей много денег, а потом покончил с собой. Николь очень сочувствовала новой знакомой, которая занималась социальной работой в приюте для женщин, пострадавших от насилия. Она столько делала для других и все же была очень одинока.

Вскоре Николь почувствовала, что они стали друзьями. Настоящими друзьями, которые познакомились в виртуальном пространстве. Они принимали друг друга такими, как есть.

***Печальная-из-Чикаго:** Ты — единственный человек, с которым я сейчас могу поговорить. Спасибо.*

***Потерянная-в-смятении:** Я чувствую то же самое.*

Николь хотелось пойти дальше. Она на мгновение закрыла глаза, оперев подбородок на пальцы. Куинн мирно спала в слинге. Николь написала:

Как тебя зовут по-настоящему?

Она ждала, что Печальная сразу ответит. Но она не ответила. И вышла из сети.

— Пожалуйста, вернись, — прошептала Николь, глядя на экран.

Она ждала, и беспокойство все нарастало. Но Печальная не отвечала.

Николь жаждала той теплоты, которая исходила от Печальной, доброты и понимания. Она захотела разыскать ее и поговорить лично, узнать, кто она такая на самом деле.

Воспользовавшись той информацией, которой располагала, Николь стала искать, просматривая заголовки статей. Она искала в приютах и даже на форумах по усыновлению. После того как она ввела ключевые слова: «мужчина», «жена — социальный работник», «Чикаго», «афера», «самоубийство», ей открылось следующее:

Менеджер страхового фонда Райан Гэллоуэй найден мертвым, самоубийство

В заметке сообщалось о растрате и внезапной трагической смерти, это произошло полгода назад. В конце Николь прочитала:

Вдова — социальный работник Морган Кинкейд, детей у них не было.

Морган Кинкейд — так зовут женщину, с которой Николь почувствовала такую тесную связь?

Теперь она вспомнила об этом деле. Бывший член совета директоров «Дыхание» инвестировал в фонд Райана Гэллоуэя и все потерял. Николь напечатала: «Морган Кинкейд, социальный работник». Ничего не нашлось. Прокрутив страницу, она наконец увидела гадкий заголовок в газете «Весь Чикаго»:

Предполагаемая сообщница мошенника Морган Кинкейд съезжает из своего просторного дома в районе Золотой Берег

Там были фотография коричневого здания на Норд-Шеридан-авеню и снимок Морган, с опущенной

головой стоявшей у двери. Плечи ее поникли, она ссутулилась, как будто хотела казаться меньше.

Морган на самом деле потеряла все. И Николь ее понимала.

Куинн начала посасывать ей плечо.

— Милая, прости. Сейчас я тебя покормлю. А потом сделаю так, чтобы все стало лучше. Мамочка постарается.

Она пролила смесь, пока готовила ее. Куинн пила жадными глотками. Николь обняла ее:

— Я тебя так люблю, моя девочка.

В голове тут же раздались голоса, кричавшие: «Что ты наделала? Ты такая безответственная!»

Николь стала хлопать себя по голове, чтобы от них избавиться. Она вспомнила сообщения Морган. Интуиция. Судьба.

Она пошла в кладовую и добавила на стену новые слова: «Помоги мне». «Приют». «Вдова». «Морган Кинкейд».

Морган Кинкейд — социальный работник. Она может выслушать Николь. Они связаны. Вот бы Николь поговорить с ней по-настоящему, сбросить свою тяжкую ношу, очистить сердечную чакру и стать такой матерью, которой заслуживает ее дочь!

Тогда Куинн будет в безопасности. А Николь наконец обретет свободу.

Глава двадцать седьмая

Морган

Среда, 9 августа

Мне не верится, что у нас забрали Куинн. Почему именно сейчас? Зачем это Грегу? Насколько можно доверять Лейтону? Все эти вопросы скачут у меня в голове, пока брат Николь идет в гостиную и с обреченным видом садится на диван.

Я иду за ним, осторожно опускаюсь рядом.

— Бен?

Он смотрит на меня:

— Ну вот и все. Вернуть девочку мне не удастся, а вам и подавно. Вы ведь, черт подери, подозреваемая.

Он достает из кармана телефон, и, не успев спросить, кому он звонит, я слышу скрипучий голос Мартинес.

— Грег только что забрал у меня Куинн. Мне кажется, что он мог что-то сделать с моей сестрой. Никогда не доверял ему, — говорит Бен.

Не слышу, что отвечает детектив, но точно знаю, что она не обрадовалась, услышав, что я в его доме.

— Я знаю, что он имеет право быть со своей дочерью! Вы не понимаете! Она получает угрозы! Мы оба получаем! А вам кажется, что это несерьезно! Ей прислали...

До меня снова доносится голос Мартинес, однако слов не разобрать. Бен пытается ее перебить, но у него это не получается. Вдруг он заканчивает разговор и убирает телефон от уха.

Он побледнел.

— Что? Что случилось? — спрашиваю я.

— Она только что обвинила меня в том, что я в этом всем замешан. Дескать, подозрительно, что я впустил вас к себе, и уж не охочусь ли я за деньгами сестры?..

Я встаю, не зная, что сказать.

— Бен, мне так жаль...

Он смотрит мне прямо в глаза:

— Моя сестра умерла, а она думает, что мне нужны ее деньги.

Очень знакомо. Я уже знаю, как быстро Мартинес делает выводы и швыряется подозрениями, словно кинжалами.

— Понимаю, каково вам...

— Думаю, что понимаете... — он накручивает прядь волос на пальцы. — А знаете, что самое ужасное? Я пытался рассказать ей о фотографии и о записке, но она не стала слушать! Как будто просто не хочет слышать. И в этом есть что-то очень неправильное. Очень, очень неправильное.

Я опускаю глаза. Меня это все не удивляет. Как дежавю, которое на этот раз происходит не со мной, а с другим человеком.

— Бен, — говорю я, — Мелисса была в машине Грега. Вероятно, она за этим стоит. Но мы ничего не знаем, и все бессмысленно. Есть записка, она указывает на Донну. Мы мало что в силах сделать, чтобы проверить Мелиссу, мы не знаем, где она живет. Зато могли бы поговорить с Донной. Застать ее врасплох.

— И скрыть от Мартинес? Морган...

— А что мы теряем? Куинн забрали. Я точно подозреваемая, похоже, и вы теперь тоже. Мартинес не на нашей стороне. Только мы ищем ответы ради себя и ради девочки.

Я нахожу адрес склада онлайн-магазина Донны, где она и живет, и Лейтон вбивает его в навигатор. Мы едем в Кеношу, Висконсин, что в полутора часах езды от Чикаго.

Бен решил, что мы поедem на его машине, поскольку так меньше шансов, что за нами проследят. Если Донна виновата, скоро все будет кончено. Для нее или для нас. Бен постоянно проверяет в зеркало заднего вида, не едет ли кто-нибудь за нами, а я смотрю, нет ли в каком-либо из автомобилей позади рыжей женщины.

Пока он смотрит на дорогу, я могу вволю разглядывать его. Он не мускулист, а худощав и, наверное, поэтому до сих пор немного похож на подростка. Я знаю, что его давит чувство вины перед Николь, но говорить со мной об этом он не станет. Про Куинн

тоже. Мы оба не будем упоминать Куинн, хотя и беспокоимся о ее судьбе.

Он включает радио, я слушаю песню «Голд-плэй» — «Йеллоу». Потом он говорит:

— Не могу поверить, что Мартинес подумала, будто я мог свою сестру погубить из-за денег.

Я вздыхаю:

— Бен, это такой классический мотив... Я прекрасно знаю, как опасны деньги. Как далеко можно зайти, чтобы получить их.

К моему удивлению, Лейтон отвечает вопросом:

— Почему вы вышли за Райана?

И я говорю, удивляясь уже самой себе:

— Я его любила. Простое объяснение сложных эмоций.

Помню, как я в первый раз увидела его кривую усмешку и как сильно влюбилась.

— Моя мама собиралась уходить на пенсию через пару лет, отец работал водопроводчиком. Ей платили пособие, но им надо было вложить деньги. Райан работал финансовым консультантом в банке. Он помог мне, выслушал меня. Очаровал, как может очаровать обаятельный социопат. Притворился, что очень заинтересован моей социальной работой и очарован моей любовью к второсортным комедиям. Я ему помогла основать страховой фонд. Глупая была.

— Или доверчивая.

— Это одно и то же.

Я улыбаюсь, и он улыбается тоже. Он очень привлекательный мужчина. Холостяк, ни бывшей жены, ни детей. Ни девушки, ни парня. Одинокий, как я.

— Почему вы один, Бен? — спрашиваю я.

Он поворачивает на шоссе, ведущее к трассе Милуоки — Интерстейт 94, смотрит на дорогу.

— Вся моя жизнь проходит в больнице. На какую-то социальную активность просто нет времени.

— А вы хотели бы иметь семью?

Лейтон глядит на меня:

— А вы до сих пор хотите?

— Отвечаете вопросом на вопрос? Ловко.

Помолчав, я решаюсь на откровенность:

— Да, все еще хочу.

С Беном ехать комфортно. Он терпеливо пропускает в наш ряд другие машины, ждет своей очереди, не раздражаясь.

На красном светофоре он поворачивается ко мне. Я съеживаюсь под его пристальным взглядом.

— Даете мне честное слово, что вы ничего не делали с Николь?

Я киваю:

— Даю честное слово. А вы обещаете не скрывать от меня того, что мне нужно знать?

— Если бы я хоть что-то знал, то прежде всего сообщил бы об этом вам.

Слова Бена правдивы, кажется, он начал полагаться на меня. И я понимаю, что наше доверие взаимно. Это чувство не выразить словами. Но что, если он не такой, каким кажется? Если я снова угожу в западню, я не выберусь из нее. «Пожалуйста, будь таким хорошим, как я о тебе думаю!» — мысленно молюсь я.

Мы замедляемся и попадаем в пробку.

— Ну вот, только начали ехать быстро, — говорит Бен. И продолжает серьезным тоном: — Морган, я вас плохо знаю, но судя по тому, что я видел, вы ставите свои интересы на последнее место. Так всегда поступала моя мать. Все с ней чувствовали себя спокойно, чувствовали себя хорошими и любимыми. И вот вы оказались рядом с Николь. На вашем месте мог быть кто угодно, но я рад, что это вы. Райан был идиотом, — улыбается он.

Я смеюсь, но мне все-таки грустно.

— Я тоже. До сих пор думаю: могла бы я его спасти, если бы прислушивалась к своей интуиции?

— Нельзя спасти того, кто не хочет быть спасенным.

Бен встряхивает головой, волнистые пряди падают ему на глаза.

— Да мне ли об этом говорить! Я всегда думал, что женюсь, что появятся дети, но у меня совершенно невозможный график работы, и женщинам, с которыми я встречался, надоедало просыпаться среди ночи от сигналов моего пейджера, — он смотрит на меня. — Вам его не хватает?

Я морщу нос.

— Трудно ответить на этот вопрос. Мне не хватает того, в кого я когда-то влюбилась. Но тот, кто оставил меня нести бремя вины за его преступления, мне не дорог, — и я краснею от смущения. — Не верится, что я рассказываю вам все это!

— Я тоже удивлен тем, что говорю с вами о личном, — он трогает небритый подбородок. — Вообще-то я не очень понимаю женщин.

Лейтон бросает быстрый взгляд на меня, потом на дорогу. В этот момент мы снова начинаем двигаться.

Я складываю руки на коленях, потому что не знаю, куда их девать. Мне хочется коснуться его, но я не смею.

— Думаете, Грег хорошо позаботится о Куинн? Правильно? Я имею в виду кормление. И будет ли он обнимать ее, когда она плачет? Будет ли соблюдать график сна?

Он вцепляется в руль изо всех сил.

— По-моему, он не из тех, кто способен нянчиться с ребенком. Но он же ее отец. Он должен это делать, так?

— Надеюсь... — вздыхаю я. — Может, позвоните ему? Спросите, как там Куинн?

— Да, конечно. Я и сам собирался. Позвоню ему, когда окажемся на месте, — вдруг его лицо омрачается. — Но как мы поступим с Донной? Что, если она опасна?

— У меня есть перцовый баллончик.

Он громко смеется, и мне становится легче. Я закрываю глаза, думать я больше не в силах. Я так измотана тем, что почти не спала, страхами и волнениями последних дней, что незаметно проваливаюсь в сон и просыпаюсь, только когда машина останавливается и меня встряхивает. Мы остановились перед сухой сосной, за которой виден маленький трехэтажный дом, отделанный белым алюминиевым сайдингом.

— Это дом Донны? — спрашиваю я и смотрю на часы. Чуть-чуть за полдень, и Донны, наверное, нет. Сейчас, когда мы приехали, я уже не так стремлюсь застать ее дома. Мне страшно.

Бен кивает, собираясь выходить из машины.

— Я рад, что вам удалось немного отдохнуть.

— Я так устала. Спасибо, что дали мне поспать.

Его уши краснеют.

— Вы готовы? — спрашивает он.

Я нахожу в сумке баллончик, в очередной раз удивляясь тому, что оказалась здесь. Мы идем по дорожке, посыпанной гравием, к дому, и видим припаркованный «Шевроле Импала» черного цвета. Дом выглядит старым и обшарпанным.

Если что-то случится со мной, будет ли Бен бороться за Куинн? Думаю, да.

Следуя за ним на крыльцо, замечаю, что краска потрескалась и отваливается. Лодыжка все еще побаливает, но я могу идти ровно. Перед нами на перилах три оранжевых цветочных горшка, полные цветов, — единственное яркое пятно здесь. Небо синее, вокруг спокойно и мирно. Обстановка совсем не сочетается с бешеным стуком моего сердца.

Бен останавливается:

— Постучим?

Собравшись с духом, я киваю, хотя мне очень страшно. На тихой, безмятежной улице его стук звучит оглушительно громко. Ничего не происходит. Потом он снова стучит, и мы слышим тихий голос:

— Иду!

Глядя друг на друга, мы ждем около двух минут. Потом дверь открывается. Вот она, Донна, во плоти. Вид у нее изможденный и совсем не угрожающий, бледное лицо обрамляют ярко-рыжие вьющиеся волосы, давно не чесанные. Пока еще

нельзя исключать, что она вела «Приус», но очень трудно представить эту хрупкую женщину опасной преследовательницей.

Ее рука, лежащая на дверном косяке, дрожит. Донна открывает рот, но не издает ни звука.

Бен неподвижен, а я медленно делаю шаг вперед, чтобы не спугнуть ее.

— Миссис Тейлор, меня зовут Морган Кинкейд. А Бена, вы, конечно, помните, хотя прошло много времени...

Они смотрят друг на друга, и Донна говорит:

— Вы — брат Николь. Вы пришли за Николь после того, как она... после того, как умерла Аманда.

— Да, — говорит он, глядя на носки своих ботинок.

— Мы с Беном хотим задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

Я вижу, что ее трясет, как будто она боится меня.

— Зачем вы здесь? — спрашивает она, схватившись за шею, покрытую коричневыми пятнами. — Вы журналистка?

Она подносит ко рту дрожащие руки и снова смотрит на Бена. Ее глаза наполняются слезами. Не успеваю я ответить, как она пытается закрыть дверь, но я подставляю ногу в щель.

— Пожалуйста! — говорю я. — Нам необходимо с вами поговорить. Ребенок в опасности...

Это срабатывает, и Донна перестает давить на дверь. Она открывает ее и стоит, ожидая, что мы ей скажем. Потом делает шаг назад, тем самым приглашая нас зайти.

Глава двадцать восьмая

Николь

Пять дней назад

Шесть тридцать утра, Николь всю ночь не спала, охраняя сон Куинн. Она больше не ложилась в своей спальне, теперь напоминавшей о Грее. Раньше Николь не сомневалась, что муж ее любит и что он будет прекрасным отцом. Как же она ошибалась! Теперь она спала на диване, рядом с Куинн, до чьей кровати могла в любой момент достать рукой.

Вчера в комнате для гостей ночевала Тесса. Она очень обрадовалась, когда Николь попросила ее присмотреть за Куинн, сказав, что она хочет устроить себе день спа. Вынужденная ложь, поворотный момент: Николь наконец-то собралась выйти из дома без дочери. Она решила поехать к Морган Кинкейд и поговорить с ней, наконец-то познакомиться лично. Морган так и не ответила на ее сообщение, но сегодня Николь встретится с ней и признается, кто она такая. В конце концов, Морган ведь сама предложила ей помощь. И Николь эта помощь была жизненно необходима, но только от того, кому она могла доверять.

Того, кто на самом деле поймет ее и ту боль, которую она много лет носит в себе.

Но теперь, когда настало время действовать, на нее нахлынули опасения. Как же она уйдет из дома без дочери? О чем она вообще думала? Вдруг Донна появится, пока ее нет? Вдруг Куинн перестанет дышать, а Тесса отвлечется? Она взяла дочку на руки и обняла ее так сильно, что та заплакала.

— Давай я ее возьму, — предложила Тесса, войдя в комнату. Ее лиловый комбинезон от «Дыхания» был забрызган водой: она только что мыла посуду.

Николь успокаивало присутствие подруги, но Куинн столько раз будила ее ночью, что Тесса выглядела очень утомленной. Сможет ли она смотреть за малышкой весь день и не уснуть? К счастью, неловкость их прошлой встречи как-то сгладилась. Тесса не заговаривала о «Дыхании». Николь была ей за это благодарна, но все-таки чувствовала, что они отдалились. Возможно, по ее вине. Тесса, как обычно, была спокойна и готова помочь.

— Не наводи порядок, когда я уйду, — сказала она, все еще обнимая дочь, не в силах отпустить ее, — включу потом посудомойку. Главное, смотри за Куинн.

— Я не против. Ну а теперь давай ее мне, — ответила Тесса. Девочка протянула к ней руки и схватила ее за косичку. — Видишь? Я ей нравлюсь. Она тебе говорит, что все нормально и ничего страшного, если ты ненадолго уйдешь.

Николь неохотно передала Куинн Тессе, еще раз напомнив, что нужно придерживать ей головку.

— Не волнуйся, я только что снова прошла курс по первой помощи и знаю, как поменять подгузник. А ты уже записалась в «Полуостров». Их процедуры по уходу за лицом просто бесподобны! Ты ведь воспользуешься случаем и сделаешь не только массаж, правда?

Почему Тесса задает ей так много вопросов? Почему побуждает ее подольше не возвращаться домой? Может, хочет что-то выведать? Но посмотрев на спокойное лицо подруги, Николь снова устыдилась. Опять чувство вины делало ее параноиком.

Несмотря на то что Николь окружила себя всеми оттенками фиолетового, она так и не смогла полностью сбаласировать свою чакру третьего глаза, которая отвечала за самую глубокую осознанность. Но если бы ей удалось поговорить с Морган, она бы увидела вещи такими, какие они есть на самом деле.

Она глянула на часы. Если она сейчас выйдет, то еще застанет Морган дома. Она представится, они поговорят и доверятся друг другу. Николь поймет, на самом ли деле эта женщина такая добрая и понимающая, какой кажется при онлайн-общении.

Николь погладила бархатистую щечку Куинн:

— Не знаю, как смогу уйти без нее.

Тесса посмотрела на подругу, и в этом взгляде Николь прочитала непривычную жесткость.

— Ты должна. Если не пойдешь, позвоню твоему врачу.

Николь уже открыла рот, чтобы ответить, но передумала, снова напомнив себе, что ее подруга о ней заботится.

Она ожидала, что на нее вот-вот навалится привычное утомление, изнуряющая апатия, которая начиналась уже с утра, но, к своему удивлению, почувствовала бодрость и оживление. Она еще не принимала сегодня «Ксанакс». Может быть, он ей больше не нужен?

Поцеловав по очереди Куинн и Тессу, Николь впервые с рождения дочери вышла из дома одна.

Остановившись на крыльце, она посмотрела по сторонам. Рядом никого не было. Тогда Николь двинулась в путь. Вдруг Морган поможет ей и она наконец станет такой матерью, какой заслуживает ее дочь?

Глава двадцать девятая

Морган

Среда, 9 августа

Мы проходим вслед за Донной в гостиную. Это комната в форме буквы *L*, бóльшую часть которой занимает коричневый замшевый диван. На стенах нет фотографий, в интерьере никаких деталей, говорящих о личности хозяйки. И у Бена, и у Донны настолько безликие, стерильные жилища, что по ним ничего не скажешь об их обитателях.

Мы стоим, я по-прежнему сжимаю перцовый баллончик в своей сумочке. Неважно, что эта женщина кажется хрупкой. Николь мертва, и мы пока не знаем, какую роль в этом сыграла Донна.

— Вы что-то сделали с моей сестрой? — спрашивает Бен тихо.

— Я никогда не желала ей смерти, — отвечает она со слезами на глазах.

Я жду, что Лейтон продолжит разговор, но он молча стоит, как приклеенный, у стены напротив дивана. Приходится заговорить мне:

— Полиция знает, что Николь кто-то преследовал, и у нас есть основания полагать, что так оно и было. Это вы? Вы и за нами следили?

Донна закрывает лицо руками, ее плечи трясутся, но она не издает ни звука. Я отступаю, мне становится нехорошо.

— Донна, что вы сделали? — спрашивает Бен.

Отняв руки от лица, она говорит ему:

— Пару месяцев назад ко мне приходила журналистка. Сказала, что знает кое-что о прошлом Николь и хочет побеседовать со мной об этом. Она собирала компромат на нее и на «Дыхание». Я видела статью в «Чикаго Трибьюн» и не могла поверить, что Николь ждет ребенка. Я пришла в ярость: почему это у нее будет ребенок, если я своего лишилась?!

По ее щекам текут слезы.

— Никто не хотел говорить со мной об Аманде. Даже Флинн, ее отец. Он говорил, что все осталось в прошлом, что надо позволить нашей дочери покоем с миром. Но как? Как мать может это сделать? Я так обрадовалась, что журналистка захотела меня выслушать, что рассказала ей все о дне, когда умерла Аманда. И о том, что подозревала, будто Николь сошла с ума и убила мою девочку.

У меня в душе все переворачивается.

— Продолжайте, — требую я.

— Она слушала очень внимательно и приняла мою сторону. Впервые кто-то меня слушал, кто-то верил мне. Она уехала, потом еще раз приезжала. Она уже собиралась сдавать статью, но ей нужны были детали, чтобы написать об Аманде более ярко.

Я показала ей все ее платица, которые храню. Даже мой бывший муж не знает, что они до сих пор у меня. Все остальное он выбросил много лет назад против моей воли. Я на время дала журналистке одеяльце Аманды и мобиль с бабочками, который очень нравился малышке, чтобы она сфотографировала их для публикации. Журналистку, по ее словам, тревожило, что Николь будет плохо заботиться о своей дочке.

Ее голос прерывается, и она берется за спинку дивана, чтобы не упасть.

Мы с Беном переглядываемся.

— Вы посылали моей сестре письма с угрозами? — спрашивает он.

— Да, — отвечает она, и ее лицо напрягается, — да, я хотела, чтобы она признала свою вину. Хотела, чтобы она себя чувствовала так же, как я после смерти Аманды. Но я прекратила это делать много лет назад, — Донна нервно натягивает на горло ворот белой футболки, — пять лет назад.

Поскольку я много работала с самыми разными людьми, я разбираюсь в психологии. Я вижу перед собой сломленную, страдающую манией женщину, и действовать дальше надо очень осторожно.

— Вы были на платформе, когда Николь погибла? — спрашиваю я как можно более нейтральным тоном.

— Что? Нет! — отвечает Донна. — Я признаю, что посылала ей письма, но и все. Хотя я рада, что она прыгнула. Но я тут ни при чем.

Бен глубоко вздыхает. Похоже, она говорит правду. Ее не было на платформе.

Мне на ум приходит одна мысль:

— А журналистка, которая приезжала, оставила вам свой телефон? Как ее зовут?

— Странно, но нет, — отвечает Донна. — Она звонила мне сама. А статья так и не вышла.

Кто же она, эта журналистка? Это она следила за мной и хотела убить нас возле дома Николь? Она преследовала Николь? Неужели журналист зайдет так далеко, чтобы собрать материал?

Бен смотрит на меня, и я вижу в его глазах ту же мысль.

— Скажите, — спрашивает он, — как она выглядела?

Донна произносит, переводя взгляд с меня на Бена и обратно:

— Молодая. У нее такие же ярко-рыжие волосы, как у меня.

Глава тридцатая

Николь

Пять дней назад

Николь открыла дверь своего вишневого «Лексуса-Джи-Эс-350». Грудь сжимала тревога. Когда она скользнула на кожаное водительское кресло, ей стало спокойнее. «Как бы я хотела...» — подумала Николь, но тут же оборвала себя. Сегодня впервые за много дней она чувствовала энергию, и нельзя было позволить негативным мыслям помешать ее планам.

Она отъехала от дома и на автопилоте повернула на Норд-Лейкшир по направлению к Норд-Мичиган-авеню. Тело помнило, где находятся выбоины, которые до сих пор не заделали, привычное движение автобусов и грузовиков успокаивало. Николь машинально посмотрела в зеркало заднего вида, чтобы увидеть Куинн, и, не увидев ее, резко дала по тормозам. За спиной загудел автомобиль, и водитель, высунувшись из окна, крикнул:

— Ты с ума сошла, стерва?

Николь чуть не крикнула в ответ: «Да!» Он объехал ее и показал из окна средний палец. Она напонила

себе, что Куинн дома, с Тессой, в безопасности. Ей надо просто доехать до Норд-Шеридан-авеню и найти Морган.

Она посигналила, чтобы свернуть налево на Вест-Фостер-авеню, отсюда было уже недалеко до дома Морган.

— Морган, я еду! — сказала она вслух, снова посмотрев в зеркало заднего вида.

За ней ехал темно-синий «Приус», который вела женщина с ярко-рыжими волосами. Сиденье рядом с ней было откинута назад.

«О боже! О боже!» — запаниковала Николь. А вдруг это Донна, и Куинн с ней?! Она свернула с дороги, остановилась на обочине и позвонила Тессе.

— Возьми, возьми, возьми трубку! — закричала она. Ее объезжали машины, сердито сигналя.

«Приус» с ревом проехал мимо, и она не успела рассмотреть женщину.

— Что случилось? — спросила Тесса.

— Куинн! Она с тобой? Все в порядке?

— Что? Конечно! Она спит у меня на руках. Я спела ей колыбельную.

Николь опустила голову на руль. Страх отпустил ее.

Галлюцинации усиливались с каждым днем. Страх поглощал ее. Что она за мать? Тут Николь поняла, что находится как раз рядом с домом Морган. Что она тут делает? Но отступать было поздно.

— Ты в «Полуострове»? — спросила Тесса.

Николь забыла, что еще не нажала «отбой».

— Да, конечно. Да. Только что подъехала.

Здание выглядело довольно старым, тротуары были покрыты трещинами, но на газоне радовали глаз яркие желтые и оранжевые петунии. Мимо Николь прошли, весело болтая, две женщины с колясками, за ними трусили собаки. Местные жители не были богачами, но для них это не имело значения. Наверное, здесь хороший район, соседи помогают друг другу, вместе устраивают пикники и праздники. А Николь не могла выйти с Куинн из дома. Какое же детство будет у ее дочери? Куинн нужен дом, наполненный добром и любовью, безопасный дом.

Тесса сказала:

— Наслаждайся каждой минутой. У нас все хорошо. Я горжусь тобой, Николь. И Куинн гордится. Позвони, когда поедешь назад, я закажу нам ужин.

Николь повесила трубку, припарковалась напротив дверей Морган и стала ждать.

«Что ты наделала?» Звучал ли этот вопрос в голове у Морган? Ведь ее несправедливо обвинили. Она всегда ставила чужие интересы выше своих. Именно такой человек мог бы позаботиться о Куинн. Морган ведь хочет ребенка.

Николь рассматривала здание. Она расслабилась, ей стало легче. В голубом небе сияло солнце, сияющий желтый шар, голубой и желтый — цвета чакры судьбы. Николь подумала, что она там, где должна быть.

Из дверей вышла женщина, похожая на саму Николь, с длинными черными волосами, обрамляющими худое лицо. Впечатляющая внешность, хотя красавицей в стереотипном смысле Морган не назовешь.

Глаза широко расставлены, и даже на расстоянии около уголков видны «гусиные лапки».

Морган Кинкейд выжила, не упала духом после своего несчастья.

Словно приклеившись к сиденью, Николь наблюдала, как Морган удаляется от нее по улице. Она-то надеялась застать ее дома, а теперь сомневалась, что у нее хватит сил, чтобы побежать за Морган. К тому же та могла вызвать полицию, потому что вид у Николь был довольно неопрятный и подозрительный.

Она вышла из машины и медленно двинулась за Морган, сохраняя дистанцию, чтобы та ее не заметила. Морган свернула на станцию «Шеридан». Она собирается на работу? Николь проследила за ней до платформы.

Поезд должен был вот-вот подъехать. Николь быстро приняла решение и дальше следовать за Морган. Они зашли в вагон. Морган села недалеко от дверей, опустив голову так, что черные волосы закрыли ее лицо. Было ясно, что она не хочет быть узнаваемой. Николь села поодаль и тоже опустила голову, наблюдая за Морган краем глаза, чтобы заметить, когда та встанет. У Морган был очень грустный вид. Она все еще страдала, все еще платила за преступление, совершенное мужем. Николь ее очень хорошо понимала. Она тоже платила. Каждый день своей жизни.

Вдруг послышался детский плач, и Николь подскочила. Какой-то малыш плакал на руках матери. Морган посмотрела на ребенка с улыбкой, а потом отвернулась, словно ей было тяжело смотреть.

Поезд подошел к станции «Гранд-Стейт». Морган встала, и Николь тоже. Она последовала за Морган по Вест-Гранд-авеню. Машины гудели и шумели, раздвижные двери гаражей опускались и поднимались с таким резким звуком, что у Николь заболела голова.

Вокруг было слишком шумно, слишком много людей. Николь стало трудно дышать. Ей захотелось оказаться дома, чтобы Куинн висела на ее груди в слинге. Морган повернула в проезд Норд-Лассаль и бросила монетки в кружку нищего. Она что-то сказала ему, и бедняга улыбнулся.

Николь продолжала идти за ней. Морган свернула на улицу Вест-Иллинойс, где людей было меньше. Если бы она обернулась, то заметила бы Николь. Но та поняла, что не готова к разговору: сейчас, когда они наконец могли встретиться, она не знала, что скажет. Поэтому Николь замедлила шаг, чтобы отстать от Морган, и все же продолжала идти за ней. Морган прошла под мостом, потом вдоль нескольких магазинов. Затем остановилась перед небольшим зданием, стоявшим поодаль от дороги, рядом с церковью.

Николь спряталась за углом церкви и наблюдала, как Морган идет к дверям по дорожке, посыпанной гравием. Это приют, где она работает? Таблички с названием нет, рядом ни души. Морган нажала на кнопку звонка, потом огляделась. Неужели почувствовала, что кто-то за ней следит?

Николь замерла. «Иди к ней!» — требовал внутренний голос. Но на стенах она заметила камеры. И вот Морган, толкнув дверь, исчезла.

Николь прислонилась к кирпичной стене и посмотрела на безоблачное небо. Куинн нужна гораздо более хорошая мать, чем она сама. Такая мать, которая делает мир лучше. Чье трагическое прошлое — не ее вина. Женщина, заслуживающая второго шанса.

Она поняла, что именно должна сделать, чтобы Донна перестала преследовать ее и Куинн. Поняла, как прекратить все навсегда. И Морган не надо знать об этом заранее. Так будет полезнее для всех.

Николь нужно исчезнуть, чтобы Куинн могла начать новую жизнь с другой матерью.

С Морган.

Глава тридцать первая

Морган

Среда, 9 августа

Мы едем от Донны, оставив ее плакать на диване. Она очень плохо поступила с Николь — эти регулярные письма с угрозами год за годом... Но все-таки не она следила за ней. И не она охотится за Куинн.

Я поворачиваюсь к Бену. Очевидно, мы оба в шоке и никак не можем собраться с мыслями. Кто же эта рыжая журналистка? Зачем она мучила Николь? Зачем она хотела убить нас? Все это выше моего понимания. Бен выглядит так, будто готов все бросить. Его лоб пересекают морщины, которых я не заметила вчера.

— Позвонить Мартинес? Или Джессике? Рассказать им все? — спрашиваю я.

Он откашливается и поправляет козырек от солнца.

— Сейчас мне больше хочется позвонить Грегу и спросить, все ли в порядке с Куинн. — Бен потирает щеку. — Не знаю, что делать с Мартинес. Она думает, что я либо дурак, потому что поверил вам, либо

охочусь за деньгами Николь. Она же сама сказала, что у Грега есть право забрать Куинн. Поэтому мне кажется, что мы должны действовать сами. Выберемся из Висконсина для начала, мне здесь паршиво. Я просто не понимаю, что, черт возьми, происходит.

— Да, давайте выберемся отсюда, — киваю я.

Мы сворачиваем и едем в направлении Чикаго. Я погружаюсь в невеселые мысли. Бен вспотел под голубой футболкой. Он явно очень удручен. Как и я.

Он кивает на свой телефон:

— Наберите номер Грега, но молчите. Я с ним поговорю. Если я сразу заговорю о Мелиссе, это прозвучит как обвинение и он не станет общаться. Надо действовать осторожно.

Лейтон прав. Я нахожу имя Грега, нажимаю на него и включаю громкую связь. После трех гудков он берет трубку.

— Что такое, Бен? Я пытаюсь уложить Куинн.

— Просто звоню узнать, как она, как день прошел.

— Да всего-то несколько часов прошло. Все хорошо. Мне неудобно говорить сейчас.

На фоне слышен женский голос. Я не выдерживаю:

— Грег, это Мелисса?

— Какого черта, Бен? — кричит Грег в ответ. — Что у тебя с этой женщиной? Нет, это не Мелисса. Это подруга Николь, ясно? Есть люди, которые любили ее, и теперь у них много дел. Вы нам не нужны, большое спасибо.

Бен спрашивает:

— А какая подруга, Грег?

Помолчав, тот все же отвечает:

— Тесса.

— Тесса?

— Да, коллега и лучшая подруга Николь. Тесса Уард. Мне надо идти.

— Она рыжая?

— Что? Нет. Блондинка. Что за вопрос? — шипит он, и я слышу плач Куинн.

Грег бросает трубку. Если у Николь была лучшая подруга, почему же она решила передать опеку над Куинн мне?

Несколько минут мы молчим, слышно только, как шины шуршат по асфальту. Наконец Бен признается, не глядя на меня:

— Я кое о чем вам не рассказал.

Сердце начинает неистово колотиться.

— У Николь была причина ненавидеть меня. Когда она вывела «Дыхание» на рынок, Донна опять попыталась до нее добраться. Подала на нее в суд. Со мной связывался адвокат Донны, и я подтвердил, что Николь могла быть безответственной в юности. Но это не значит, что я думал, будто она убила Аманду. Тот иск так никуда и не пошел, потому что истек срок давности. Но сделанного не воротишь. Николь узнала, что я так сказал, и не простила меня.

Он смотрит на меня, в его глазах боль. Потом снова отворачивается и глядит на дорогу.

— Я сказал правду, Морган. И это была ошибка.

Между нами висит груз раскаяния, моего и Бена, и он давит на нас.

— Мне так жаль. Жаль, что вы с Николь никогда не смогли стать близкими друг другу. Мне жаль, что я не задавала мужу вопросов и не прислушивалась к своей интуиции. Что я не вникала в то, что с ним происходило. И мне очень жаль, что вы услышали от Мартинес, что Николь оставила мне опеку над Куинн. Я сама должна была вам это рассказать. Я так боялась, что мне нельзя вам доверять, и до сих пор боюсь поверить в нашу... дружбу.

— Я тоже.

Я смотрю на него:

— Это все? Больше мне ничего не нужно знать?

Он улыбается такой искренней улыбкой, что кажется, словно все хорошо, хотя бы в эти минуты.

— Ничего.

— Тогда давайте подытожим то, что нам удалось выяснить. За нами кто-то следит. Неизвестно кто. Грег сказал, что снял квартиру на улице Норд-Эстор, так? Если за всем этим стоит Мелисса и она разыгрывала из себя репортера, мы должны помешать ей. А что насчет этой Тессы? Которая сейчас у Грега. Вы знаете ее?

Он включает поворотник и перестраивается в правый ряд.

— Однажды видел ее у Николь, много лет назад, но я ее толком не знаю.

Я не успеваю ответить: звонит мой телефон. Это Джессика.

Включаю громкую связь. Мне больше нечего скрывать. И я чувствую от этого огромное облегчение.

— Привет, — говорю я.

— Ты где? Я звонила, ты не отвечаешь. Ездила к тебе, но тебя либо нет дома, либо ты меня игнорируешь.

— Я с Беном. Мы ездили в Кеношу побеседовать с Донной.

— Что? Зачем? — спрашивает она сердито.

И я рассказываю ей, как Грег забрал Куинн, про Мелиссу и рыжую журналистку, про Тессу Уард. Рассказываю о конверте, который мне подсунули под дверь, и о письме с ужасным фото.

— «Партизанскую почту» не отследить. Там временные адреса. Будет трудно доказать, что ты не сама послала себе фотографию.

Что-то в ее тоне мне не нравится.

— Ты не слушаешь меня. Нам надо найти эту рыжую журналистку.

— Нам? Ты не думаешь, что ты должна представить это мне? — резким тоном осведомляется Джессика.

Но мне уже все равно. Я знаю, что ни в чем не виновата, не сделала ничего плохого.

— Скоро ли ты вернешься, Морган? Адвокат Николь прислал бумаги на апробацию. Теперь это станет известно всем. А у Мартинес теперь есть право рыться в твоём компьютере и в телефоне.

— С какой стати?

— Вскрытие не показало какой-то определенной причины смерти Николь. И никто не подтвердил твои слова о том, что ты ее не столкнула. По крайней мере пока.

— Я этого не делала, — говорю я с нажимом.

— Пока это всего лишь теория. Если не отыщется доказательств того, что ты была как-то связана с Николь до седьмого августа, Мартинес придется работать с версией самоубийства и искать других подозреваемых. Но сейчас мы должны ей отдать ноутбук и телефон. Записки с твоим именем, которые нашли в кладовой, — это плохо. Еще они нашли джипизс-навигатор в машине Николь и поставили «шпионскую» программу на ее телефон и компьютер. Если это ничего не даст в отношении тебя, ты будешь исключена из списка подозреваемых.

В ее голосе звучит подозрение. Хороших новостей нет. Тот, кто преследовал Николь, уже знает, кто я.

— Отследи Мелиссу Дженкинс, — прошу я.

— Информации недостаточно. Когда Николь погибла, Мелисса была с Грегом в Нью-Йорке, так что на платформе находиться не могла. Но есть одна странность: я получила снимок синего «Приуса», который в тебя врезался на шоссе. А как мы уже знаем, Донна ездит на «Шевроле». И номера не совпадают. Но! «Приус» с тем номером, который ты мне дала, сдан в аренду на имя Николь.

Я вздрагиваю. Николь умерла, а я все еще в опасности. И Куинн тоже.

— Кто-то мог украсть ее документы, чтобы взять машину?

— Я проверяю это. Встретимся у тебя. Когда ты сможешь приехать?

— Где-то через час.

— Хорошо. Увидимся через час.

Я вешаю трубку и смотрю на Бена:

— Вы слышали?

— Да, я все прекрасно слышал.

Перед глазами беспорядочно мелькают моменты моей жизни. Райан стоит передо мной, опустившись на одно колено, и просит выйти за него. Звонок посреди ночи с вестью о смерти отца. Николь отдает мне Куинн, перед тем как прыгнуть. Бен стоит между мной и Грегом, защищая меня.

Думаю, он мой союзник.

— Спасибо, — говорю я.

— За что? — спрашивает он, и я вижу морщинки в уголках его глаз.

— За то, что верите в меня.

Бен улыбается, и оставшееся время в дороге мы проводим в абсолютной тишине. Наши жизненные пути, такие разные, вдруг пересеклись из-за смерти его сестры и из-за ребенка, судьба которого нам обоим безразлична.

Он подъезжает к своему дому, где я оставила свою машину. Мы смотрим друг на друга и неловко смеемся. Все это просто безумие.

— И что вы теперь будете делать? — спрашивает он.

— Встречусь у себя дома с Мартинес и Джессикой. А вы?

— Наверное, просто ждать.

— Конечно...

Я испытываю разочарование. Я уже успела привыкнуть, что он рядом. Но мы друг другу ничего не должны. Справляюсь сама.

Берусь за ручку дверцы.

— Хорошо, я сообщу, если что-то еще случится.

Он кивает:

— Я тоже. Попозже еще позвоню и узнаю, как Куинн, напишу вам.

Я выхожу и смотрю, как он уезжает. Почему-то чувствую себя так, будто чего-то лишилась.

Черный седан Мартинес и белый «Мерседес» Джессики ждут меня возле моего дома. Они обе стоят на тротуаре и беседуют. Одна высокая и стройная, вторая — приземистая. Когда я подхожу к ним, они прекращают разговор.

Джессика приглаживает темные волосы.

— Я оповестила детектива обо всех уликах, которые вам удалось добыть.

Лицо Мартинес ничего не выражает. Верит ли она хоть чему-то? Будет ли на самом деле расследовать новые обстоятельства?

Без всяких предисловий Мартинес достает из кармана желтый бланк и выставляет его вперед.

Я вижу слова «Ордер на обыск».

Мне хочется вырвать у нее бумагу. Опять я словно превратилась в чью-то марионетку.

«Будь сильной, — говорю я себе, — будь храброй».

Мартинес позволяет мне самой принести ей компьютер и телефон. На ней латексные перчатки. Она

аккуратно запечатывает мою собственность в пластиковые пакеты.

— Детектив Мартинес, я правда думаю, что мы с Куинн в опасности. И Бен тоже.

Она похлопывает по пакетам для улик:

— Социопаты очень хорошо умеют врать. Но их ошибка в том, что они считают себя лучше других. Вот почему их разоблачают.

И она уходит, унося с собой единственное, что связывает меня и Бена. Я потираю живот, который свело спазмом. Джессика сильно напряжена.

— А что, если она найдет что-нибудь? — спрашиваю я.

— Если тебе нечего скрывать, то и волноваться не о чем, верно? — отвечает она вопросом на вопрос, и он мне не нравится.

— Это не закончится, пока я не узнаю, каким образом связана с Николь.

— Вообще-то в данный момент это не самое важное. Надо очистить тебя от подозрений в причастности к смерти Николь, — Джессика трогает меня за руку. — Иногда мы не можем получить все ответы, которые нам нужны. Ты это знаешь.

Она сжимает мою руку, потом садится в свой «Мерседес» и уезжает. Я сажусь на поребрик. Мне приходит в голову, что единственный человек, с которым мне хотелось бы поговорить обо всем, — это «лучшая подруга» Николь, Тесса Уард. Уж кто-кто, а она должна знать о жизни Николь все. Возможно, у нее есть те ответы,

которые требуются мне, чтобы доказать свою невиновность.

Так что мне нужно найти ее.

Я иду в ближайший магазин связи, покупаю самый дешевый телефон и прошу кассира посмотреть адрес офиса «Дыхание». Потом посылаю свой новый номер Джессике и Бену. Я запомнила его телефон. Джессика отвечает, что получила мое сообщение, а Бен молчит.

Через двадцать минут приезжаю на угол Вест-Армитидж-авеню и улицы Холстед, где находятся магазин и штаб-квартира «Дыхания», и нахожу местечко для парковки.

Мне страшно встречаться с подругой Николь. «Ты сделаешь это ради Куинн. И ради себя», — шепчу я самой себе.

Со вспотевшими ладонями я направляюсь к красивому зданию на Вест-Армитидж и толкаю дверь «Дыхания». И тут моя отвага куда-то улетучивается. Я в магазине, который создала Николь, я ближе к ней, чем когда-либо. Я хватаюсь за вешалку с одеждой, чтобы не упасть.

Стены магазина оформлены узорами из морской пены, в воздухе разлит легкий приятный аромат эфирных масел. Здесь полно покупателей и много продавцов. Входа в офис отсюда не видно. Я снова выхожу на улицу и, пройдя несколько шагов, оказываюсь возле четырехэтажного здания со стеклянными

балюстрадами. Внутри бамбуковые полы, сверкающие на солнце, охранник возле стойки, я уверена, что есть и камеры.

— Я пришла на встречу с Тессой Уард, — говорю я как можно увереннее.

— Ваше имя, мэм?

«Сейчас или никогда!»

— Морган Кинкейд.

Позвонив куда-то, охранник произносит:

— Следуйте за мной!

И мы заходим в лифт. Он нажимает карточкой-ключом на кнопку четвертого этажа. Вот я и внутри.

Двери лифта раздвигаются, и я вхожу в элегантную приемную. На голубых стенах висят фотографии мужчин и женщин, занимающихся йогой на песчаных пляжах, на фоне оранжевых закатов. У меня мелькает мысль, что хорошо бы рядом со мной сейчас был Бен.

Через минуту ко мне подходит женщина со светлыми волосами и заплаканными красными глазами. Она очень низенькая — едва достает мне до плеча. На ней сарафан в цветочек. Я пожимаю протянутую руку, мягкую и холодную.

— Я Тесса Уард.

— Спасибо, что согласились встретиться. Я... Я не... — я запинаюсь, сбита с толку ее спокойствием.

— Пойдемте в мой кабинет, — говорит Тесса.

Я иду за ней, невольно сутулясь, чтобы не возвышаться над ее миниатюрной фигуркой. Она показывает на два оранжевых кресла в комнате, где висит

спортивная одежда, а на полках стоят бутылочки с маслами и тюбики с кремом.

Я сажусь и смотрю ей в глаза, ища в них гнев или ненависть, но их нет, хотя ее горе очевидно — под глазами залегли тени.

Вонзив ногти в кожу на шее, я говорю:

— Простите, что я вот так без предупреждения... Вижу, вы уже знаете, кто я.

— Женщина, которая была на платформе, — произносит она.

Я опускаю глаза.

— Да. Это я. Послушайте, я совсем не знала Николь. И мне странно, что я здесь, но у меня есть вопросы. Николь была очень напугана тогда, перед тем как прыгнула. Очень, очень напугана.

Я осторожно смотрю в бирюзовые глаза Тессы, надеясь увидеть в них правду.

Она не отвечает на мое бормотание. Вместо этого она спрашивает:

— Не хотите ли чаю? У нас есть очень хороший травяной чай, я составила его для Николь, когда ей было плохо. На рынок он еще не вышел. Но мы сегодня решили, что, когда мы начнем продажи, назовем его «Николь».

Это ее лучшая подруга, и я вижу, что она тяжело переживает утрату. Мне хочется плакать, но я сдерживаюсь.

— Замечательно, — говорю я. — Я сейчас не хочу чаю, но спасибо, что предложили. Мне очень жаль, что так случилось с Николь.

С этого и надо было начинать.

— Спасибо, Морган. Она была мне как родная. Не могу поверить, что ее нет.

Тесса дотрагивается до своего стеклянного стола.

— Скажите мне вот что. Если вы с ней были не знакомы, почему она захотела оставить вам Куинн?

Значит, ей известно о завещании. В вопросе нет злобы, но он все равно задевает меня.

— Честно говоря, и не представляю себе.

Она теребит кончик своей длинной косы.

— Я знаю, кто вы, как и любой, кто следит за новостями. Но Николь никогда о вас не упоминала. Тем не менее она предпочла вас мне. Это ясно.

Но почему же Николь не выбрала эту женщину? Да, Тесса молода, ей, похоже, еще нет тридцати, но думаю, что она готова к материнству. Я смотрю на часы цвета лайма с лотосом на циферблате. Время уходит. Куинн все еще с Грегом и с Мелиссой.

— Простите... Но как вы думаете, почему Николь выбрала меня? — спрашиваю я.

Мне тут же становится стыдно за такую прямолинейность.

— Она знала, что я не хочу иметь детей, — объясняет она, вздохнув.

Входит женщина, приносит бумаги, потом выходит. Постоянно звонит телефон, люди ходят туда-сюда мимо кабинета, но все внимание Тессы сконцентрировано на мне.

— Николь приклеила к моей сумке записку с именем, перед тем как передать мне Куинн. Перед тем, как умереть.

— С каким именем?

— Аманда.

— Да, — кивает Тесса, — так звали девочку, которая умерла, когда Николь за ней присматривала. Она однажды рассказала мне об этом и никогда больше не упоминала. А мне надо было заставить ее говорить. Я должна была понять, что у нее уже не послеродовая депрессия, — ее руки начинают дрожать, и она кладет их на колени.

— Я кое-что выяснила об ассистентке Грега, Мелиссе Дженкинс. Она водит темно-синий «Приус». Я думала, что это она пытается меня сбить, но мой адвокат установила, что машина не ее. Но все-таки, вероятно, она замешана во всем этом. Вы знаете ее?

Тесса смотрит на меня с удивлением.

— Николь думала, что у Грега с ней роман. Но, честно говоря, я не была уверена, что ей не померещилось, — она хмурится. — Я живу на Норд Вайн, неподалеку от штаб-квартиры, и люблю ходить домой пешком, особенно летом. Недавно кто-то на синей машине, в темных очках, ехал за мной. Может быть, и Мелисса. Но с какой стати ей следить за мной?

Я пожимаю плечами:

— Хотела бы я знать. Я не сталкивала Николь с платформы. И я думаю, что меня хотят подставить. Кто-то пытался убить меня и Куинн.

Я вижу, как ее и без того бледное лицо становится еще блее. Тесса выглядит по-настоящему потрясенной.

— И Бена, — добавляю я.

— Бена? — спрашивает она резко.

— Да, брата Николь. Вы его знаете?

— Морган, а вы знаете, что Николь ненавидела Бена? — холодно интересуется Тесса. — Отношения между ними испортились много лет назад.

— Да, Бен мне рассказал.

— А он рассказал, что принес ей лекарство? Прямо домой? Николь сказала, что выгнала его и никогда больше не хочет видеть. Что, если он замешан в этом? Я слышала, что у его больницы большие проблемы и ему нужны деньги.

Теперь мои руки начинают дрожать, а стены — давить на меня. Возможно, я ничего на самом деле не знаю.

— Нет, не может быть. Он опустошен, он очень подавлен смертью Николь. И он так прекрасно обращался с Куинн. Он за нее очень боялся, как и я.

Мне становится дурно. Я вспоминаю, что читала про его больницу, когда искала информацию о Николь. Учреждение собирались закрыть.

Тесса придвигается ближе и опирается на свой стол.

— Завещание Николь уже обнародовано. Она оставила Бену приличную сумму. Оставила брату, который вообще не присутствовал в ее жизни.

Меня начинает знобить, к горлу подступает тошнота. Я все рассказала Бену, а он о деньгах и не упомянул. Я вспомнила, как поделилась с ним своими чувствами и мыслями по поводу Райана. Наверное, он уже подал заявление, чтобы самому получить опеку над Куинн, и не сказал мне.

В моей голове столько мыслей, что я забываю, где я. Мне страшно, и я злюсь на себя. Неужели меня опять обманул мужчина?

— Бен и Мелисса знакомы, — продолжает Тесса, — так что он не такой идеальный добрый доктор, каким его все считают.

— Что вы имеет в виду? — спрашиваю я неожиданно громко.

— Только то... — она что-то пишет на листочке бумаги, — что никогда нельзя точно знать, каков человек на самом деле. Это номер моего мобильного. Звоните в любое время. И берегитесь Бена. Если я надумаю, как еще могу вам помочь с детективом, я позвоню.

— Спасибо.

Я достаю листочек из сумочки, пишу на нем свой новый номер и протягиваю ей. Попрошавшись с лучшей подругой Николь, я покидаю штаб-квартиру «Дыхания». Я совершенно запуталась. С кем же мне сражаться — с Беном или с Мелиссой?

Я звоню в «Блайт и Браун», радуясь тому, что никто не знает мой телефон. Секретарь берет трубку.

— Скажите, могу ли я сегодня застать Мелиссу или Грега? — спрашиваю я совершенно обыденным тоном.

— К сожалению, нет. Им что-то передать?

— Нет, спасибо. Я еще позвоню, — и я вешаю трубку.

Я знаю, где можно их найти: Грег упомянул, что они поселились на улице Норд-Эстор. Мне нужно снова

увидеть лицо этой женщины, которая, вероятно, хочет уничтожить меня. А может, и Бен с ней заодно.

Я сажусь в машину и еду по забитому шоссе. Постоянно возвращаюсь мыслями к Бену. Неужели он способен на такое? Возможно ли это?

Дорога становится свободнее, и я перестраиваюсь в правый ряд. Небо темнеет от туч, как будто надвигается гроза. Улица Норд-Эстор прямо по курсу, уже недалеко. Я паркуюсь и выхожу.

Это очень тихий район, и, должно быть, все его обитатели сейчас на работе, потому что на улице ни души. Я иду вдоль домов, поглядывая на окна первых этажей. Надеюсь, что меня никто не увидит, а то будут проблемы. Но у меня их уже столько, что меня это не очень волнует.

И вот я замечаю впереди темно-синий «Приус» и от неожиданности вскрикиваю. У машины другой номер, не тот, который я видела возле брокерской конторы. За спиной раздаются шаги, кто-то хватается за меня, зажимает рот, бьет по голове, и все погружается во тьму.

Глава тридцать вторая

Николь

Пять дней назад

Когда Николь вошла в дом, было тихо. И у нее на душе впервые за долгое время тоже стало спокойно. Никаких спутанных мыслей, паника не сдавливает грудь. Она придумала, как решить проблему, и поэтому чувствовала себя хорошо.

— Ники! — крикнула Тесса. — Мы в гостиной!

Она вошла в комнату и увидела, что Куинн спокойно лежит на руках у Тессы. Наверное, когда подруга повзрослеет и заведет семью, она будет отличной матерью. Но сейчас она этого не хочет, и нужно уважать ее позицию.

Николь протянула руки к дочери, Куинн открыла глаза и заулыбалась.

— Привет, милая! — сказала она.

Ее сердце было наполнено любовью, которую может чувствовать только мать, поставившая счастье ребенка выше своего собственного.

— Как массаж? — спросила Тесса.

Николь ответила, легонько подбрасывая девочку:

— Прямо меняет жизнь.

— Я рада. Ты выглядишь по-другому. Выглядишь... отдохнувшей. Куинн просто ангел.

На диване лежала книжка «До свидания, луна». Любимая детская книга Николь. Отец читал ее на ночь, и они вместе желали доброй ночи луне и звездам, глядя на небо из окна. Николь отогнала воспоминание...

— Пойдем на кухню. Я заказала ужин в новом вегетарианском кафе, которое бесит Люсинду, — сказала Тесса.

На кухне Николь вдохнула свежий аромат лимона. Все ее чувства вдруг обострились. Тесса, конечно же, навела порядок. Грязная посуда исчезла, все поверхности сияли чистотой. Это жилище, на дизайн и обстановку которого она потратила столько времени, должно было подходить им с Грегом. Но какое значение все это имело теперь? Никакого. Она уже не чувствовала себя здесь дома.

Николь крепко обняла обеих: Тессу и прижавшуюся к ее груди Куинн. Тесса удивилась:

— Это с чего бы вдруг, а?

— Ты просто ангел. Ты прекрасный друг. Я ведь никогда по-настоящему тебя не благодарила. А ты всегда помогала мне на работе, была моей правой рукой. Выручала меня во время панических атак и всегда держала слово, никому ничего не рассказывала, — ее голос дрогнул. — Ты моя лучшая подруга, Тесса. Всегда помни об этом.

Тесса подошла и осторожно стерла слезинку со щеки Николь.

— Эй, и ты моя подруга. Боже, ты же никогда не бываешь сентиментальной. Этот массаж творит чудеса! — она засмеялась, улыбка осветила ее красивое лицо. — Чего же не сделаешь для того, кого любишь!

Тесса вскоре ушла, и Николь закрыла за ней дверь, понимая, что видит свою лучшую подругу в последний раз. В воздухе висел аромат сандалового дерева — так пахли духи, которыми всегда пользовалась Тесса. Николь поставила сигнализацию, заперла дверь и дернула ее пять раз. Ей нужно было беречься и от Донны, и от своих собственных страхов, чтобы ничто не помешало ей осуществить свой план. Она держала Куинн на руках, мысленно передавая ей любовь, надежды и мечты.

Но еще не время. Нет, сначала нужно оформить все по закону. Сидя на диване, Николь ждала сообщения, которое должен был прислать адвокат, когда окажется на пороге ее дома. Она сказала ему, что звонок может разбудить Куинн. «Никогда не буди спящего ребенка», — вспомнила Николь и снова заплакала.

Быстро вытерев слезы, она впустила Рика в дом. Увидев ее, он явно удивился:

— Выглядите измученной. Хотя, наверное, в этом нет ничего странного. Моя жена все еще без сил, хотя наши дети уже в колледже.

Николь улыбнулась, надеясь, что Рик не заметит, какой натянутой получилась эта улыбка. Но адвокат,

как обычно, сразу же перешел к делу. Они сели в столовой, и он достал из глянцевого коричневого портфеля бумаги.

— Как мы обсудили по телефону, раз я стала матерью, мне необходимо привести свои дела в порядок.

— Конечно же, — ответил он. — Весьма разумный подход. Многие забывают об этом, но очень важно иметь сценарий действий на черный день. Само собой, надеясь, что он не наступит.

— Да, именно так, — согласилась Николь. — Я хочу знать, что, если со мной что-то случится, Куинн будет в безопасности.

— Очень красивая малышка, — сказал адвокат, улыбаясь девочке. — Вы сказали, что хотите назначить нового опекуна для распоряжения долей Куинн? Вы уверены, что Грег не попытается это опротестовать? Вы ведь не разведены.

Николь погладила смуглую шейку Куинн.

— Он нас бросил, потому что не хотел этого ребенка. Он может видаться с ней, но я не хочу, чтобы он был ее опекуном или распорядителем ее имущества.

Брови Рика поднялись от удивления.

— Хорошо. А ваша добрая знакомая Морган Кинкейд готова взять на себя эту ответственность, если понадобится?

Николь кивнула.

Она пригласила в свидетели соседку Мэри. Рик не возражал. Вскоре они оформили документы, и Мэри поспешила домой. Николь держалась как могла и терпеливо ждала, пока Рик соберет все бумаги и попрощается.

Итак, дело сделано.

Ее как будто жгло изнутри раскаленным железом, пришлось выпить две таблетки, чтобы заставить себя сесть за компьютер. Пока она писала сообщение, ее руки дрожали. Она очень хотела, чтобы Морган поняла ее.

***Потерянная-в-смятении:** Ты заслуживаешь ребенка. Ты очень добрая. Однажды, скоро, ты станешь прекрасной матерью. Я уверена в этом.*

Она смотрела на экран, ожидая ответа. Прошел час, но сообщение так и не пришло. Куинн заснула, положив голову на плечо матери. Девочка тихо вздыхала во сне, и ее дыхание щекотало шею Николь.

— Я люблю тебя, Куинн. Больше, чем кого-либо другого на этом свете. Больше, чем саму себя, — прошептала Николь. — Я очень сильно люблю тебя и поэтому должна отпустить.

Глава тридцать третья

Морган

Среда, 9 августа

Я лежу на боку, лицом на холодном каменном полу. Повернув голову, чувствую резкую боль. Медленно сажусь, перед глазами все плывет. Трогаю затылок, там большая шишка, потом смотрю на свои пальцы. На них кровь.

Глаза постепенно привыкают к темноте. Я в каком-то доме, в гостиной, судя по дивану и телевизору на противоположной стене. В соседней комнате кто-то есть, я слышу странный свистящий звук, потом топот бегущих ног. Подняв голову, вижу, что из задней двери выскакивает рыжеволосая женщина и захлопывает ее. На часах, которые висят над телеэкраном, два пополудни.

Где же я? Кто выбежал из дома?

Я пытаюсь встать, но тело отказывается повиноваться. Тут я вдруг понимаю, что от какого-то едкого запаха у меня слезятся глаза. В воздухе висит дым, он идет из кухни, откуда только что убежала рыжая.

Вдруг сквозь серую завесу я различаю очертания тела. Человек лежит возле ступеней, ведущих наверх. Лежит лицом вниз и не шевелится. Дым становится все плотнее. Я подползаю к человеку, потому что не могу подняться на ноги, и поворачиваю его голову к себе.

— Грег! — вскрикиваю я и начинаю кашлять от дыма. Глаза жжет. Он не реагирует, я щупаю его шею, чтобы найти пульс, и с облегчением чувствую его под своими пальцами. Значит, мы в доме Грега. Но раз он лежит на полу без сознания, то где Куинн?

Я хватаю мужчину и тяну к себе, но он слишком тяжелый.

— Где Куинн? Где Куинн? — кричу я, и дым тут же заполняет горло.

Падаю на живот и зажимаю рот рукой. В голове вдруг всплывают воспоминания о том, как родители учили меня вести себя при пожарной тревоге. Надо припасть к полу, потому что дым идет наверх. Я вижу в соседней комнате пламя. Времени мало. Я взбираюсь на ступеньки, чтобы добраться до второго этажа. Куинн может быть там.

Я слышу треск пламени, огонь начинает пожирать все на своем пути. От жара я вся вспотела, пот заливает мне глаза. Наконец, вцепившись в перила, я с большим трудом встаю.

— Куинн! Куинн! — кричу я.

Из-за дыма мне ничего не видно.

— Надо выбраться! — я узнаю голос Бена, но не вижу его самого.

— Где Куинн? — ору я.

— Не знаю! Нам надо выбраться из дома!

Из кухни доносится звук взрыва, и большая балка падает туда, где лежит Грег. Пламя лижет стены. Я бегу вниз и хватаю Мэркема за ногу. Внезапно у меня появляются силы. Мне становится легче, и я понимаю, что Бен взял зятя под руки. Мы вместе пробираемся в дыму к выходу из дома, открываем дверь и кладем Грега на траву.

Вдали слышен вой сирен.

Даже здесь, на воздухе, я почти не могу дышать. Бен падает на спину и хватается ртом воздух. Но я бегу в дом. Огонь уже всюду, я знаю, что могу погибнуть, но не могу оставить Куинн. Если она в доме, нельзя дать ей погибнуть. Снова упав на живот, я продвигаюсь вперед. Вдруг кто-то хватается меня за руку, поднимает легко, как перышко, и тащит на себе из дома. Только когда я уже лежу на траве, я понимаю, что это Бен вынес меня. Он стоит надо мной и повторяет мое имя, а позади него я вижу пожарных, разматывающих шланги.

— Можешь дышать? — спрашивает он.

— Все в порядке, — отвечаю я, кашляя, и слышу, что говорю как-то странно.

В этот момент появляется бригада скорой, и мне надевают на лицо кислородную маску. Содрав ее с лица, я хриплю:

— Где Куинн?

Из окна второго этажа падает рама, языки пламени вырываются наружу. Пожарных стало еще больше.

— В доме ребенок! — кричу я. — Спасите ее, пожалуйста, спасите!

— Мы знаем, мэм, они делают все, что могут, — говорит мне медбрат.

Я смотрю на черное от сажи лицо Бена. Мое сердце разбивается на миллион осколков.

Медбрат помогает мне встать и держит мою сумочку:

— Это ваша? Как вас зовут?

— Морган Кинкейд.

Бен стоит рядом, его тоже осматривают. Другие медики занимаются Грегом.

— Мэм, мы отвезем этого человека в больницу. У него серьезное отравление дымом, ожоги руки и ног. Вы знаете, кто он?

— Его зовут Грег Мэркем. Прошу, дайте мне с ним поговорить!

Не дождавшись ответа, я бросаюсь к Грегу, хотя медбрат кричит:

— Мэм! Пожалуйста!

Я падаю на землю рядом с Грегом:

— Где Куинн?!

Глаза Мэркема открыты. Он узнаёт меня. Он стонет, сдвигает с лица кислородную маску и с трудом шепчет:

— Она забрала ее.

— Что?

— Она все это устроила. И забрала Куинн...

— Грег, — спрашивает Бен, подойдя к нам, — Мелисса забрала Куинн? Ты это хочешь сказать?

Мэркем не может больше ни дышать, ни говорить. Надев маску, он мотает головой.

Тут Бен обнимает меня за плечи, и я даю волю слезам. Пожарные борются с огнем, и наконец пламя сдается, и только черный дым поднимается к небу. Двое пожарных выходят на улицу, они несут носилки. Когда они подходят к нам, я вижу, что на них лежит рыжеволосая женщина в кислородной маске. Это Мелисса.

Мы с Беном подбегаем к ней.

— Где Куинн? — спрашиваю я. — Она в доме?

— Нет, — хрипит она, — ее нет.

— Что это значит?!

Меня пронзает ужас.

— Тесса, — говорит Мелисса, хватая ртом воздух, — это она! Она забрала Куинн.

Мы с Беном лежим рядом на каталках в отделении скорой помощи Северо-Западной мемориальной больницы. У нас взяли кровь на анализ, проверили пульс, и теперь мы ждем рентгена грудной клетки. У меня болит голова, горят легкие и саднит горло из-за того, что я надышалась дымом и кричала. Но я думаю только о том, как найти Куинн.

Я приподнимаю кислородную маску. Говорить больно, но я не могу молчать.

— Скажи правду, это ты подсадил Николь на лекарства? Ты же принес его ей домой! Тебе нужны ее деньги для больницы? Это ты подставил меня?

Бен открывает рот от удивления:

— Ты спятила?!

Он хватается за живот.

— Почему ты не сказал мне, что Николь оставила тебе деньги на больницу? Когда ты об этом узнал?

— Я никогда не просил у нее денег. Откуда у тебя такие мысли? Я не без причины работаю в бедном районе. На следующее утро после ее смерти мне позвонил ее адвокат. Мне стало плохо. Боже, она думала, что это все, что мне от нее нужно... Но я просто хотел быть частью ее жизни! А теперь я хочу, чтобы все было в порядке с Куинн. Я потерял сестру, больше потерь я не вынесу.

Из-под его маски текут слезы.

Мой гнев рассеивается, и я дотрагиваюсь до его руки:

— Ты спас мне жизнь.

— А ты спасла меня. И побежала в горящий дом за Куинн. И оттолкнула нас тогда, чтобы убийца нас не сбил. Пора нам уже довериться друг другу. Это все, что у нас теперь есть.

По моему лицу текут слезы, в голове стучит. Он сжимает мои пальцы, я отвечаю тем же. Жизни, погубленные жизни... Тесса забрала Куинн. И мы не знаем, где они.

Подняв глаза, я вижу Джессику, ее платье в красно-синюю полоску. Она пробирается через приемный покой с телефоном в руке. Увидев нас, она останавливается и оглядывает меня с ног до головы.

— Я выехала тут же, как ты позвонила, но проблемы просто ужасные. Ты уже была у врача?

Я отпускаю руку Бена и приподнимаю кислородную маску.

— Пока только анализы взяли. Мартинес в курсе? Куинн не нашли?

— Мартинес знает про пожар, она приехала, когда вас увезли в больницу. Она пытается найти Тессу. И ты больше не подозреваемая, Морган.

Я не смею поверить в это.

— Теперь мы знаем, как ты связана с Николь. На сайте «Возможно, я мама» ты разместила пост о том, что хочешь усыновить ребенка. Николь писала тебе сообщения, а ты ей отвечала. Все эти сообщения были найдены в твоём аккаунте на жестком диске телефона. Проверили компьютер Николь, её жесткий диск, и нашли тебя по сообщениям. У неё был ник Потерянная-в-смятении.

О господи! О господи, тот сайт! Я смотрю на Бена. Все встает на свои места. Потерянная-в-смятении!

— Да, теперь я вспомнила. Мы никогда не виделись, но между нами установилась связь. Но этого же недостаточно для того, чтобы отдать мне опеку над Куинн. Я даже не знала, что она из Чикаго, не говоря уже об имени. Ей было так одиноко!

Как и мне. Но я оттолкнула её.

— Вот именно по этой странной причине ты больше не подозреваемая. Шестого августа Николь пришло сообщение от кого-то, как будто бы от тебя. Николь писала, что хочет отдать тебе ребенка, и П. -из-Чикаго согласилась. Она написала, что встретится с Николь завтра на станции

«Гранд-Стейт». Но только твой ник — Печальная-из-Чикаго, а не П. -из-Чикаго. Вот такой прокол.

Значит, мы все-таки были знакомы с Николь, я даже чувствовала к ней симпатию. И это я, именно я подвела ее.

— Боже, она ведь тянулась ко мне! Она спросила, как меня зовут! А я испугалась и спряталась, перестала отвечать на сообщения. Если бы я ей ответила, возможно, она бы...

Джессика прикасается к моей щеке, я чувствую тепло ее пальцев:

— Перестань, Морган. Ты не сделала ничего плохого. Кто-то взломал твой аккаунт.

Телефон Джессики звонит, она слушает, потом протягивает его мне:

— Морган, с тобой хочет поговорить Мартинес.

— Зачем? — качаю я головой. — Я не хочу с ней говорить! Она все поворачивала так, будто я виновата. Может, и сейчас думает, что я замешана в смерти Николь.

— Пожалуйста, Морган, — просит Джессика, — тебе нужно это услышать.

Бен придвигается на своей каталке и наклоняется ко мне:

— Поговори с ней. Я здесь, рядом с тобой, и я тебе верю.

Тогда я киваю Джессике, и она отдает мне телефон. Я сразу включаю громкую связь.

— Морган, простите, что все так сложилось, мне очень жаль. У вас есть мысли по поводу того, что могла сделать Тесса?

Можно торжествовать, но этому мешает страх за Куинн.

— Даже не представляю себе, — отвечаю я. — Мне известно только то, что она была лучшей подругой Николь и работает в «Дыхании». Я не знаю, почему она забрала Куинн. Вы должны найти ребенка.

— Погоди, — сипит Бен и жестом просит меня придвинуть телефон к нему, — о рыжей журналистке нам рассказала Донна. Может быть, они с Тессой заодно, тогда они вместе сейчас. И Куинн у них.

— Я видела, как рыжая женщина маленького роста выскочила из дома Грега через заднюю дверь как раз перед тем, как все загорелось. Теперь мы знаем, что это не Мелисса. Возможно, они у Донны, в Кеноше.

Я сажусь на каталке, готовая нестись туда.

Узнав адрес, Мартинес говорит:

— Я сейчас же выезжаю туда. А вы оставайтесь на месте.

Джессика, опустив телефон в карман, добавляет:

— Вам обоим нужно ждать доктора. Это все, что вы сейчас должны делать. Я буду держать вас в курсе.

Погладив меня по ноге, она уходит.

Мы с Беном остаемся одни среди множества больных и раненых. Нам плохо, синяки и ссадины

болят, но мы не сломлены. Мы будем сломлены, только если не найдем Куинн.

— Нам надо ехать, Бен, — говорю я.

Он достает телефон.

— Ладно, сейчас я нас отсюда вытащу.

Мы вернем Куинн, даже если это будет последнее, что мы сделаем в своей жизни.

Глава тридцать четвертая

Николь

Седьмое августа

— Ты мое солнышко, мое единственное солнышко. Пожалуйста, не отнимайте мое солнышко у меня! — пела Николь, держа на руках Куинн. Лампа от «Тиффани», стоявшая рядом с диваном, освещала личико девочки золотистым светом. — Я люблю тебя, моя малышка. Ты отправишься в безопасное место, где никто не причинит тебе вреда.

Она поступает правильно. Отдать ребенка — это правильно, но как же больно!

Совет директоров «Дыхания» прислал ей письмо с предложением уйти в отставку и продать акции за приличную сумму. Николь бросила это письмо в мусорную корзину. Она не позволит никому отнять «Дыхание» у ее дочери. Сегодня все узнают, что Куинн всегда будет частью этой компании. Николь тщательно проверила все детали.

Она перечитала сообщение, которое вчера пришло от Морган.

П.-из-Чикаго: Я так давно хочу ребенка, и я приму твое предложение. Встретимся завтра внизу на станции «Гранд-Стейт» в 17:30. С благодарностью, Морган Кинкейд.

Николь улыбнулась. Все хорошо, и все идет как надо.

То, что она сделает, гораздо важнее построенной ею бизнес-империи. Она станет настоящей матерью для своего ребенка. Это станет лучшим поступком в ее жизни. Она еще не знала, что будет делать после того, как отдаст Куинн в руки Морган. Она убежит, исчезнет. Это самое главное.

Она тихо сидела, охраняя мирный сон Куинн. Когда девочка проснулась, она искупала ее в детской ванночке, бережно вымыла ей шейку и ножки, волосики, которые всегда смешно топорщились. Малышка радостно хлопала по воде, не подозревая, что вот-вот произойдет. Дочь не запомнит ее, но Николь постаралась вложить в свои действия всю огромную любовь к этому крошечному существу, которое стало для нее всем.

Время шло быстро, а не тянулось, как обычно. Вот уже настала пора выходить. Она пошла приготовить смесь для Куинн. Проходя мимо тостера, увидела в никелированной поверхности свое искривленное отражение и подумала, что оно идеально соответствует ее нынешнему состоянию.

Вдруг на «Гранд-Стейт» кто-нибудь узнает ее? Николь положила Куинн в шезлонг, взяла с деревянной подставки кухонные ножницы и стала обрезать свои

красивые черные волосы, которые никогда раньше не стригла. Она кромсала и кромсала их, пока лезвия не начали царапать ей голову.

Теперь она стала совсем не похожа ни на Николь Мэркем, ни на Николь Лейтон.

Она пошла в кладовую и посмотрела на стену, оклеенную фиолетовыми листочками, которые так и не помогли ей понять, что происходит.

«Карточка с именем». «Рыжая». «Пропавшие таблетки». «Письмо». «Мобиль». «Дверь». «Разбитая люстра». «Фотография». «Коробка». «Записка». «Больше нет сил». «Помоги мне». «Приют». «Вдова». «Морган Кинкейд».

Она добавила на стену еще одно слово: «Мать».

Сегодня годовщина смерти Аманды, и это последний день, когда Николь видит свою дочь. Она готова попрощаться.

Глава тридцать пятая

Морган

Среда, 9 августа

Бен и я вышли из больницы на освещенную солнцем улицу. Мы уже можем дышать без маски, легкие очистились. Идти все равно трудно, но мы полны решимости найти Куинн, хотя не знаем, куда ехать и что нам делать дальше. На такси добираемся до наших машин, оставленных на улице Норд-Эстор возле дома Грега, который превратился в руины.

— Что нам теперь делать? — спрашиваю я.

Бен пожимает плечами:

— Думаю, ждать звонка Мартинес или Джессики.

И тут же у него звонит телефон. Мы оба подсакиваем. Он выхватывает его из кармана:

— Это Мартинес.

Мое сердце, кажется, вот-вот выскочит из груди.

— Детектив, вы на громкой связи, — сообщает Бен, глядя мне прямо в глаза.

— Я была у Донны, — говорит Мартинес, — в доме ее нет. Но на кухне странный алтарь в честь Аманды и Николь. Там колыбелька, над ней мобиль

с бабочками, детское платье, вырезки из газет с некрологом. Дверь была не заперта. Но «Шевроле» Донны стоит возле дома, — она на мгновение замолкает. — Даже не знаю, как сказать... На входе есть кровь, видны следы борьбы. Если вы можете предположить, куда поехала Донна... Надо действовать быстро.

— Нет, нет, нет! — плачу я, но тут же вытираю слезы. Сейчас нет времени жалеть себя или бояться. Я хватаю Бена за руку. — Куда Донна может поехать? Если она захватила Тессу и Куинн, где она спрячется? — не успевает он ответить, как меня осеняет. — У Николь дома! Если Донна установила шпионские приложения на ее телефон и компьютер, она может попасть в дом. Или ее пускала Тесса. Это очень хорошее укрытие, ведь никому в голову не придет там искать!

— Ладно, я еду туда, но это займет какое-то время. Держитесь. И оставайтесь там, где вы сейчас, — Мартинес вешает трубку.

Мы в пяти минутах езды от дома Николь.

— Мы приедем туда быстрее, — говорю я. Бен колеблется. — Ради Куинн!

Прыгаем в его «Алтиму» и летим по Вест-Норд, оставляя за собой улицы, пока наши тормоза не визжат на Норд-Стейт, нарушая тишину шикарного района. Когда мы поворачиваем на Ист-Белвью, у меня начинает дергаться мышца на ноге. Сдернув с себя ремень безопасности, я хватаю из сумки перцовый баллончик. Мы выходим из машины и бежим к дому

Николь. Но на подъездной дорожке Бен хватает меня за руку, не давая постучать в дверь:

— Погоди. Надо действовать осторожно. Если там Донна с Куинн и Тессой, нельзя ее спугнуть.

Вырываю руку. Если Донна что-то сделала с Куинн, я схвачу ее за горло и буду давить изо всех сил. Но вообще-то он прав.

— Давай обойдем дом и заглянем в окна, — предлагаю я.

На цыпочках мы крадемся туда, пригнувшись, когда проходим около раздвижной стеклянной двери. На втором этаже — небольшая терраса, ее двери открыты. Слышен детский плач.

Подняв голову, я вижу рыжую женщину, которая стоит спиной к нам, держа на руках Куинн. Она выходит на террасу и вплотную приближается к перилам. Здесь высоко, почти семь метров, и я инстинктивно выставляю вперед руки, чтобы поймать Куинн, если она упадет.

Женщина поворачивается.

Это не Донна.

Это Тесса в рыжем парике.

Мы с Беном бежим к входной двери, но она заперта. Я мечусь в поисках другого входа. Цепляясь за ветки кустов и скользя на камнях, бегу к боковому фасаду и замечаю двухстворчатое окно. Со всей силы ударяю в стекло локтем, но оно остается невредимым, ни трещинки. Бен спешит ко мне и начинает молотить по стеклу кулаком, даже не прикрыв его ничем, пока на землю не начинают сыпаться осколки. Он подсаживает меня в окно, потом забирается сам.

Мы в туалете.

— Пойдем, — говорю я одними губами.

Он кивает и становится передо мной, с его руки капает кровь. Мы идем в спальню на втором этаже.

Зайдя туда, мы замираем. У стены скорчилась рыдающая Донна. Руки у нее связаны, а на шее алеет большой кровоподтек. На полу валяется рыжий парик, рядом — открытый пузырек с таблетками.

— Это не я! — шепотом говорит Донна.

— Не двигайтесь! — произносит голос позади.

Мы с Беном оборачиваемся. Там стоит Тесса, ее светлые волосы растрепаны. Она крепко-крепко прижимает к себе Куинн.

— Станьте спиной к стене, рядом с Донной, — командует она.

Мы с Беном очень медленно подходим к дрожащей Донне. Она смотрит на нас, ее голубые глаза полны слез, боли и раскаяния.

Мы делаем, как велела Тесса. Я чувствую, что Бен дрожит. Я смотрю на Куинн и в ее синих глазах вижу страх.

— Что ты хочешь сделать с Куинн, Тесса? — спрашивает Бен, наклонившись вперед.

Тесса с блаженной улыбкой подходит к открытой двери, ведущей на террасу.

— Я ее спасу. Полиции я расскажу, будто Донна преследовала Николь за то, что та убила Аманду. Я нашла Донну здесь, но слишком поздно. Передозировка. Куинн была одна и плакала, — лицо

женщины спокойно, но глаза безумны. — А потом тетя Тесса получит опеку над ней.

Донна, упав набок, стонет:

— Я во всем виновата. Это она — та журналистка. Простите меня...

Я смотрю на пузырек с таблетками. На нем имя Николь. Трогаю Бена за руку и показываю глазами на таблетки.

— Что там за лекарство, Тесса? — спрашивает он очень спокойно.

Она пинает баночку ногой, пара таблеток выскакивает на пол.

— А тебе лучше знать, Бен. Это ты принес их Николь.

Он смотрит на круглые белые таблетки и вдруг ахает:

— Это не «Ксанакс», который она просила. Это «Золпидем», сильное снотворное. Николь никогда не требовалось снотворное.

— Однако все узнают, что она послала тебе сообщение и попросила принести ей «Ксанакс», а ты принес «Золпидем». Таблетки так похожи... Однако врач мог бы заметить разницу. А если уж он захотел бы превратить сестру в параноика...

— И спровоцировать самоубийство, — добавляет Бен с плохо скрываемой яростью в голосе.

— Какая жалость, что у Николь уже было паническое расстройство! Эти таблетки просто довели ее до края. Буквально.

Куинн свешивается у нее с руки, и шейка девочки опасно откидывается назад.

— Это ведь ты отправила сообщение с телефона Николь, не так ли? Чтобы я забрал выписанное лекарство, — говорит Бен.

Я вонзаю ногти в ладонь до крови. Если бы просто отнять Куинн у Тессы!

— Ты подменила таблетки, — с отчаянием констатирует он.

Тесса рывком прижимает Куинн к груди, малышка хнычет.

— А ты хоть что-нибудь когда-нибудь сделал для Николь, Бен? Ничего. А я? Как ты думаешь?

Он молчит. Я смотрю на рыжий парик, валяющийся на полу, и вспоминаю ужас в глазах Николь тогда, на платформе. Вспоминаю, как она оглядывалась по сторонам, боясь увидеть ту, которая угрожала им с Куинн.

— Ты преследовала Николь, притворяясь Донной или Мелиссой? — осторожно спрашиваю я.

— А ты-то уж и подавно не имеешь права задавать мне вопросы, — шипит Тесса, — ты вообще никак не связана с Николь. Это я должна была стать заместителем генерального директора. Николь никогда не предлагала этого мне, не давала мне право голосовать. Это я должна была получить Куинн! И акции «Дыхания» должны быть моими!

Детский плач терзает мне сердце.

— И что это за чертова мать, которая доверяет ребенка незнакомке?

Та, что не доверяет никому, кого любила. Та, у чье-го мужа была любовница. Та, что принимала лекарства, вызывающие депрессию и паранойю.

Мой голос дрожит, но я все-таки спрашиваю:

— Ведь Грег не спал с Мелиссой?

— Николь стоило обращать больше внимания на своего мужа. Я просто помогла ему.

Она опять сплющивает Куинн, бедный ребенок не прекращает рыдать.

Итак, у Грега был роман с Тессой. Но причастен ли он к смерти Николь?

Однако тут становится не до расспросов: вновь застонав, Донна пытается встать, и Тесса пинком сбивает ее с ног. Я сдерживаю крик, страх приковывает меня к стене. Я чувствую прикосновение Бена и беру его за руку. Если бы достать баллончик из сумочки... Но Тесса увидит, она успеет ударить меня до того, как я это сделаю.

Мне страшно, но все-таки я продолжаю говорить с ней:

— Тесса, мы знаем, что П.-из-Чикаго — это ты.

Она поворачивается и смотрит на меня. В ее взгляде, кажется, не осталось ничего человеческого.

— Но винят всегда мужа, ведь так? У Грега был доступ к компьютеру и телефону Николь. А он мертв.

— Нет, он жив, — вставляет Бен.

Тесса вздрагивает, ошарашенная этой новостью.

— Грег все нам рассказал, Тесса, — вру я, — и копам тоже. Они в любую минуту могут появиться здесь.

Куинн продолжает плакать, и Тесса встряхивает ее:

— Заткнись!

— Все кончено, Тесса. Бежать некуда, обвинить некого... — Бен делает шаг вперед.

Она тоже придвигается к нам. И переложив Куинн на одну руку, другой лезет в задний карман и достает маленький серебристо-черный пистолет.

У меня перед глазами все плывет, и я делаю усилие, чтобы сосредоточиться.

Я вижу Райана, лежащего на полу в луже крови.

Бен замирает рядом со мной.

Тесса направляет на нас пистолет.

Мне кажется, что вдалеке слышен вой сирен.

Глаза Тессы будто остекленели, она машет пистолетом и случайно задевает висок Куинн.

И тут меня накрывает волной адреналина. Я чувствую себя такой смелой, как никогда.

— Нет! — бросившись на Тессу, я вырываю у нее ребенка, и в ту же секунду грохает выстрел.

Донна кричит. Бен наваливается на Тессу и прижимает ее к полу. Пистолет падает на пол. Она тянется к нему, но Бен ногой отбрасывает его подальше.

Я рухнула бы без сознания, но не могу: на руках у меня Куинн.

— Ты со мной, малышка. Ты в безопасности, — шепчу я и обнимаю девочку, чувствуя, как ее лицо прижимается к моей груди, там, где бешено колотится сердце.

Бен держит Тессу. На лестнице раздаются шаги. Повернув голову к двери, я вижу, как в комнату бежит Мартинес с отрядом полицейских. Я смотрю на Донну, она скорчилась на полу, под ней на кремовом ковре пятна крови. Пуля пробила ей ногу.

— Все на пол! Сейчас же! — приказывает Мартинес.

Я оседаю на пол, держа вопящую Куинн. Бен тоже слушается, а Тесса пытается встать, но Мартинес прижимает ее коленом к полу:

— Не вздумай двигаться! — и детектив подзывает полицейских, которые надевают на Тессу наручники.

— Это все Тесса, это она во всем виновата! Она выстрелила в Донну, той нужна «скорая», — говорит Бен.

— Ладно, — соглашается Мартинес и произносит несколько слов в рацию, которая висит у нее на плече.

В комнату вбегают люди, то ли полиция, то ли медики, и опускаются на пол около Донны.

Мартинес переводит взгляд с Бена на меня, а затем помогает мне встать. Я чувствую ее руку на своем запястье:

— Ладно, Морган. Теперь мы знаем всё. Простите меня.

Я не могу говорить, просто укачиваю Куинн, чтобы успокоить.

— Грег сдал Тессу, чтобы выгородить себя, — говорит Мартинес, — признался, что у них был роман. Они вместе придумали план, чтобы уничтожить Николь и получить контроль над «Дыханием».

Я просто не в состоянии поверить в такое. Ведь он же отец маленькой девочки! Как он мог? А лучшая подруга? Они плели заговор, чтобы уничтожить женщину, которой клялись в любви. Мне так плохо и так жаль Николь, эту отважную мать, которая

подружилась со мной в Сети. И она оказалась права, права во всем. Она не могла доверять самым близким людям!

Полицейские выводят Тессу из комнаты. Ее лицо покраснело от гнева.

Я чувствую сильную слабость, руки кажутся налитыми свинцом. Куинн понемногу затихает. Но мне не унять дрожь. Меня бьет озноб.

Когда мы идем к выходу, Бен смотрит на крючок для ключей:

— Здесь нет ключей от моего дома, я дал копию Николь. Значит, Тесса взяла их и положила куклу в кроватку.

— Она и в мой дом сумела проникнуть, — говорю я, стуча зубами.

— Мы думаем, что она просто взломала замок на пожарном выходе. В этом здании требуется усилить меры безопасности, — замечает Мартинес.

Когда мы выходим, двое медиков выносят Донну на носилках. Бен прижимает меня к себе. Так мы и стоим, словно защищая Куинн от всех бед.

Тессу сажают в полицейскую машину, Донну заносят в «скорую», тут же приезжает еще одна, куда садимся мы. Осмотрев Куинн, врач говорит, что с ней все в порядке, она просто напугана.

— Возьмите, — он протягивает девочку мне и принимается за руку Бена.

Напротив меня, сгорбившись, опускается Мартинес.

— Грег сказал, что Тесса была на платформе в тот день, когда Николь умерла? — спрашиваю я. Мне нужно знать всю правду.

— Я не успела спросить его об этом, — отвечает она. — Мэркем признался, что они с Тессой придумали план, чтобы быть вместе, но он не знал, как далеко она готова зайти, и волновался за Куинн. Рассказав это, он умер от острого респираторного синдрома.

Я снова плачу. Столько бессмысленных утрат! Бен обнимает меня, и слов не нужно. Куинн с нами, она там, где должна быть.

— Вы вмешались в расследование и поставили себя под угрозу, — говорит Мартинес.

Во мне поднимаются гнев и негодование, но я не успеваю ответить, потому что детектив продолжает:

— Зато спасли Куинн, Бена и себя. Может, вы вели себя и не слишком мудро, но очень смело, — она улыбается одними губами и добавляет: — Однажды вы станете чудесной матерью.

У меня в горле стоит ком, и я киваю и тихо говорю:

— Да, однажды так и будет.

Глава тридцать шестая

Николь

Седьмое августа

Николь надела на Куинн чистый комбинезон и завернула дочку в плюшевое желтое одеяльце, доставшее ей от собственной матери. Она спала под ним, когда ее родители погибли. Теперь у ее девочки будет особенная вещь, сшитая ее бабушкой. Ножки Куинн торчали из свернутого одеяльца. Надевая белые носочки на маленькие пальчики, Николь глотала слезы.

Прощаться всегда трудно.

Морган не повторит роковую ошибку Николь. Она не положит одеяльце в колыбельку...

Донна всегда включала кондиционер, потому что где-то прочитала, что дети должны спать в прохладе. Но в комнате Аманды в тот день было слишком прохладно.

Николь накрыла уснувшую малышку одеяльцем, проследив, чтобы оно оставалось ниже ее лица. Потом уснула на диване, а когда проснулась, пошла посмотреть, как там Аманда. Одеяльце закрывало

ее личико. Николь сдернула его и взяла Аманду на руки, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Но это было не так. Аманда умерла. И виновата в этом была Николь.

До того как позвонить Донне и в скорую, она затолкала белое одеяльце в ящик, а потом стала ждать кары, которую заслужила. Но когда пришли результаты вскрытия, там был указан только синдром внезапной остановки дыхания.

Николь никому не рассказала про одеяльце. Но всегда была уверена, что Донна знает. Даже когда нет доказательств, мать всегда знает правду.

Почти двадцать лет это одеяльце душило Николь. Непонятно, умерла Аманда от апноэ или от того, что задохнулась.

Николь закрыла глаза и увидела фиолетовые огоньки чакры третьего глаза. Она сдалась неизвестности и приняла то, что никогда не сможет узнать.

Но как бы ни была Николь осторожна с Куинн, она никогда не перестанет бояться за ее жизнь.

Николь поставила бутылочки со смесью в модную сумку для подгузников и повесила ее на плечо, взяла Куинн, открыла засов на двери и включила сигнализацию, хотя это уже не имело значения.

Они приехали на станцию «Гранд-Стейт» в семнадцать пятнадцать. Сейчас, когда все на самом деле должно было произойти, сердце бешено колотилось от волнения.

— Ты — лучшее, что случилось в моей жизни, — сказала Николь своей дочке.

Она стала искать в сумке телефон, чтобы проверить время, и увидела, что сверху лежат клейкие листочки.

Морган ведь никогда не увидит стену с записками в ее кладовой. Она может никогда не узнать об опасности, которая грозила Куинн. А если Донна действительно способна на месть, Николь должна предупредить Морган. Было почти семнадцать двадцать. У нее оставалось совсем мало времени, и вот, впервые за двадцать лет, она написала имя Аманды.

Николь заплатила за билет и стояла возле эскалаторов, ведущих к платформе. Лифт не работал. Посмотрев вниз, она вдруг представила, как ребенок падает и разбивается, и от испуга у нее потемнело в глазах.

Куинн захныкала. В груди Николь вспыхнул ужас. «Пожалуйста, не плачь. Не привлекай к нам внимания!» — взмолилась она мысленно.

Женщина, стоявшая рядом, наклонилась к Куинн:

— Какая красивая малышка! Сколько ей?

— Семь недель, — ответила Николь.

— Ох, это просто бесценно. Наслаждайтесь этим временем. Все так быстро проходит.

Женщина ступила на эскалатор и уехала. Николь сделала глубокий вдох и тоже поехала на платформу. Наконец она увидела Морган и так сильно прикусила губу, что пошла кровь. Сияющие черные волосы Морган каскадом спадали на спину, на ней было простое, но красивое кружевное платье. Она шла с опущенной головой, ни на кого не глядя. Теперь она увидит ее.

Николь отдаст ей Куинн.

Куинн будет в безопасности.

Морган получит то, чего так желала.

И Николь тоже.

Надо просто сделать еще пару шагов.

Вдруг Николь увидела, что из-за колонны появился, словно тень, человек небольшого роста, одетый в черные штаны для йоги и худи, капюшон которого скрывал лицо. Это Донна? Она проследила за ней?

Времени ждать больше не было.

— Я знаю, чего ты хочешь. Никому не позволяй причинить ей вред. Люби ее за меня, Морган.

Она отдала ребенка, Морган взяла. Николь немного отступила, чтобы не броситься к ней и не забрать дочку назад. Ей почудился аромат сандалового дерева. Она снова бросила взгляд на колонну.

И тогда человек, стоявший там, откинул капюшон.

Николь вскрикнула. Нет! Неужели! Неужели она все это время ошибалась?!

Поезд приближался.

Всем, кто видел, что произошло, показалось, что все случилось очень быстро. Но для Николь время замедлилось. Она увидела, что Морган бережно держит Куинн, и поняла, что эта женщина будет заботиться о малышке, любить ее. Перед тем как удариться о рельсы, Николь подумала: «Спокойной ночи, луна. Спокойной ночи, моя девочка».

Глава тридцать седьмая

Морган

Шесть месяцев спустя

— Бен, ты можешь достать те леггинсы в горошек из ящика? — кричу я.

Я меняю Куинн подгузник в детской, она лежит на красивом белом пеленальном столике, который Бен купил сразу после того, как я к нему переехала. Я заклеиваю подгузник, целую малышку в лоб и улыбаюсь, увидев, как она довольно пускает пузыри. У Куинн вылезли два передних зуба.

Ее комната солнечного желтого цвета. На стене рядом с ее колыбелькой нарисованы фиолетовые цветы, а на занавесках — месяцы. Над полкой висит фото, то самое: Николь и Бен, наряженные на Хэллоуин. Тогда старший брат заботился о своей маленькой сестренке, теперь же он заботится о племяннице, и я прохожу этот путь вместе с ним.

Поскольку Грег умер, мы с Беном смогли оформить предварительную опеку над Куинн, и я переехала к нему. Если четыре месяца мы будем хорошо справляться, нам предоставят полную опеку и мы сумеем

официально удочерить ее... Отец Куинн отказался от нее, но, дав показания против Тессы, подарил нам возможность быть родителями для девочки.

Всплыло кое-что еще. Мартинес исследовала финансовые документы Грега. Оказывается, он был клиентом Райана. Как и многие другие люди, которых уничтожил мой муж, Грег вложился в фонд и все потерял. Грег спелся с Тессой, чтобы получить акции «Дыхания», потому что у него были большие проблемы с деньгами. Николь об этом не знала. В отличие от Тессы.

Бедная рыжая Мелисса просто оказалась жертвой. Она работала на Грега всего несколько месяцев, когда Тесса сочла ее идеальной приманкой. Неопытная и молодая, она хотела только произвести впечатление на своего босса и согласилась побыть с Куинн в тот день, когда Тесса устроила пожар. Вот почему она тогда сидела в машине Грега. Кажется, физически она полностью восстановилась после того ужасного дня, но я точно знаю, что шрамы после травмы остаются в душе надолго.

Похоже, Тесса надеялась, что мы сгорим, надеялась уничтожить всех свидетелей своего предательства.

Мне все еще трудно уложить в голове то, что сделали Тесса и Грег, как далеко они зашли ради любви и денег. Хотя вряд ли то, что было между ними, можно назвать любовью. Скорее, безумием, одержимостью.

Что касается Донны, то она чувствовала себя виноватой и очень сожалела об этом. Она никогда не хотела уничтожить Николь и сознавала, что вела себя неправильно в прошлом. Николь не убивала Аманду,

и приняв это, Донна наконец смогла излечиться. Мы общаемся с ней. Она очень полюбила Куинн и радуется, когда наша малышка смеется.

Мартинес написала официальное заявление, очищающее меня от обвинений в смерти Николь. Рубцы на моей коже заживают. На юридическом факультете университета Чикаго мой случай изучают в качестве примера того, как могут подставить под ложное обвинение невинного человека. Обо мне пишут в блогах, рассказывают в подкастах. В социальных сетях все распространяется очень быстро.

После того как с меня сняли обвинения, из Майами позвонила моя мать. Мы пять минут поговорили. Пока еще я не могу простить ее, ведь она поверила, что я способна на преступление. Но все же семья есть семья. Кажется, настало время всем нам двигаться дальше.

— Бен! Пожалуйста, леггинсы! — снова кричу я.

Как обычно, он углубился в медицинскую статью и не слышит меня. Тогда я беру серые леггинсы и белую тюлевую юбку, которые надевала на Куинн до этого. Она такая красивая. Я беру ее на руки и прижимаю к себе, снова и снова удивляясь тому, что она со мной, что я мать и у меня есть ребенок, что любить ее — это мое право и моя привилегия.

Люби ее за меня, Морган. Не позволяй никому причинить ей вред.

Спустившись, я вижу, что пришла Мартинес, она стоит рядом с Беном. Первая моя реакция — ошечиниться, но она улыбается, я вижу ямочки на ее щеках.

— Что случилось? Тессу освободили? — я прижимаю к себе Куинн покрепче.

Ничего не могу с собой поделать, у меня все еще проблемы с доверием к системе, которая предназначена для того, чтобы защищать невиновных.

Тессу обвинили в убийстве первой степени — из-за Грегга — и в поджоге. Также ее обвинили в похищении и в незаконном удерживании, покушении на Донну, Бена и меня. Но не за действия, связанные с преследованием Николь. У нее нет возможности выйти под залог, и скорее всего после окончания расследования появятся новые обвинения.

— В конце концов суд назначили на июнь. Я подумала, что вы должны узнать об этом первыми, — говорит Мартинес.

У меня вырывается вздох облегчения. Но лицо Бена краснеет, он сжимает кулаки:

— Тесса убила мою сестру. И должна сесть за убийство первой степени и за многое другое.

Мартинес поправляет волосы, собранные в хвост.

— Это еще одна причина, по которой я пришла. Присядем?

Мы идем в гостиную. Я сажаю Куинн за игровой столик, который ей очень нравится, и она подпрыгивает от радости. Потом опускаюсь на диван. Бен устраивается рядом и берет меня за руку.

— Дело Николь закрыто, коронер установил, что она покончила с собой. По камерам не удалось установить, что Тесса была тогда на платформе, — детектив смотрит на Бена и продолжает: — Мы считаем,

что Николь сама прервала свою жизнь. Мне очень жаль.

Я бесчисленное количество раз смотрела то видео, стараясь обнаружить Тессу среди пятен и теней. Но видела лишь каблуки Николь, нависающие над краем платформы, и ужас в ее глазах перед тем, как она посмотрела на нас с Куинн. Потом она прыгнула.

Я нежно прикасаюсь к Бену:

— Мне так жаль...

И я обещаю себе быть с ним рядом и помогать так, как никто никогда не помогал мне. Он не виноват в смерти Николь. А я не виновата в смерти Райана. Теперь я верю в это.

Мартинес, скрестив ноги, продолжает:

— Очевидно, что Тесса с Грегом свели вашу сестру с ума. Они за это в ответе, и Тесса за все заплатит. Государственный прокурор добавил обвинение в непредумышленном убийстве, и это единственное, на что мы можем рассчитывать. Все станет ясно на суде, но я подумала, что вы заслуживаете того, чтобы узнать раньше.

Она покашливает и разглаживает на коленях неизменную черную юбку-брюки.

— Не хотите стакан воды? — спрашиваю я и еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться. Если бы год назад мне сказали, что я пущу Мартинес к себе домой и предложу ей попить, я впала бы в ступор.

— Нет, спасибо. Не хочу отнимать у вас много времени, — отвечает она, теребя воротник белой блузки. — Как вы знаете, и на машине Николь, и на

вашей стояли приборы для отслеживания по джипи-эс. Мы наконец нашли и ноутбук Тессы, который был спрятан на складе «Дыхания». Там обнаружилась копия письма, лежавшего в прикроватном столике Николь. Его отправила не Донна. Она давно перестала заниматься этой чепухой. Мы нашли также письма, отправленные с разных ящиков «Партизанской почты». И конечно, вашу переписку на форуме «Возможно, я мама» и сообщение под ником П.-из-Чикаго, которое Тесса отправила Николь. Это очень важная улика.

Улыбка Мартинес печальна. Я вздрагиваю от мысли, что смерть так близко, всегда рядом с нами.

Куинн что-то лопочет, глядя в маленькое зеркальце. При взгляде на нее меня переполняет любовь. Мы с Беном переглядываемся и думаем об одном и том же. Нам повезло. Мы счастливики.

Девочка тянется ко мне, хочет на руки. Я беру ее, и она смотрит на Мартинес.

Детектив опять улыбается:

— Она прекрасна.

— Точь-в-точь моя сестра, — говорит Бен, — а она была очень хорошим человеком.

— Хорошим человеком, который доверял плохим людям. Такое может случиться с каждым, — Мартинес почти с нежностью смотрит мне в глаза.

Я часто вижу один и тот же сон. Мы с Николь стоим на платформе. Я беру ее за руку и тяну к себе, чтобы она не упала на пути. Я прижимаю ее к себе и говорю: «Я помогу тебе». И тогда она не умирает, и укачивает

Куинн на руках, и показывает мне кого-то, кто стоит сзади. Но я никак не могу увидеть, кто это.

Мартинес уходит. Мы с Беном смотрим, стоя у дверей, как отъезжает ее машина. Воздух необъяснимо тепл для марта. Куинн у меня на руках. Крона залитого солнцем вяза — как шатер над лужайкой. Словно покров для нас всех.

Бен берет меня за руку:

— Ты счастлива?

Я чувствую притяжение, тепло и благодарность.

— Да, я счастлива, — отвечаю я, — но только ты хоть иногда опускай сиденье унитаза.

Он смеется, и Куинн следует его примеру. Как мне повезло, что они теперь есть у меня, что я жива и свободна. Наконец я узнала всю правду и больше не виню себя в смерти Райана. Наконец я узнала, что хорошие люди не всегда способны распознать зло, ведь им оно непонятно.

Я больше не буду заниматься социальной работой. Не потому, что она мне не нравится. Я решила окончить магистратуру по психологическому консультированию и в январе начну заниматься онлайн. Так я сумею получить диплом и проводить с Куинн как можно больше времени.

Бен сосредоточился на работе в «Горе Сион», где открылось новое отделение скорой помощи имени Николь Мэркем. И теперь, когда мы все вместе, он может посвятить свое время решению больничных проблем. Рентабельность больницы наконец-то поднялась выше пороговых двадцати пяти процентов для клиник, которые обслуживают всех, независимо

от наличия страховки. Это позволило Бену нанять еще троих врачей скорой помощи, трех медсестер для приемной и открыть новое помещение для неотложной помощи, чтобы сократить время ожидания и вылечить больше пациентов.

«Дыхание» пережило серьезный обвал на фондовом рынке, но Люсинда Нестлс, исполнительный председатель совета директоров, была назначена новым генеральным директором. Она призналась, что Тесса постоянно говорила, что у Николь проблемы с психикой, и чувствовала себя ужасно из-за того, что послала ей письмо с предложением об отставке, возможно, усугубив этим ее состояние. Она тоже была пешкой в игре Тессы. Люсинде удалось продать акции новым инвесторам, и, несмотря ни на что, «Дыхание» выстоит. Мы теперь вместе управляем долей Куинн. Хотя мы с Беном не эксперты по финансам, мы учимся разбираться в них, поскольку боимся доверять брокерам.

Куинн начинает извиваться у меня на руках, она всегда так делает, когда хочет, чтобы ее поставили на землю. Она теперь постоянно встает, опираясь на мебель. Мы и оглянуться не успеем, как она начнет ходить. Мы спускаемся по ступенькам на мокрую траву, и я поддерживаю нашу независимую, волевою девочку, чтобы она не упала. Потом я поворачиваюсь к Бену и целую его.

Он берет мое лицо в ладони и целует меня в ответ. Куинн отпускает мою руку, я открываю глаза. Мы с Беном смотрим на нашу дочь. Она к чему-то тянется.

Это бабочка, красивая бабочка с фиолетовыми пятнышками на крыльях. Она порхает так близко к Куинн, что вот-вот коснется ее щеки.

Потом бабочка медленно поднимается над нами и улетает.

Послесловие

На работу над этой книгой у меня в общей сложности ушло шесть лет. Столько времени потребовалось, чтобы написать, отредактировать, найти издателя и опубликовать роман. Мне помогала невероятная команда. Мои мечты никогда бы не исполнились без этих людей, и у меня наконец есть возможность поблагодарить их. Прошу прощения, если я вдруг кого-то упустила. Обещаю написать о вас в следующей книге.

Мой агент — неутомимая Дженни Бент — выудила мою рукопись из того, что я хотела выбросить, и, заглянув мне в душу, поняла, какой бы я хотела её видеть. Под чутким руководством Джени я исписала множество черновиков, и в итоге получился мой первый триллер. Моя заветная мечта сбылась, когда Дженни смогла продать мою книгу Ните Проновост из канадского отделения издательства *Simon&Shuster*. Канадское отделение *Simon&Shuster* находится в Торонто, и их офис стал для меня вторым домом. Благодаря Ните и редактору Саре Сен-Пьер — их тонкой и бережной редакции, — очень деликатно направлявшим меня, рукопись превратилась в настоящий

роман: мой голос зазвучал увереннее, а история стала стройнее. Я хотела бы, чтобы Нита и Сара были моими редакторами всегда: то, как они обращались с моим текстом, — это настоящая магия. Хочу также поблагодарить ассистента владельца издательства Кевина Хэнсона и Ниты — Софию Матурай.

Я бесконечно признательна заместителю директора по маркетингу и рекламе Фелиции Куон, ведущему координатору Джулиану Левику, ассистенту по маркетингу Александру Болстерли, заместителю директора по рекламе Рите Сильве, директору по продажам Шеру Алексу, младшему редактору Шиван Дуди, менеджеру по маркетингу Джессике Скотт, директору по продажам Майку Тёрнбуллу — за всё, что они делают, чтобы как можно больше читателей узнало о моей книге, и за то, что постоянно радуют меня. Благодарю также технического редактора Эрику Фергюсон. Все сотрудники издательства — редакторский отдел, отдел маркетинга и рекламы, отдел продаж, — как и его глава, Кэвин Хэнсон, вкладывают в работу всю свою душу!

Я чрезвычайно благодарна Саре Хорнсли из The Bent Agency — она не только помогла мне придать тексту окончательную форму, но и нашла для нее британского редактора, прекрасную Шериз Хоббс из издательства *Headline*. Для меня большая честь печататься в издательстве, которое выпустило книги многих моих кумиров. Я буквально лишилась дара речи, когда впервые увидела созданную там обложку для моего романа, потому что не могла даже

представить себе, как грандиозно это может выглядеть. Спасибо талантливому дизайнеру Каролине Янг и ее ассистенту Фейт Стоддард, гениальному и зоркому техническому редактору Пенелопе Прайс! А еще я не могу не упомянуть Джо Лиддьярда — за маркетинг в Британии, Рози Маргессон — за рекламу, Фрэнсис Дойл из отдела продаж и Ребекку Бэйдер, директора по продажам. И Рие Кьюрен, с которой мне довелось поработать не очень долго, но это был прекрасный опыт.

Я всю жизнь буду благодарна всему коллективу *The Bent Agency*, от редакторов и менеджеров по рекламе до отдела продажи прав, всем стажерам, особенно Кевину ван Уаю, агентам Молли Керр Хоун, Амелии Ходсон, Виктории Каппелло и Клер Дрейпер. Отдельное большое спасибо Сэму Броуди и Элизе Кирби за их труд.

Я благодарю зарубежных издателей за то, что они донесли мою книгу до читателей по всему миру.

В процессе работе над текстом я поняла, что мне необходимы консультации специалистов из разных областей. И теперь я хочу поблагодарить всех, кто помогал мне, за щедрость и энтузиазм. Это адвокат по уголовным делам Дональд Дж. Рэмзел, адвокат и частный детектив Трейси М. Ризо, детектив-констебль Мин Трэн, психотерапевт Митч Смолкин, доктор С. Бэзиос, доктор Элана Лавинь и служба поддержки суда округа Кук по опеке над несовершеннолетними. Если я допустила какие-то ошибки, в этом только моя вина!

Мое большое спасибо Лорен Эриксон, великолепной массажистке, способной раскрутить крендель, в который я превращаюсь, когда пишу. Именно она подсказала мне имя героини — Морган. Я бесконечно благодарна молодым матерям, поделившимся со мной своими переживаниями, которые они испытали во время послеродовой депрессии, рассказавшим мне о тревожности и о борьбе за психическое здоровье.

Мне очень повезло с самыми первыми читателями и критиками, которые давали мне бесценные советы в течение всего времени, которое я посвятила работе над романом. Это Лиза Брисбуа, Джеки Бушар и особенно Фрэнсин ЛаСала и Мередит Шорр, сумевшие одолеть сотню черновиков, Эйлин Гаудж и Лидия Лейсби, моя лучшая подруга-писатель из Торонто, чей талант меня восхищает.

Фрэнсин, Мередит и Эйлин — часть писательского «племени» под названием «Пляжные детки», куда входят также Джен Такер, Джули Валери и Джози Браун. Каждый год мы собираемся в Санта-Круз на неделю. Я ценю подруг за их феноменальную работоспособность и прекрасное чувство юмора. Они — моя семья, их нежная привязанность очень поддерживает меня.

Я благодарю своих друзей, которые со мной много лет — это Мико, Майкл, Николь, Джеймс, Дженни Зет, Катрин, Лесли, Хелен, Вал, Карен, Кристин, Каролина, Джессика, Бет, Мегги, Шерил, Эрин, Лиза, Лесли, Лора Си, Шиван, Кайли, Рейчел, Пэтти,

Саймон, Дженни Р., Кэти, Мэтт, Джен С., Деб, Лиза Джи, Мелани, Сильвия, Джон и Аманда.

Я ненасытный читатель, и моя настойчивая борьба с недостатками текста подогревалась многими писателями, чьи книги меня вдохновляют и чья поддержка для меня бесценна. Из благодарностей им можно было бы составить целую книгу. Но в первую очередь я хочу поблагодарить Дженифер Вайнер, Кэролайн Кепнес, Бренду Яновиц, Лор Нельсон Спильман, Лизу Штайнке, Лиз Фентон, Кристин Хармель, Розель Лим, Рейчел Ромеро, Мегги Моррис, Дженис Томас, Жана Пензиволя, Меридит Джегер, Марка Лесли, Уитни Рэкич, Джилл Ханну Андерсон, Венди Джеймс, Эми Хейндрик, Мариссу Стейпли, Ханну Мэри Маккиннон, Карму Браун, Дженнифер Хиллер, Лору Рассел-Эванс, Аниту Кушваха, Эми Стюарт, Ребекку Эклер, Мэри Кубику, Роз Най, Робин Хардинг, Кэтрин Маккензи, Джилли Макмиллан, Кимберли Белль, Саманту Даунинг, Даниэлу Петрову, Кристину Макдональд, Эмили Карпентер, Андреа Бартц, Кьяру Руду, Хизер Гуденкауф, Лору Симс, Полу Трейк Дебоард, Кейт Моретти, Соню Йорг, Натали Дженнер, Хэлли Саттон, Лизу Барр, Джен Грисуэлл, Джесс Скуг, Джули Лоусон Тиммер и Дэниэль Янг-Ульман.

Я также благодарю блогеров, ведущих инстаграм-каналов и читателей, которые поддерживают авторов и упоминают меня в своих рекомендациях, — это Элизабет Гандерсон, Мелисса Эмстер из Chic Lit Central, Марлин Робертс Энгель, Сюзанна

Файн, Кайли Стюарт из Books, etc., Дэни Декслер, Эндреа Пескин из *Great Thoughts' Great Readers*, Афина Кей, Джейми Розенблит из *Beauty and the Book*, Кристи Баррет и Тон Кэллан из *A Novel Bee*, Кейт Рок из *KateRock LitChick*, Соника Соарс из *The Reading Beauty*, Барбара Бос из *Women Writers, Women's Books*, Тамара Уэлш из *Traveling with T*, Джудит Д. Коллинз из *Books and Chinooks*, Ник Фаррел из *Flirty Dirty Books*, Шелл из *The Big Fat Bookworm*, *LindyLouMac Blogs*, Сьюзан Леопольд из *Suzu Approved Book Reviews*, Синди Розел и остальных, благодаря которым другие читатели узнают о наших книгах.

Я благодарю книготорговцев и библиотекарей, которые закажут «Обратный отсчет», порекомендуют роман читателям и помогут мне найти книгу, которую захочется прочитать. Это невоспетые герои.

Я всегда буду благодарна моему учителю в 8-м классе Малькольму Кроуфорду, который вручил неуверенной в себе маленькой девочке награду на выпускном и сказал, что она талантлива.

Моя семья никогда не уставала верить в меня. Джона, Перлита, Ханна, Майки, Эйлин, Рон, Линдси, Скотт, Феликс, Бесси, Тодд, Лори, Брианна и Оуэн. Я очень сильно вас всех люблю. Как же мне повезло!

Я посвятила этот роман своим родителям, Майклу и Селии, потому что всё свое детство я читала. Я читала, когда ела и когда гуляла, и часто врезалась в столбы, потому что смотрела в книгу. В историях

я находила себя. Мои родители позволяли мне читать всё, что я захочу. Они передали мне уверенность, что ни за что нельзя отказываться от своей мечты. Надеюсь, я смогу сделать то же самое для своих детей.

И наконец, главное. Я бы никогда не смогла писать без любви, поддержки, заботы и постоянного поощрения мужа и детей. Они обеспечили меня пространством для творчества, вдохновением, согрели мой мир любовью и радостью. Брент, Спенсер, Хлоя, бесстрашно следуйте за своими мечтами, я очень всеми вами горжусь. Вы — мои солнце, луна и звезды.

И еще я хочу сказать спасибо вам, мои читатели. За то, что вы захотели прочитать «Обратный отсчет». Моя мечта сбылась, и я от всего сердца благодарю вас за это.

Оглавление

Глава 1. Морган. Понедельник, 7 августа.....	9
Глава 2. Николь. Восемь недель назад.....	14
Глава 3. Морган. Понедельник, 7 августа.....	27
Глава 4. Николь. Семь недель назад.....	32
Глава 5. Морган. Понедельник, 7 августа.....	42
Глава 6. Николь. Пять недель назад.....	61
Глава 7. Морган. Понедельник, 7 августа.....	77
Глава 8. Николь. Четыре недели назад.....	88
Глава 9. Морган. Вторник, 8 августа.....	97
Глава 10. Николь. Четыре недели назад.....	107
Глава 11. Морган. Вторник, 8 августа.....	113
Глава 12. Николь. Три недели назад.....	122
Глава 13. Морган. Вторник, 8 августа.....	128
Глава 14. Николь. Две недели назад.....	134
Глава 15. Морган. Вторник, 8 августа.....	141
Глава 16. Николь. Две недели назад.....	153
Глава 17. Морган. Вторник, 8 августа.....	156
Глава 18. Николь. Две недели назад.....	162
Глава 19. Морган. Вторник, 8 августа.....	169

Глава 20. Николь. Десять дней назад.....	183
Глава 21. Морган. Вторник, 8 августа	190
Глава 22. Николь. Девять дней назад	195
Глава 23. Морган. Среда, 9 августа	202
Глава 24. Николь. Девять дней назад	211
Глава 25. Морган. Среда, 9 августа	215
Глава 26. Николь. Девять дней назад	220
Глава 27. Морган. Среда, 9 августа	229
Глава 28. Николь. Пять дней назад.....	238
Глава 29. Морган. Среда, 9 августа	242
Глава 30. Николь. Пять дней назад.....	246
Глава 31. Морган. Среда, 9 августа	252
Глава 32. Николь. Пять дней назад.....	269
Глава 33. Морган. Среда, 9 августа	274
Глава 34. Николь. Седьмое августа	284
Глава 35. Морган. Среда, 9 августа	287
Глава 36. Николь. Седьмое августа	298
Глава 37. Морган. Шесть месяцев спустя	302
Послесловие.....	311

АРКАДИЯ

Литературно-художественное издание

Для лиц старше 16 лет

Саманта Бейли
ОБРАТНЫЙ ОТСЧЕТ

Генеральный директор *Мария Смирнова*
Главный редактор *Антонина Галль*
Ведущий редактор *Янина Забелина*
Художественный редактор *Александр Андрейчук*

Издательство «Аркадия»
Телефон редакции: (812) 401-62-29
Адрес для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 21

Подписано в печать 10.01.2022.
Формат 84×108/32. Печ. л. 10,0. Печать офсетная.
Тираж 4000 экз. Дата изготовления 25.02.2022. Заказ № 2115400.

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

Произведено в Российской Федерации
Срок годности не ограничен

По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в компанию «Лабиринт»:
тел.: (495) 780-00-98
www.labyrinth.org

Заказ книг в интернет-магазине «Лабиринт»:
www.labyrinth.ru

16+

Знак информационной продукции

